

О чуме или заразном сыпном тифе крупного рогатого скота. Его история, происхождение, описание и лечение

Оноре Бургиньон

On the cattle plague: or, Contagious typhus
in horned cattle. Its history, origin,
description, and treatment

Honoré Bourguignon

Электронная книга проекта "Гутенберг" о чуме крупного рогатого скота, или заразном сыпном тифе крупного рогатого скота. Его история, происхождение, описание и лечение

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: О чуме крупного рогатого скота, или заразном сыпном тифе крупного рогатого скота. Его история, происхождение, описание и лечение

Автор: Оноре Бургиньон

Дата выхода: 22 июня 2011 г. [Электронная книга № 36496]

Последнее обновление: 7 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Барбара Коскер, Брайан Несс и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА О ЧУМЕ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА", ИЛИ "ЗАРАЗНЫЙ ТИФ У КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА". ЕГО ИСТОРИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ОПИСАНИЕ И ЛЕЧЕНИЕ ***

О ЧУМЕ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА: ИЛИ заразном сыпном тифе крупного рогатого скота.

ЕГО ИСТОРИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ОПИСАНИЕ И ЛЕЧЕНИЕ.

АВТОР Х. БУРГИНЬОН,

Доктор Парижского факультета, член Общества врачей Парижа; лауреат Института Франции, кавалер Ордена Почетного легиона и др.

"Scribo nec ficta, nee picta, sed quæ ratio, sensus et experientia docent."

ФИЛАДЕЛЬФИЯ:

J. B. LIPPINCOTT & CO.

ЛОНДОН: J CHURCHILL & SONS.

1869.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МИСС БЕРДЕТТ КУТТС.

Мадам,

Многочисленные услуги, которые вы оказали, и интерес, который вы проявили к катастрофической эпизоотии, которая в настоящее время уничтожает благородные стада Англии, побудили меня посвятить вам следующие страницы, удовлетворенный тем, что я всего лишь публично выражаю уважение, которое испытывают к вам многие ваши соотечественники.

Я имею честь быть, мадам,

С уважением, ваш покорный слуга,

Х. БУРГИНЬОН.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Нации на протяжении последовательных фаз своей эволюции на земном шаре, на которых они переходят от состояния младенчества и варварства к состоянию зрелости и цивилизации, от цивилизации к упадку или дряхлости; и от упадка к своему окончательному исчезновению, подвержены бесчисленным бедствиям.

Эти бедствия вызываются моральными причинами и тогда называются социальными революциями; а в других случаях - физическими причинами, и тогда они называются Катаклизмами, Эпидемиями или Эпизоотиями.

В условиях этих кризисов инициатива и преданность отдельных людей, государственное управление и применение знаний, полученных в области искусств и наук, в совокупности представляют собой безошибочный критерий для определения положения, которое занимает нация на шкале цивилизации, и ценности ее религиозных, социальных и политических институтов.

Стихийные бедствия всегда оставляют после себя катастрофы и жертв, но они оставляют и ценное наследие. Нации, которые призваны к новым и прогрессивным усилиям, находят в приобретенном опыте новый источник силы и средства для будущего величия. Я убежден, что так будет и с Англией; хотя в данный момент она беспомощна и не в состоянии противостоять эпидемии крупного рогатого скота, которая сейчас опустошает всю ее территорию, в будущем она окажется лучше подготовленной к сопротивлению вторжениям такого ужасного врага.

Ни одна отрасль человеческих знаний не подвергалась более грубой проверке во время нынешней эпизоотии, чем медицинская наука. Многие люди были поражены ее беспомощностью; но если бы они подумали, на каком расстоянии медицина должна идти вслед за точными науками, благодаря которым она снабжена инструментами для проведения своих исследований, — что органическая химия прогрессирует, но медленно, — что чума крупного рогатого скота была совершенно неизвестна нынешнему поколению медиков в Англии, — и что, следовательно, средства для ее научного и практического изучения были совершенно недостаточны, они были бы менее удивлены, обнаружив, что вылечить чуму крупного рогатого скота так же трудно, как вылечить чахотку, рак, водобоязнь, и холера, против которой лекарства слишком часто мало помогают.

Во времена великих национальных бедствий каждому надлежит вносить свой вклад в соответствии со своими талантами, состоянием или способностями, чтобы смягчить последствия общего несчастья. Лепта бедняка и честное намерение самого ничтожного человека, добавленные к бюджету общих усилий, имеют свою относительную ценность; и именно по этим причинам я опубликовал следующую монографию о чуме крупного рогатого скота.

Если это каким-либо образом поможет прекращению нынешней эпизоотии или если это укажет на необходимость сочетания изучения сравнительной патологии с изучением медицины, я буду чувствовать, что внес нечто такое, что может способствовать моему утверждению о зачислении в число граждан Англии.

Эта книга, как легко видеть, изначально была написана на моем родном языке. Несколько добрых и услужливых друзей — в особенности мистер Тейлор Синнетт, доктора Клэптон и Джервис из больницы СвятогоФомы и мистер Берридж из Британского музея — оказали мне величайшую помощь в переводе. Без руководства таких компетентных помощников я не смог бы выполнить свою трудную задачу.

Поэтому я прошу передать этим джентльменам и всем тем, кто помог мне в этом случае, мою самую искреннюю благодарность.

Х. Б.

Содержание.

	СТРАНИЦА
Введение	1
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.	
История заразного бычьего тифа с древнейших времен до наших дней	5
ВТОРАЯ ЧАСТЬ.	
Глава I. —О сыпном тифе в целом и о сыпном тифе, поражающем быков, в частности	72
Глава II.—Происхождение и причины бычьего тифа	84
Глава III.-Описание заразного бычьего тифа; его симптомы, течение, прогрессирование и т.д.	140
1. Симптоматические характеристики	141
2. Поражения, обнаруженные на телах после смерти	163

3.	Животные —опасность прямого заражения	173
4.	Общие соображения о сыпном тифе и краткое изложение симптомов	191
Глава IV.—Лечение бычьего тифа		206
1 и 2.	Средства и меры, которые следует применять для борьбы с причинами заразного тифа крупного рогатого скота	208
3.	Лечебный препарат	237
4. Гигиенические меры, которые необходимо принять для предотвращения распространения инфекции— -	Акты и распоряжения, касающиеся санитарных правил полиции,	257
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.		
Фермерам и скотоводам		281
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.		
Предложения по усовершенствованиям, которые необходимо внести в изучение медицинской науки, чтобы мы могли противостоять болезням в целом и эпизоотическим и эпидемическим заболеваниям в частности		311
ПРИЛОЖЕНИЕ.		
Различные документы		337

Введение.

Все говорят о чуме крупного рогатого скота! Но почему мы должны заимствовать это зловещее и мрачное название из средневековья и из народного словаря? Является ли это, таким образом, неизвестной и неизлечимой болезнью? Это первый случай, когда она появилась на земле Великобритании? Судя по тому, как было встречено, учтено, объяснено и обсуждено распространение этого заболевания, можно было бы предположить, что это было так; и все же простое наблюдение за его причинами, симптомами, признаками и воздействием на организм больных животных, помимо нескольких ссылок на медицинскую библиотеку, легко засвидетельствовало бы, что природа не стала ждать до второй половины 19 века, чтобы породить новую чуму. Нет! В мирах космоса долгое время не появлялось ничего нового. Космические явления следуют своим постоянным курсом, и органические явления, *тем более*, делают то же самое. Жизнь во всем животном царстве, какими бы ни были ее изменения и флуктуации, подчиняется установленным и неизменным законам, которые господствуют над здоровьем и болезнями. Только наша самонадеянность и невежество могут объяснить изумление, которое мы проявляем не только когда становимся свидетелями великих всеобщих бедствий, но даже когда мы смотрим на те простые болезненные нарушения, которым органическая материя, как животная, так и растительная, постоянно подвергается на земном шаре в естественном процессе разрушения.

Приобретенная большинством из нас привычка ограничивать свои наблюдения явлениями, которые бросаются в глаза, вместо того, чтобы фиксировать их на общих причинах, вызвавших эти явления; забывчивость одних, у других недостаточное знакомство с общей и сравнительной патологией, в данном случае привели многих добросовестных исследователей к неправильному пониманию как природы, так и лечения заболеваний крупного рогатого скота. Напрасно мы подразделяли и классифицировали медицинскую науку — напрасно мы произвольно учредили ветеринарную медицину и медицину для человека; природа в своих действиях не располагает подобными тонкостями. В природе органическая материя есть органическая материя, жизнь есть жизнь; и хотя может быть правдой, что и органическая материя, и жизнь становятся более сложными и продолжают совершенствоваться, пока не достигнут человека, столь же верно и то, что законы патологии и физиологии одинаковы у всех, и что вылечить тиф у быка так же трудно, как и у человека. Следовательно, поскольку именно из-за того, что мы упустили из виду эти фундаментальные истины, вспышка чумы крупного рогатого скота застала нас врасплох, мы должны отнестись к этому вопросу со всей подобающей серьезностью.

Однако не следует опасаться, что особый факт *так называемой* чумы крупного рогатого скота будет упущен из виду за множества научных обобщений. Нет; побочные размышления, кажущиеся чуждыми основному аргументу, совпадут, чтобы прояснить его; и все эти лучи света сойдутся в общем центре, отражая, льстим себе, некоторые очевидные факты и практические истины.

Эта работа о заразном сыпном тифе быков разделена на четыре основные части.

Первая часть содержит историю этюготифа с самых отдаленных времен до наших дней. Он разделен на несколько разделов.

Вторая часть, в которой дается описание заболевания, разделена на четыре главы.

В первой главе рассказывается об общем сыпном тифе, чтобы можно было прийти к совершенному пониманию названия и определения конкретной чумы, поражающей быка.

Второй относится к причинам и происхождению заболевания.

В третьем рассматриваются его симптомы, прогресс и т.д.

Четвертый содержит свой способ лечения.

В третьей части даются некоторые простые инструкции для фермеров, торговцев скотом и молочников.

В четвертой части излагаются научные средства и гарантии, которые должны быть приняты для того, чтобы эта страна никогда не впала в то состояние беспомощной паники, до которого ее довело отсутствие подготовки, когда нынешняя эпизоотия начала свои опустошительные действия.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

История заразного бычьего тифа с древнейших времен до наших дней.

Я.

Общие, локальные и частные причины разрушения постоянно воздействуют на организованные существа, и эти причины объясняют те *эпифитные* болезни, которые поражают растения, *эпизоотические* болезни, которые приводят к смертности среди животных, и *эпидемии*, которые поражают человеческий вид и являются смертельными. Таким образом, в настоящее время мы выделяем в растительном царстве болезнь, поразившую

виноградные лозы, оливковые деревья и картофель; в животном царстве - болезнь шелкопряда, холеру и брюшной тиф крупного рогатого скота: так что мы можем с уверенностью сказать, что та или иная из этих болезней всегда, в данный момент, свирепствует в какой-то части земного шара среди некоторых видов животных, будь то птицы, свиньи, лошади, овцы, крупнорогатый скот, или, в конечном счете, поражает самого человека.

Однако, когда пагубное нашествие поражает только растения и животных, расположенных на наших антиподах, мы редко слышим о тех разрушениях, которые оно наносит; и когда мы это делаем, забывая о сродстве, связывающем вместе все органические существа на земле, и их взаимной зависимости, ничто не может сравниться с безразличием, которое мы проявляем к этим бедствиям. Затем, когда опасность угрожает нам ближе к дому или когда зло вторглось в нас, мы прибегаем к карантину как великому средству защиты. Но это предохраняющее средство чаще всего обманчиво — просто иллюзия; ибо настоящие чума, тиф и холера, переносимые небесными ветрами, преодолевают самые большие расстояния и самые высокие препятствия и сбивают с толку все наши расчеты; их последовательные возвращения учат нас, что мы будем постоянно подвергаться их разрушительному опустошению до тех пор, пока мы пренебрегаем искоренением зла в его первоначальном источнике, то есть в тех странах, из которых оно исходит.

И здесь следует отметить, что смертельная холера угрожает прочно закрепиться в английских владениях Индии, потому что общественные сооружения, с помощью которых великие реки раньше оставались в своих руслах, в последнее время не ремонтировались и не содержались в надлежащем порядке в этих странах; из-за этого пренебрежения их воды разливаются по равнинам, оставляя, когда они спадают, те заразные отложения, которые обеспечивают постоянную инкубацию холеры.

Таким образом, мы вынуждены остановиться на общих причинах этих болезней, потому что больные растения, которыми питаются бессловесные животные, и больные животные, которыми питается сам человек, имеют постоянную причинно-следственную связь; и нам придется обратиться к этому предмету и придать ему вес, когда мы будем говорить о лечении этих болезней.

Важным фактом, заслуживающим нашего самого пристального внимания, является то, что жизнестойкость, присущая организму животного для противостояния атакам этих заразных болезней, очень далека от одинаковой у всего вида. Человек в этом отношении является наиболее благоприятствуемым и лучше всего укрепленным; он способен, не сильно деградируя, обитать на любой широте, в некотором роде безнаказанно, если того требует его призвание, находиться среди самых пагубных эманаций и часами продолжать вдыхать их губительные пары. Мы могли бы привести множество поразительных примеров этой силы сопротивления в человеке. Но есть один, свидетелем которого мы недавно стали и который все могут оценить. Мы имеем в виду бойню на большом Столичном рынке. Здесь мы увидели в виде кусков и фрагментов всевозможные разложившиеся *останки* животных, пораженных заразным тифом; мы также видели, как животных валили, забивали и расчленяли при высокой температуре, которая делала воздух таким ядовитым, что мы с трудом могли им дышать; и все же среди всей этой заразы рабочие, нанятые для перемещения и обработки этих отвратительных обломков, казались равнодушными к происходящему и находились в своем обычном состоянии здоровья. Ни одно живое животное, кроме человека, не выдержало бы такого испытания; никто другой не

смог бы часами и день за днем дышать, как эти рабочие, атмосферой, столь насыщенной разлагающимися нечистотами.

Поэтому мы говорим, что человек может подвергать себя с меньшей опасностью для своей жизни, чем любое другое животное, тем пагубным причинам, которые вызывают и развивают заразные болезни. За ним по силе жизненного сопротивления следуют всеядные животные, затем плотоядные и, наконец, травоядные, у которых эта способность действительно очень слаба.

Это главное соображение, которое должно быть полностью понято и оценено ненаучными читателями, потребовало бы объяснений, выходящих за рамки данной работы. Давайте, однако, пока установим тот факт, что травоядные животные, такие как овцы и крупный рогатый скот, оказывают лишь очень слабое сопротивление причинам, вызывающим инфекционные и эпизоотические заболевания, и сделаем все возможное, чтобы доказать это демонстративно; ибо, если однажды признать эту истину, мы сделаем отсюда вывод, что долг человека постоянно окружать этих хрупких и деликатных созданий особой заботой и вниманием, если он хочет предотвратить их периодическое истребление, и если он также хочет избежать последующего вреда для себя — потери здоровья. и деньги, получаемые в результате этого ухудшения.

До тех пор, пока травоядное животное получает надлежащее питание; пока оно пасется на тучных пастбищах; пока в его крови сохраняются те физиологические элементы, которые являются основным условием здоровья, оно может противостоять причинам большинства заразных заболеваний, и оно это делает. Но если жаркое лето и продолжительная засушливая погода сокращают в зонах умеренного климата обычное изобилие корма для него, тогда наступает фатальная перемена: кровь истощается, выделения ослабевают, по организму проходит странная вялость, жизненное сопротивление ослабляется, и он становится легкой добычей тех вредных воздействий, с которыми раньше сталкивался без вреда, пока его запасы были в изобилии.

Это фундаментальный вопрос. Поэтому мы просим разрешения поддержать и обосновать наш аргумент, позаимствовав некоторые дополнительные доказательства из наших предыдущих работ, выполненных в Эколь д'Альфор, недалеко от Парижа, совместно с профессором Делафоном, чье имя так часто упоминалось в публичных журналах в связи с чумой крупного рогатого скота.

Все овощи и животные, за исключением *взрослых* мужчин, всякий раз, когда их здоровье ухудшается по какой-либо причине (но особенно из-за недостатка пищи), самопроизвольно порождают микроскопических паразитов или очень мелких насекомых, микробы которых присущи их организму. Стадо пушистых животных, истощенных недостатком корма на сухих и выжженных лугах, в свое время поражается паразитарным кожным заболеванием, известным как зуд, которого достаточно, если его не остановить, чтобы уничтожить все стадо целиком. Теперь все, что требуется, - это перевести это стадо на более плодородную почву, где их можно вдоволь прокормить, и болезнь исчезнет сама по себе, без какого-либо лечения. Дефицит корма разрушает здоровье животных, а обилие корма побеждает у них болезни.

Овцу, пораженную этим паразитарным заболеванием, можно без каких-либо опасений поместить в стадо здоровых овец, поскольку она не будет распространять чуму; но если вместо

того, чтобы быть здоровой, стадо находится в ослабленном состоянии, это зараженное животное распространит болезнь с ужасающей быстротой и может вызвать их полное уничтожение. Эти факты могут показаться поразительными, но мы говорим только после неоспоримого авторитета экспериментов.

Мы отобрали шесть здоровых овец, которых хорошо снабжали провизией; мы покрыли этих здоровых овец паразитами (акари). На каждой из этих здоровых, упитанных овец микроскопические животные вымерли, не вызвав кожных заболеваний, поскольку кровь, соки и кожа здоровых овец представляют собой почву, неблагоприятную для размножения этих паразитов, и фактически приводят их к голодной смерти.

После этого первого эксперимента мы подвергли этих шестерых овец неполноценному питанию; они стали тощими, их кровь обеднела, и тогда все, что нам нужно было сделать, это подсадить им не тысячи и тысячи этих паразитов, как мы делали в первом случае, а одну—единственную самку в состоянии плодовитости; и паразитарная чума развилась настолько сильно, что вызвала гибель трех из этих овец, на которых тесту было позволено пройти своим чередом; в то время как остальные три овцы, будучи вовремя восстановлены до состояния, поддающегося выздоровлению, только что вернулись к нормальной жизни. когда они были близки к отправке, их полностью вылечили без какой—либо специальной обработки, исключительно благодаря хорошему питанию и обычной гигиене.

Другие тесты, аналогичные этим экспериментам, проводились на собаках, лошадях и крупном рогатом скоте. Тощая и костлявая собака, покрытая паразитами и сыпью, с бегаящими злорадными глазами, собака, которая не могла ни бегать, ни стоять и которая была доведена до последней стадии истощающего маразма, была спасена из когтей смерти и полностью вылечена без специального лечения, единственным влиянием богатой восстанавливающей диеты. Впоследствии эта собака стала прекрасной охотничьей гончей, прекрасной по форме и достойной восхищения своими спортивными качествами.

Эти эксперименты, представленные на рассмотрение Академии наук в Париже, были удостоены ее одобрения, а отчеты о них были напечатаны за счет Академии и представлены на конкурсных экзаменах.

Жизнестойкость крупного рогатого скота настолько слаба, что те животные, которые периодически выставляются на севере Лондона, хотя, безусловно, выбираются из числа наиболее здоровых и крепких, не могли в течение месяца собираться в большом количестве в Сельскохозяйственном павильоне в Ислингтоне, не заболев заразными болезнями — почти все без исключения. В условиях, в которых мы видим их в этом Шоу, одного месяца было бы достаточно, чтобы произвести почти полное их уничтожение; ибо даже одна неделя, которая является обычной продолжительностью их заключения, влияет на них настолько сильно, что делает значительную часть из них нездоровой.

Всем известно, как склонны кавалерийские лошади заболевать и вымирать во время кампании. Каждый слышал о страшных потерях среди лошадей союзных армий во время Крымской войны, когда многие роты были расформированы из-за этой смертности.

Давайте теперь мысленно перенесемся в середину этих бескрайних степей, где разводятся огромные и неисчислимые стада травоядных животных для нашего снабжения, и рассмотрим,

как отразится на их здоровье и жизни нехватка корма вследствие этого долгого засушливого лета.

Нет необходимости говорить, что в России, Венгрии, Австралии, Северной и Южной Америке и во многих других частях земного шара существуют обширные пространства, которые до сих пор не заселены, чья необработанная почва обеспечивает пищей огромное количество овец и крупного рогатого скота. Эти обширные пространства, известные как вересковые пустоши или степи, особенно многочисленны в России, на берегах Волги, Дона, Днепра; в Венгрии, на берегах Дуная; а также в Южной Америке, в республиках Венесуэла, Новая Гранада, Колумбия и др.

Теперь, в жаркие и дождливые сезоны, эти степи изобилуют сочной зеленью; растения, растущие на болотах, плодovиты и обильны, и даже те части диких вересковых пустошей, где нет ничего, кроме вереска, способны прокормить и откормить стада.

При таких благоприятных условиях, как эти, животные все еще могут страдать, но каким образом? От избытка пищи или сытости. В целом они крепкие и здоровые, и, таким образом, обогащенные витаминами, они вдыхают без ущерба для здоровья вредные газы кислорода с углеродом, карбюрированный водород и тому подобное, которые выдыхают растения, произрастающие на болотистых почвах. Защищенные таким образом, они также устойчивы к смене времен года и ко всем травмам, которые им угрожают; а их крепкое и здоровое состояние позволяет им переносить тяготы своих долгих и изнурительных путешествий и снабжать богатые страны Запада своим мясом, шерстью и шкурами.

Когда времена года, таким образом, передают элементам почвы должное количество тепла, воды и электричества, как растения, так и животные способствуют комфорту и здоровью человека и оправдывают его ожидания. Но законы природы окутаны тайной. Добро и зло идут рука об руку — смерть и жизнь идут рядом, — и за несколькими годами обильных урожаев почти неизменно следуют мор, бесплодие и дефицит. Большинство людей думают только о настоящем времени, и эта неосторожность и недостаток предусмотрительности мешают фермерам и крупным скотовладельцам собирать и хранить в резерве необходимые запасы продовольствия, чтобы прокормить своих овец и быков в эти неурожайные сезоны. Затем вспыхивают болезни, и эти беспомощные создания гибнут в огромном количестве в ущерб интересам своих владельцев.

И действительно, когда непрекращающиеся дожди приводят к разливу рек, когда равнины промокают, или когда палящее солнце опалает землю, травоядные животные напрасно бродят от поля к полю в поисках пищи, чтобы восстановить свои силы, или чистой и полезной воды, чтобы утолить жажду; их жизненная сопротивляемость иссякает, вредные газы отравляют и сбивают их с толку, их кровь портится, и, как говорит Овидий,

"Corpora fœda jacent, vitiantur odoribus herbæ."

И поскольку эти кроткие и безвредные животные, которые, по-видимому, были созданы только для того, чтобы одевать нас и питать своим молоком и мясом, не были наделены природой ни умом, ни активностью, ни хитростью, ни изобретательностью, ни умением, которыми наделены всеядные и плотоядные виды, тяжела их участь в условиях насущных потребностей голода. Мирные существа, они тщетно выискивают вредные растения на стерильной почве; их внешняя

и внутренняя оболочка теперь представляют собой благоприятное место для размножения паразитов — для *паразитогении*; и вскоре после общей *адинамии*, или расслабления волокон, они становятся невосприимчивыми к болезнетворным элементам инфекционных заболеваний, которым они подвержены, когда изнемогающие, больные и гниющие собираются вместе, и их уносит гекатомбами этот расточительный и всепожирающий тиф. .

II.

Из этих общих наблюдений над инфекционными болезнями мы можем легко заключить, что они, должно быть, существовали во все прежние эпохи; и если на нашем нынешнем продвинутом уровне цивилизации они столь разрушительны, мы можем быть уверены, что в те отдаленные периоды они должны были быть причиной всеобщего истребления, как в отношении человека, так и в отношении всего животного мира, в каких бы частях земли они ни преобладали. И действительно, всякий раз, когда мы обращаемся к древней или современной истории, нас постоянно поражает аналогия, существующая между эпидемическими заболеваниями, обозначаемыми общим названием чума, которые уничтожали все живые существа, и теми, которые совсем недавно и в настоящий момент поразили мир своим фатальным воздействием на людей и животных.

Более того, мы не можем слишком часто повторять тот факт — чтобы можно было изучить те документы, относящиеся к прошлому, которые содержат полезные инструкции, — что физиологические и патологические законы, которые управляют и определяют явления органической материи, будь то в состоянии здоровья или болезни, были, подобно законам химии, электричества и астрономии, первоначально установлены во время творения, и что материя с пассивным повиновением подчиняется законам трансформации и пресуществления, которые являются абсолютным условием жизни. Это вечные законы, столь замечательный синтез которых представлен Евангелием в этом коротком наставлении: "*Приимите, ядите, сие есть тело Мое; пейте, сие есть кровь Моя*".

Итак, если бы человек, являющийся полновластным хозяином этой материи, не позаботился о регулировании и модификации ее для своей собственной выгоды и пользы всех живых существ, от которых зависит его собственная жизнь, а также его богатство и счастье; если бы он не стремился таким образом постоянно уменьшать количество зла и расширять количество добра, увеличивать которое является его миссией, он нарушил бы эти законы, которые присущи материи и которые существовали для его использования с момента сотворения мира.

Мы также должны верить, что те эпидемии, о которых говорится в Библии, те, на которые ссылается Гомер, те, о которых рассказывает Плутарх, и которые последовали за всеобщей засухой в 753 году до Рождества Христова; те, которые упоминаются Титом Ливием, Вергилием, Овидием и другими латинскими авторами, наиболее опасные из которых свирепствовали в 310, 212 и 178 годах от основания Рима, напоминали эпидемии, свидетелями которых мы являемся в наши дни.

Чума 212 года унесла всех жителей Сицилии, как скот, так и людей; чума 178 года уничтожила всех священников, которые тщетно искали жертвы, свободные от заразы, чтобы принести их в жертву оскорбленным богам.

Цецилий Север дает самое поразительное описание чумной болезни, которая в 376 году нашей эры уничтожила весь скот в Европе. Судя по его рассказу об этом бедствии, мы можем справедливо полагать, что описанная им чума была точно такой же, как та, которая только что разразилась в Англии. "Всеобщее отвращение, внезапное уныние, головокружения, спазматическое напряжение в конечностях, *болезненный отек нижней части живота*, сильные поражения нервов, внезапная смерть — все указывает на присутствие гнилостной закваски, которая раздражает твердые вещества, заражает и портит жидкости, что является причиной гнилостного разложения жидкостей, проявляющегося вздутием нижней части живота, которое в этом случае зависит от гнилостного брожения, способствующего выделению воздуха".

Кусок железа, изображающий знак Креста, нагревали на огне и, раскалив докрасна, прикладывали ко лбу больных животных; и это средство считалось в то время наиболее эффективным, какое они могли применить.

Грегуар де Тур упоминает эпидемию, ставшую результатом долгого засушливого лета 592 года, которое было очень разрушительным по своим разрушительным последствиям, не пощадив ни одного живого существа.

Андре Дюшен в своей "Истории Англии" говорит об эпидемии, которая в 1316 году, во время правления Эдуарда II, напротив, возникла из-за длительного сезона дождей.

Знаменитые врачи Рамазини и Ланчизи рассказывают, что в 1711 году у быка, завезенного из Венгрии, этого постоянноочага сыпного тифа, на венецианской территории проявилась самая смертельная форма заболевания крупного рогатого скота, хотя в Италии не наблюдалось никаких изменений в воздухе или воде, сезоны были регулярными, а пастбища обильными. Зараза распространилась в Пьемонте, где от нее погибло 70 000 голов крупного рогатого скота; оттуда она распространилась на Францию и Голландию, каждая из которых потеряла по 200 000 этих животных. Торговля шкурами принесла смуту в Англию, где она оказалась не менее губительной. То же самое было и в других странах Европы.

При этом заболевании кишечник пораженного крупного рогатого скота был, как и при нынешней эпизоотии, воспален и покрыт багровыми пятнами и изъязвлениями, а кровь, хотя и казалась жидкой в организме животного, *свертывалась непосредственно после выхода из вены*.

Отсюда Гермент приходит к выводу, что данная эпизоотия является не чем иным, как воспалением крови. Ланчизи советовал своим современникам безжалостно предавать смерти каждое животное, которое было поражено или казалось пораженным этой болезнью; и именно в Англии это мужественное решение было впервые претворено в жизнь.

Три графства Мидлсекс, Эссекс и Суррей остановили распространение этой инфекции менее чем за три месяца, приняв эту меру; в то время как в остальных пораженных графствах Великобритании, а также в Голландии, где этот решительный курс вообще не был принят, болезнь преобладала среди крупного рогатого скота в течение нескольких лет. С тех пор некоторые авторы настаивали на том, что варварский процесс всеобщего истребления предлагает наиболее эффективное средство, к которому при нашем нынешнем состоянии невежества и непредусмотрительности мы могли бы прибегнуть, чтобы остановить распространение и продолжительность этой смертельной болезни.

Ученый Гоэлике описывает эпизоотию, свидетелем которой был в 1730 году во Франкфурте-на-Одере. Его рассказ, написанный виртуозной рукой, вполне может быть применен к болезни, которую мы сейчас рассматриваем; и лечение, рекомендованное этим серьезным и бдительным наблюдателем, настолько мудро выведено из симптомов, что даже в наши дни мы могли бы взять это лечение за образец.

Мы могли бы позаимствовать гораздо больше из этого источника биографических исследований, если бы не сочли, что этих цитат будет достаточно для цели, которую мы имели в виду в этой работе. Но на основании этих авторитетных источников, мы думаем, можно справедливо заключить, что инфекционные заболевания среди крупного рогатого скота часто появлялись с самых отдаленных времен вплоть до середины восемнадцатого века.

Все эти эпизоотические нападения были частой и серьезной причиной страданий животных и людей; но опустошения, которые они оставляли после себя, каждый раз имели незначительное значение, если мы сравним их с теми, которые сопровождали эпизоотии, которые к 1746 году затронули животный мир. Это ужасное бедствие продолжалось десять лет и уничтожило почти весь род рогатого скота по всей Европе. Научные авторы того времени внимательно изучали и досконально понимали ее причины, симптомы и методы лечения, и эти авторы, более рассудительные, чем мы, не называли эту болезнь чумой. Это конкретное посещение заслуживает того, чтобы привлечь наше внимание особым образом, не только из-за его поразительного сходства с болезнью, которая сейчас вызывает у всех нас такую тревогу, но и потому, что оно побудило двух английских врачей, Малькольма Флемминга и Питера Лейарда, написать об этой болезни два отчета, которые равны, если не превосходят, все тома, появившиеся с тех пор по теме болезни крупного рогатого скота. С этим ничего не поделаешь, и наша гордость должна смириться с признанием: эти двое мужчин, старше нас на столетие, были людьми совершенно другого склада. Их изложения, обогащенные цитатами из греческих и латинских авторов, изобилующие фактами, остроумными открытиями и умозаключениями, намного превосходят по достоинству множество объемистых работ, которые были написаны и опубликованы с тех пор. Было бы легко доказать, что эти два проницательных исследователя гораздо лучше, чем мы, поняли истинную природу этой болезни крупного рогатого скота, и что мы должны быть благодарны им за то, что они первыми открыли путь, которым все мы должны следовать, чтобы открыть профилактические и лечебные средства, о которых мы все еще ничего не знаем.

Заметим мимоходом, что эти два врача, которые, по-видимому, были малоизвестны, просвещенные результатами прививки от оспы, тогда практиковавшейся от человека к человеку, по-видимому, впервые пришли к идее, ныне практикуемой в России, предотвращения распространения заразной болезни крупного рогатого скота посредством прививки; и мы можем усилить интерес к этому замечанию, напомнив читателю, что их эксперименты по прививке крупного рогатого скота проводились в 1757 году, через восемь лет после того самого года, когда появилась будущая прививка от оспы. человек с животным вирусом от знаменитого Дж Jennera. Исходя из этого, представляется, что двойная честь применения метода прививки как профилактического, так и лечебного средства в отношении заражения крупного рогатого скота и как профилактического средства от натуральной оспы коровы для противодействия разрушительному воздействию оспы на человека является неоспоримым требованием английских врачей.[\[A\]](#)

III.

Очень мало известно о происхождении или первой вспышке эпизоотии, которая вызвала такие ужасающие разрушения в середине восемнадцатого века. Некоторые предполагают, что впервые она появилась в Татарии, где вызвала расстройство, вдвое более обширное по своим пагубным последствиям, чем любая подобная чума, известная до того времени. Оттуда она проникла в Россию, откуда распространилась с одной стороны в Польшу, Лифляндию, Пруссию, Померанию и Голландию, а из этой страны в Англию; с другой стороны, на Восток, она вторглась в Турецкую империю, Богемию, Венгрию, Далмацию, Австрию, Моравию, Штирию, Венецианский залив, Италию, Испанию, Португалию, Францию, берега Рейна и Данию.

Но согласно другому мнению, источником возникновения этой разрушительной эпизоотии является Богемия, и ее сторонники утверждают, что во время осады Праги скот, пасущийся на ее равнинах, был лишен обычного корма из-за постоянных *бесчинств* французов по снабжению собственной кавалерии.

Как бы то ни было, эта заразная болезнь крупного рогатого скота, наконец, приняла масштабы общественного бедствия, и правительства нескольких стран были вынуждены серьезно рассмотреть ее, а медицинские факультеты и самые знаменитые врачи начали делать ее предметом своих исследований и отчетов. Поэтому во Франции профессора факультетов Парижа и Монпелье, отложив все другие занятия, посвятили свой самый усердный уход и внимание бессловесным животным.

Соваж, декан факультета в Монпелье, составил в высшей степени философский и ученый отчет о преобладающей болезни, в котором, как и Шталь, он, вероятно, на мгновение забыл о той роли, которую в развитии недуга он приписывает душе.

Парижские профессора, очень известные в свое время, но которые, не оставив после себя таких ценных трудов, как "Нозология" Соважа, ныне полностью забыты, также направили королю результаты своих расспросов и откровений.

Доктора Леклерка отправили в Голландию, откуда он привез Мемориал, отражавший мнения, которые, по его мнению, были распространены в Дании, и который был передан в *Мемориалах Королевского научного общества в Копенгагене*.

Из размышлений, найденных в трудах Малькольма Флемминга, Лейярда и других компетентных наблюдателей, очевидно, что эта грозная эпизоотия была по своему характеру идентична той, что была описана Рамаццини и Ланчизи в 1711 году; и мы считаем оправданным сказать, изучив каждую сколько-нибудь важную работу, в которой говорилось об этом посещении, что она напоминает болезнь, преобладающую в настоящее время среди крупного рогатого скота, по своему характеру, симптомам и тяжести. Мы считаем, что эти три посещения представляют собой всего лишь одну и ту же болезнь, проявляющуюся в три разных периода. Это представляется нам чрезвычайно важным фактом, поскольку, если это так, предварительная

трактовка того времени заслуживает нашего самого особого внимания. Следовательно, нам, возможно, будет позволено несколько ретроспективных взглядов при рассмотрении вопроса о болезнях крупного рогатого скота.

Профессора медицины (в том числе несколько английских врачей), наблюдавшие и описавшие эпизоотию 1745 года, разделили ее на три периода.

Продолжительность заболевания, когда оно проходит все свои фазы вплоть до смерти пораженного животного, составляющая от десяти до двенадцати дней, обычно каждому из этих периодов или стадий приписывали в среднем продолжительность в три-четыре дня.

1-й период.—После нескольких дней скрытой инкубации, о которой наблюдатель не мог и подозревать, больное животное проявило признаки болезненного состояния, которое вот-вот должно было проявиться, небрежным кормлением, опущенной головой и выражением глубочайшего уныния духа в своей позе и взгляде. Жевание, и без того несовершенное, вскоре совсем прекратилось, аппетит пропал, рога, уши и копыта замерзли, шерсть стала жесткой, язык и слизь казались белыми; глаза были слезящимися и неподвижными, слух притупился, в то время как у коров уменьшилось количество молока. В случаях необычной тяжести временная дрожь свидетельствовала о серьезном нарушении всех функций животного. За этим ознобом следовала сильная лихорадка, кровь становилась воспаленной, дыхание горячим, учащенным и иногда сопровождалось легким кашлем; когда, если слишком сильный толчок передавался внервные центры, давление на позвоночник становилось невыносимым, и животное, охваченное головокружением и почти обезумевшее от боли, падало в течение этого первого периода, как пораженное молнией.

Те же явления иногда наблюдаются при брюшном тифе человека, что, кроме того, предлагает некоторую аналогию с заразным тифом быка; но поскольку бык и лошадь также болеют настоящим тифом, они могут когда-нибудь снабдить нас профилактическим вирусом от этой лихорадки точно так же, как корова сейчас снабжает нас профилактическим вирусом от оспы.

2-й период. В большинстве случаев болезнь протекала своим чередом с большей или меньшей регулярностью; больное животное испытывало грызущие боли или подергивания, а также спазматические толчки в конечностях, по-видимому, сопровождавшиеся болью. Его жажда была неутолимой, но у него не было аппетита, функции мочевого пузыря и кишечника были затруднены, затем начался понос, сопровождавшийся сухими, зловонными, а иногда и кровянистыми выделениями. Густая вязкая слизь стекала из ноздрей, рта и глаз. В области спины и поясницы постоянно болели, головная боль и бессонница были постоянными. Животное продолжало либо стоять, либо лежать, и если бы оно захотело отдохнуть, то не смогло бы постепенно согнуться, а упало бы на землю, как инертная масса.

3-й урок. Диарея была постоянной, с каждым днем становясь все более зловонной, истощение плоти шло быстрыми темпами; клетчатка под шкурой была заполнена газом вдоль позвоночных каналов и под брюшком; ноздри были забиты слизистыми, животное могло дышать только ртом, громко сопя, когда оно втягивало воздух; и, наконец, на различных частях тела появились гнойничковые высыпания; но так как этого очищающего криза было недостаточно, бедное животное в этот заключительный период приступа пало жертвой между седьмым и четвертым ударами. двенадцатый день. Если бы ему довелось лежать, его агония была бы медленной, но если бы он стоял, то рухнул бы на пол и сразу же скончался.

В этой ужасной эпизоотии выжило очень мало пораженного скота — не более четырех-пяти из ста; и в этих благоприятных случаях симптомы представляли собой определенные признаки и критические явления счастливого предзнаменования. За этими редкими исключениями пульс не превышал семидесяти, удары сердца всегда были ощутимыми, пациент не отказывался от питья, продолжающаяся лихорадка не усиливалась по ночам, гнойничковые высыпания и опухоли появлялись на подвздошной области и передних конечностях, а эпидермис над ртом и ноздрями отслаивался примерно на двенадцатый день.

При вскрытии трупов можно было увидеть следующие изменения, которые уже наблюдались Фраскатором во время распространенной эпизоотии в 1514 году, а также Ланчизи и Рамаззини во время той, которая была столь фатальной в 1711 году. Слизистые железы рта были багровыми и иногда раздраженными; бронхи были закупорены слизистыми оболочками; легкие, помимо того, что были частично закупорены, иногда были эмфизематозными, то есть раздутыми сжатым воздухом. Из четырех желудков рубец был полон пищи, на сетчатом покрове, omasуме и сычуге были видны пурпурные или багровые пятна, в зависимости от их места расположения. В тонком и толстом кишечнике наблюдались либо общие уколы, разбросанные багровые пятна, либо изъязвления, в зависимости от того, носила ли лихорадка экзантематозную или брюшнотифозную форму; ибо слизистая оболочка пищеварительных каналов, и особенно слизистая оболочка кишечника, проявляет, подобно внешнему покрову у человека и у животных, различные формы воспаления, аналогичные кори, скарлатине и оспе; так что, если брюшной тиф у человека, который есть не что иное, как оспа кишечника, может быть вызван корью, так часто излечивается, это потому, что общее болезненное состояние, лихорадка, часто скрывает различные поражения кишечника, хотя они кажутся схожими по общим симптомам, которые в совокупности составляют заболевание.

Мясо этих больных животных было черноватым и лишенным крови; животные, которые питались им, будучи сырыми, впоследствии заболевали или умирали. Обломки тел, и в особенности кожа, иногда сохраняли силу заражения, настолько смертельную, что простого вывоза их было достаточно, чтобы вызвать его распространение, и этой причине в то время приписывали вспышку заразы в Англии.

Необычный случай этого пагубного влияния, о котором рассказывает Хартманн, наблюдавший эту эпизоотию в период ее упадка в 1756 году, даст представление о коварстве этого злокачественного вируса.

Фермер, потерявший быка из-за этой смертельной чумы, закопал его на одном из своих полей. Следующей ночью медведь учуял быка, сгреб его лапами, съел часть мяса, а через несколько дней хищный зверь был найден мертвым в соседнем лесу крестьянином из прихода Эумаки. Шкура этого медведя была великолепна. Крестьянин содрал с животного кожу и с триумфом отнес ее домой. Но его триумф был недолгим, потому что в ту же ночь бедный соотечественник заболел и умер через два дня после нападения. Магистраты Вибурга, услышав об этом происшествии, отдали приказ сжечь зараженную кожу. Тем временем шкура была передана местному священнику в качестве компенсации за услуги по погребению; но его алчность убедила его, что эта прекрасная шкура не могла погубить крестьянина, которого он только что похоронил, и он вообще не сжег ее, а убедил другого крестьянина почистить и перевязать ее для него. Этот простой парень и двое других болванов, помогавших ему в приготовлении, заболели, и все трое умерли в течение нескольких дней. Теперь из Вибурга пришел новый и

безапелляционный приказ сжечь эту кожу, сжечь дом, в котором она была выделана, сжечь даже самую церковь, если это будет сочтено необходимым. Шкурка уже побывала в нескольких руках. Однако священник, по-прежнему не желавший расставаться с ней, снова забрал ее домой. "Возможно ли, - сказал он себе, - что эта кожа действительно оказалась смертельной для жизни? Интересно, что могло быть причиной?" При этом он растер его в руках и понюхал. Невезучий викарий! Через несколько дней он сам заболел и умер. (*Воспоминания Стокгольмской академии.*)

Уроженец Клермон-Феррана в департаменте Пюи-де-Дом во Франции, где родился Паскаль, однажды нашел быка, умершего от эпизоотии, содрал с него шкуру и унес ее. После его возвращения домой на одной из его рук разразился черный тиф, а затем гангрена, которую пришлось отрезать, и пациент умер от последствий ампутации.

Мясник, зарезавший быка, пораженного этим тифом, продал мясо нескольким солдатам Королевского Баварского полка, который в то время находился в гарнизоне в одном из городов Лангедока. Все, кто ел это мясо, заболели диареей, дизентерией и лихорадкой, и несколько заболевших солдат едва не умерли. Мясник, чья жадность стала причиной всего этого безобразия, вполне заслуживал примерного наказания, и некоторые из страдальцев предлагали повесить его на месте, но большинство, проявив больше милосердия, приговорили его к избиению до синяков конскими хлыстами.

Популярная поговорка, *когда зверь мертв, яд мертв*, будучи в целом верной, вирулентность инфекции в вышеупомянутых случаях обладала ядовитыми свойствами исключительного характера, ибо, если бы каждое больное животное, забитое мясниками и проданное потребителям, или те, с которых содрали кожу ради сохранения кожи, содержали в своих тканях такой смертоносный вирус, число жертв инфекции среди людей было бы ужасающим. И в этом случае аналогичные жертвоприношения были бы засвидетельствованы и в настоящее время, поскольку не подлежит сомнению, что при нынешнем состоянии мясного рынка в Лондоне у людей вошло в повседневную привычку есть мясо больного скота.

IV.

Врачи разных стран, естественно, уделяли много времени и внимания рассмотрению и обсуждению природы этой эпизоотии, потому что они чувствовали, что удовлетворительная теория и оценка ее основных явлений могли бы предоставить медицинскому факультету рациональную основу для некоторого специального лечения.

Лейард и женевские врачи сочли эту болезнь крупного рогатого скота *злокачественной лихорадкой с тенденцией к извержению*.

По оценке медицинских учреждений Парижа и Монпелье, эта болезнь крупного рогатого скота, рассматриваемая по ее симптомам, была не чем иным, как *злокачественной лихорадкой, по существу заразной*, действие которой, по-видимому, распространялось исключительно на кожу, и поэтому было рационально вызывать внешние высыпания и отложения, которые по мере созревания отводили от центра большую часть болезнетворного вещества.

Лечение, на которое, прежде всего, мы предлагаем обратить внимание читателя (особенно врачей), обязательно варьировалось в зависимости от периода заболевания. Иногда это было консервирующее, иногда лечебное средство, в зависимости от обстоятельств.

Профилактическое лечение. Фермеры и скотоводы, чьи стада все еще не были заражены, памятуя о рекомендациях, которые они получили через общественную прессу, проявляли особую заботу о своем скоте в течение этого эпизоотического сезона: они протирали их щеткой и мыли не реже одного раза в день; они укрывали их от неблагоприятных воздействий ветра и дождя; они выводили своих дойных коров, которых до этого держали взаперти в нездоровых коровниках, на открытый воздух полей; они мыли и окуривали стойла; они проверяли качество корма, корма и других продуктов питания; они добавляли морскую соль в питьевую воду или поливали соленой водой свой корм; и, прежде всего, они заботились о том, чтобы никакие чужеродные животные не смешивались с их стадами.

Некоторые врачи, со своей стороны, сознавая долг, который возлагается на них в такие периоды бедствий, вместо того чтобы довольствоваться рекомендациями лекарств, смело взялись за работу и экспериментально изучали болезнь на предмет ее распространения и профилактики.

Так, например, некоторые голландские врачи в 1754 году, желая узнать, передаст ли болезненное вещество болезнь при прививке, сделали надрезы на шеях некоторых быков, коров и телят, вложив в рану немного пакли, пропитанной болезненными выделениями, выделяющимися из глаз и ноздрей. Эта прямая прививка, проведенная на семнадцати животных, заразила их всех в течение нескольких дней.

Английские врачи, ознакомившись с этими экспериментами, применили их с более практической целью, уже не для того, чтобы выяснить, может ли болезнь передаваться таким образом (поскольку это было доказано), а для того, чтобы выяснить (что было гораздо важнее), можно ли предотвратить эту страшную болезнь.

Малькольм Флемминг в 1755 году просто предложил идею прививки как профилактического средства, не приступая к экспериментам для подтверждения своего мнения. Он излагает свою идею в следующих терминах:—

"Я полагаю, что у прививки будет больше шансов вызвать чумку, если объект, которому она проводится, настолько молод, насколько позволяет безопасность, сосуды в этом случае лучше всего впитывают влагу, а хозяйство животного легче всего привести в беспорядок.

"Но даже в том случае, если прививка телятам будет признана настолько успешной, что получит всеобщее распространение, метод, который я рекомендую, не будет совсем бесполезным; поскольку, будучи должным образом смоделированным и адаптированным к обстоятельствам, он может, я убежден, предотвратить заражение, а также действовать как препаративное средство при любом эпидемическом заболевании воспалительного характера не только у крупного рогатого скота, но и у всех других четвероногих, которых гражданское общество сочтет достойными сохранения, и даже у человеческого вида".

Лейярд в 1757 году посвящает седьмую главу своей работы "Средства предотвращения инфекции" рассмотрению профилактического лечения, в которой он говорит:

"Никому и в голову не придет занести инфекцию в какое-либо место, свободное от нее, просто ради прививки своему скоту; но если заразная чума находится поблизости от стада или разразилась так, что поставила под угрозу поголовье, скотовод или фермер может, сделав прививку своему скоту с надлежащими мерами предосторожности, по крайней мере обезопасить свой скот, поскольку он может разместить их до того, как они заболеют, подготовить их и должным образом позаботиться, зная течение чумы.

"Сэр Уильям Сент-Квинтин, преподобный доктор Фаунтейн, декан Йоркского университета, и другие джентльмены преуспели в прививке: в Голландии она одновременно провалилась и увенчалась успехом. Всем этим джентльменам была сделана прививка веществом, взятым из ротовой полости, носа или глаз. Профессор Свенке упоминает, что животное, у которого он взял вещество, выздоравливало от чумы. Следует обратить внимание на следующее обстоятельство: если бы материал был взят после кризиса из опухоли, фурункула, прыща или струпа либо на спине, около позвоночника, либо на ногах, гной оказался бы гораздо более выделенным, тонким и инфицирующим, чем тот, который, вытекая со слизью из носа, обязательно должен быть в какой-то степени покрыт этими клейкими выделениями, хотя я хорошо знаю, каким гнилостным и едким его делает болезнь.

"Чтобы не было упущено ничего, что в какой-либо форме могло бы способствовать успеху прививки, должное внимание следует уделять конституции и состоянию животного, причем в этой практике на крупном рогатом скоте не меньше, чем на человеке. Несомненно, молодые, здоровые и сильные чаще претендуют на хорошее потомство, чем старые, болезненные и немощные; каждая из этих различных конституций требует особого лечения, даже в методе подготовки; и каким бы незначительным это ни казалось многим — настоятельная необходимость подготовки, — я осмелюсь утверждать, что я видел превосходные результаты, возникающие в результате рациональной подготовки, и фатальные события из-за отсутствия подготовки. Я также был свидетелем неблагоприятных поворотов событий, просто из-за неразумной подготовки.

"Животным-сангвиникам требуется умеренное кровотечение; у тех, у кого есть лишь небольшая доля крови, ее не должно быть. Сильные должны, помимо умеренного кровотечения и очищения, придерживаться легкой диеты, а их тело должно быть открытым. Таким образом, ошпаренные отруби, смешанные с сеном и мякиной, охладят их. Ослабленных животных и тех, кто склонен к шелушению, следует содержать на сухом корме и давать им горох и фасоль для укрепления сил. К ним очень подойдет солодовая каша или кварта теплого эля с небольшим количеством специй.

"Какими бы болезнями ни был поражен скот, если позволит время, их следует устранить в первую очередь.

"Подлежащий прививке скот сначала хорошо моют, насухо натирают, а затем натирают карри, чтобы удалить всю грязь с шерсти и кожи. Затем их следует поместить в просторный сарай или конюшню, где воздух умеренный и к ним не может проникнуть холод. Там их следует готовить в соответствии с уже данными указаниями, подкармливать хорошим сладким сеном и поливать

чистой родниковой водой; и если чумы поблизости нет, их можно выпустить на воздух, рядом с сараем или конюшней, и оставить там на несколько часов в середине дня.

"Когда выясняется, что скот совершенно здоров, свободен от какой-либо инфекции или заболевания, бодр и резв, не капризничает, не чистит и не жует свою жвачку, тогда операцию можно проводить безопасно, и отныне он должен находиться в сарае.

"Поскольку наблюдается наибольший поток заразных и гнилостных частиц, отделяемых из крови, везде, где инфекционное вещество вначале производит впечатление, необходимо соблюдать особую осторожность, чтобы не проводить инокуляцию вблизи таких жизненно важных частей, как сердце и легкие, или вблизи матки, если прививается корова с телянком; ибо, хотя гребни должным образом наносятся в подвздошные складки, чтобы удалить заразную влагу из груди, а в других случаях животных часто гребут по бокам, — тем не менее, при этой операции, когда вещество вводится через эти каналы, попадание в соседние сосуды, эти жизненно важные органы или матку, может стать основным очагом заболевания, и событие может оказаться фатальным.

"Чтобы предотвратить подобные несчастные случаи, людям были сделаны прививки на руках и ногах, и теперь руки признаны достаточными. Я бы рекомендовал делать прививку крупному рогатому скоту примерно посередине плеч или ягодиц, с обеих сторон, чтобы иметь преимущество от двух дренажей. Кожу нужно разрезать вдоль на два дюйма, достаточно глубоко, чтобы пошла кровь, но не сильно. В этот разрез следует вложить кусочек пакли, обмакнутый в вещество полностью созревшего фурункула, вскрытого на спине молодого теленка, выздоравливающего от чумы. Возможно, не лишним будет зашить рану, подержать паклю внутри и оставить ее на сорок восемь часов. Затем швы нужно разрезать, паклю вынуть и смазать рану желтой мазью базиликум или мазью, приготовленной из скипидара и яичного желтка, нанесенного на кусочки пакли. Эти перевязки следует продолжать в течение всей болезни и до выздоровления животного, чтобы ускорить выделение; а затем рану можно залечить цератом каламинариса или любым другим.

"На третий день после прививки изменение цвета раны, губы которой кажутся серыми и опухшими, будет признаком того, что прививка прошла успешно; но животные, как сообщает нам профессор Свенке, заболели только на шестой день, что в точности соответствует наблюдениям, ежедневно проводимым при прививке детей. Тем не менее, профессор добавляет, что на третий день появилось ощущение уюта, которое было устранено путем введения каждому теленку трех унций английской соли.

"Как только появляются симптомы тяжести и тупости, на животных следует набросить легкое покрывало, а на ночь неплотно застегивать его. Их нужно растирать утром и вечером и натирать карри, пока не начнут подниматься фурункулы; необходимо обильно давать теплую сенную воду и уксусную сыворотку. Если животным требуется больше корма, можно предложить сухое мясо, например, скошенное сено, с небольшим количеством отрубей. Мне следует быть очень осторожной, давая молочную похлебку, даже после того, как все фурункулы и прыщи сойдут, из-за боязни вызвать раздражение. Однако это предостережение уместно: всякий раз, когда подают молочную похлебку, уксусно-сывороточную смесь следует по очевидным причинам не добавлять. В случаях несчастного случая при заболевании прививкой следует соблюдать такое же внимание, как и при естественном способе, и рекомендуемые лекарства те же, которые я бы

использовал; но при прививке редко возникает необходимость в каких-либо прививках, настолько благоприятно чума протекает через несколько стадий.

"После того, как кризис миновал, будет уместно провести чистку скота, постепенно проветривать его и соблюдать при обращении с ним те же правила, что изложены в главе о методе лечения".

Таковы рекомендации, которые Лейард прописал тем, кто вынужден практиковать прививку в качестве профилактического лечения; было бы трудно привести пример большей осмотрительности или точности.

С помощью этой прививки определенное количество быков было защищено от приступа болезни крупного рогатого скота; и этот способ лечения был, как мы позже объясним, принят в России. К сожалению, это рациональное и профилактическое средство было открыто только в конце эпизоотии, когда уже свыше шести миллионов голов крупного рогатого скота пали жертвой заразной лихорадки.

Целебное средство.—Когда первое течение болезни не оставляло сомнений в наличии приступа, больному животному назначали соответствующую диету и ограничивали употребление жидкости либо в виде лекарственных отваров, либо в качестве пищевых напитков. Отвары состояли из сыворотки, смешанной с небольшим количеством уксуса, и измельченного сена. Бульоны, или пищевые напитки, состояли из отвара хлеба и воды, смешанных с отрубями и мукой, будь то ячмень, овес или пшеница.

На этой стадии лечебного процесса большинство врачей рекомендовали одно или два кровотечения, чтобы ослабить ярость лихорадки и застойные явления вблизи нервных центров и легких; и поскольку в то время преобладали запоры, они стремились с той же целью опорожнить пищеварительные пути, кишечник и желудок, несмотря на трудности, которые существуют для достижения этого результата у жвачных животных.

Применяемые слабительные состояли из отвара сенны, смешанного с соком чернослива, с небольшим количеством ревеня или свежего льняного масла, настаиваемого в напитке или применяемого в качестве клизмы в теплой, слегка подсоленной воде. Те, кто практиковал полипрагмазию, давали на ночь смесь селитры, камфары, свинцового красителя и ревеня, разведенных в половине ведра теплой воды; и они очень хвастались активным действием этого напитка.

Некоторые практикующие врачи даже пытались на первой стадии болезни усилить ее действие на кожу, давая с этой целью теплые напитки и укрывая скот шерстяными тряпками, чтобы усилить потоотделение; но в целом было признано, что больные животные предпочитают холодные напитки и что им особенно нравится подкисленная сыворотка.

Во втором периоде чумы продолжали пить те же напитки, добавляя к ним немного териака или коры иезуита, чтобы уменьшить частоту диарейных эвакуаций. Они также провоцировали гниющие выделения изо рта, носа и глаз повторными промываниями; и поскольку те животные, у которых бег был наиболее легким и обильным, по-видимому, были менее серьезно поражены болезнью, они стремились увеличить количество выделений из желез рта, вставляя кляп в челюсти и удерживая его там в течение нескольких часов. Эта мера казалась настолько

эффективной, что декрет парламента Руана, изданный 13 марта 1745 года, предписывал ежедневно на три часа вставлять скотине кляп или удила.

В третьем периоде они пытались преодолеть упадок сил в организме с помощью тонизирующих и питательных напитков, отваров столетника, коры иезуита, ягод можжевельника и т. Д. Они также назначали смягчающие клизмы, если выделения были кровянистыми.

Более того, они поместили два или три сетона, главным образом в области подвеса, чтобы подчиниться знакам и указаниям природы — *quo natura vergit, eo ducendum*; поскольку в тот период началось благотворное и критическое высыпание кожи. Эти сеточки оставались открытыми с помощью смеси скипидара и яичных желтков с целью стимулирования выделения. Гнойные или эмфизематозные опухоли были вырезаны.

Но какие бы средства ни применялись, почти весь скот погиб, а редкие находки давали пессимистам только удовлетворение от того, что они приписывали их заслугу себе. Кроме того, было замечено, что самые жирные животные были наименее способны сопротивляться воздействию чумы.

Вряд ли нужно говорить, что в течение всего курса лечения уделялось большое внимание поддержанию как конюшен, так и скота в идеальной чистоте.

Выздоровление тех животных, которые были вылечены, неизменно было длительным и требовало большого внимания к их питанию и гигиеническому обращению. Твердые вещества, корни и фураж не употреблялись до тех пор, пока не возобновилось жевание; и только после нескольких дней обнадеживающих испытаний выздоровевшему животному, наконец, разрешалось весь день кормиться в поле, в соответствии с его желанием.

Такова, таким образом, была та ужасная эпизоотия, которая в середине восемнадцатого века унесла свыше шести миллионов голов крупного рогатого скота и которая нанесла ущерб Европе, превышающий пятьдесят миллионов фунтов стерлингов — возможно, мы могли бы сказать сто миллионов — другим домашним животным, овцам, лошадям и т. Д. (Как это обычно бывает в случаях эпизоотии), Также пострадавшим, в разной степени, от различных жалоб, вызванных суровыми сезонами.

Для достижения нашей цели, безусловно, было необходимо, чтобы мы взглянули на болезнь крупного рогатого скота в ретроспективе, и это послужит нам ценным руководством на будущее. Теперь мы можем довольствоваться сведением воедино различных летописей в цепи времени, прошедшего между трактатом Лейарда, опубликованным в 1757 году, и сегодняшним днем. Эта временная цепочка насчитывает 108 лет.

V.

Сыпной тиф крупного рогатого скота, который проявлял себя постоянным образом, иногда свирепствуя в одной части земного шара, иногда в другой, не мог при неизменных условиях, при которых он был вызван, приостановить свои опустошительные действия; и хотя благодаря своему изолированному положению Англия, возможно, менее подвержена ему, чем другие

страны, тем не менее, необходимо принять к сведению то, что может послужить нам инструкцией по нескольким эпизоотиям, которые будут рассмотрены нами.

Писатели-медики сообщают, что заразный сыпной тиф несколько раз вспыхивал в Голландии в 1768, 1769 и 1770 годах; он также появился во французской Фландрии в 1771 году, в Эно в 1773 году. Во Франции в этот период одно конкретное место было полностью приведено в порядок путем возведения санитарного ограждения вокруг его границ и уделения скоту особого внимания гигиене в качестве меры предосторожности. Стойла этих животных были вымыты, вычищены и окурены; им давали пить родниковую воду, тщательно подбирали корм и добавляли в него определенное количество соли.

В 1774 году Голландия, холодная и сырая страна, вновь подверглась нашествию этой напасти; и правительство напрасно предлагало награду в 80 000 флоринов любому, кто найдет профилактическое или специфическое средство от этой болезни.

Сыпной тиф, который в ту эпоху также снова вспыхнул на юге Франции, угрожал стать постоянной угрозой богатству наций. Два французских автора, Вик д'Азир и Пауле, серьезно взялись за сбор всех документов, которые к тому времени были опубликованы о последовательных приступах болезни, и предложили средства ее предотвращения. Их намерение, несомненно, было похвальным, но время для достижения такого результата еще не пришло; кроме того, эти два писателя, каковы бы ни были их заслуги, не были равны достижению такого характера. Они действительно принадлежали к тому разряду людей, которые смотрят на развитие науки исключительно как на шаг к личному отличию.

Самому Викку д'Азиру было всего двадцать пять лет, когда в 1775 году он опубликовал свою работу, озаглавленную "Разоблачение мойен, излечивающих и сохраняющих здоровье людей, работающих по борьбе с болезнями корней". Мы обманули бы себя, если бы ожидали найти в этой экспозиции что-либо, кроме интересной подборки уже опубликованных работ.

Paulet's treatise appeared likewise in 1775, under the title, "*Recherches historiques et physiques sur les Maladies epizootiques, avec les Moyens d'y remédier dans tous les Cas, publiées par ordre du Roi.*" Paris. Два тома.

Прочитав и поразмыслив над этим названием, столь же раболепным, сколь и высокомерным, я мог бы вообще отказаться от изучения этой работы. Ученый человек, стремясь к истине, ни от кого не подчиняется приказам, даже от королей. Следовательно, Пауле, писавший *по заказу*, мог создать только посредственную работу, и такова, бесспорно, степень ценности его двух томов, составляющих, по сути, тщательную диссертацию об эпизоотиях в целом и об эпизоотиях, относящихся к крупному рогатому скоту, в частности.

Работы Пауле и Вика д'Азира, написанные в одно и то же время, не являясь трудом людей, практикующих медицинское искусство, находятся на одном уровне с теми представлениями, которые они донесли до нас; но поскольку Вик д'Азир лучший из двух, мы извлечем из него то, что может нас больше всего заинтересовать.

Вик д'Азир рассказывает историю эпизоотий и подробно рассказывает о первоначальной причине тифа крупного рогатого скота и о его природе. Отрывки, в которых он рассуждает о способе его распространения и обращении с ним, больше всего заслуживают нашего внимания.

Он говорит, что безуспешно пытался передать болезнь во второй раз животным, которым посчастливилось вылечиться.

Чтобы коровы, покрытые свежими шкурами, снятыми с мертвого скота, ставшего жертвами чумы, не заразились ею.

Было обнаружено, что зараженная одежда, которую носили мужчины, служившие в больницах, где лечился крупный рогатый скот, была надета на спины нескольких животных, находящихся в добром здравии, и в трех случаях из шести передавала чуму.

Что газы, выделяемые из кишечника, собираемые в шарик из мочевого пузыря и выпускаемые под носом здорового крупного рогатого скота, передали им болезнь после десяти или пятнадцати дней скрытой инкубации; и что те же газы, смешанные с их питьем, также распространили инфекцию.

То, что трения руками, пропитанными вирусом, производились по коже, не вызвало никаких побочных эффектов.

Что некоторые быки, которых намеренно поместили на несколько часов среди больных животных, впоследствии заболели чумой.

Что теленок, которого поместили в стойло, где содержалось несколько тяжело больных волов, но у которого под носом была корзина, наполненная ароматическими травами, устоял перед инфекцией.

Коровники, которые были частично очищены и окурены, передавали болезнь другому скоту даже через несколько месяцев после того, как их освободили.

Наконец, он упоминает эксперименты по прививке, проведенные Лейем и в Англии, но, не понимая их цели и возможностей, он добавляет, что прививка не кажется ему какой-либо полезной, поскольку все привитые животные умерли. Тем не менее, он приводит обнадеживающие результаты, полученные Кемпером из Голландии, который из 112 привитых коров спас 41; и результаты Купмана, который из 94 вылечил 45 с помощью этой самой прививки.

Он напоминает нам, что сыпной тиф крупного рогатого скота является распространенным заболеванием в Венгрии и России, где животные, у которых плохая вода для питья, могут быть защищены только постоянным употреблением морской соли (*sel gemme*); но из-за отсутствия этой соли, когда они преодолевают большие расстояния для продажи и подвергаются крайней усталости и лишениям, сыпной тиф распространяется среди них. Он также сообщает нам, что Венгрия и Далмация, которые раньше снабжали рынки Италии мясом, были вынуждены отказаться от отправки туда какого-либо скота, поскольку итальянцы решительно отказались покупать его по любой цене.

Что касается лечения, советы, которые Вик д'Азир дает агрономам, в основном заимствованы у авторов, писавших о крупных эпизоотиях 1711 и 1745-1755 годов. Так, он советует им давать в качестве питья на первой стадии воду, отбеленную мукой и азотированную; промывать животных льняным маслом; даже делать скарификации на коже и поддерживать нагноение скипидаром; заставлять животных шесть раз в день вдыхать пары, приправленные уксусом; укутывать их шерстяными тряпками; пускать им кровь один или два раза; давать им,

когда проявляется диарея, напиток, содержащий полынь, хинин и диаскордиум; вскрывать опухоли, содержащие гной или воздух, и т.д.

Как видно, это та же трактовка, что и приведенная выше; он гарантирует ее успех и подкрепляет свои взгляды авторитетом Ван Свитена и Хаксана.

Ван Свитен, однако, несколько видоизменил лечение, отдав предпочтение кислотам; и этот курс казался ему разумным только по отношению к животным, в болезнетворных жидкостях которых содержится избыток щелочи.

Вик д'Азир сосредоточил свое внимание на средствах профилактики, наиболее эффективным из которых, по его мнению, был забор каждого животного, которое либо заболело, либо подверглось воздействию инфекции; и поскольку он настаивал на том, что у властей нет мер, обеспечивающих общественный интерес в этом вопросе, он взял за принцип, что правительство обязано выплатить компенсацию владельцам крупного рогатого скота, чьи животные должны были быть убиты, — тем более, сказал он, что хитрые фермеры никогда не выйдут вперед и свободно не заявят о непригодности своего скота, если только кто-то не обратит на это внимания. им было предложено возмещение, которое они рассматривали бы как своего рода эквивалент выгод, на которые они рассчитывали, разрезая их на куски и продавая как пищу для человека.

Врачи того времени, почуяв в Вик д'Азире опасного конкурента, сочли совет истреблять больной скот *гениальным средством лечения* их, и поскольку возраст и опыт автора давали основание для такого сатирического тона обсуждения, публика присоединилась к ним в смехе над ним.

Эпизоотия тифа, если и не столь разрушительная, была, по крайней мере, столь же частой в начале девятнадцатого века, как и в восемнадцатом. Армии во время войн объединенной Европы против Французской Республики и Империи постоянно находили его в своем арсенале. И не могло быть иначе, поскольку две основные причины его распространения были налицо. Ибо, с одной стороны, это был транзит больших стад из степей Венгрии, а с другой - ужасные гигиенические условия, в которых скоту приходилось жить в воюющих армиях.

За последние годы во Франции и Германии было опубликовано много книг о болезнях крупного рогатого скота; и несколько выдающихся английских ветеринарных врачей, особенно профессор Саймондс, также посвятили свое внимание тому же предмету. Во второй части этой работы у нас будет возможность обратиться к их трудам.

Во Франции Рено, Делафон, д'Арбовал, Гелле, работы которых пользуются заслуженной репутацией, обсуждали тему происхождения этого заболевания.

Компания Renault утверждает, что у болезни есть только один очаг - степи России и Венгрии. Эпизоотии в Азии, Африке и Южной Америке вызваны, по его мнению, завозом животных в эти страны. Именно так он объясняет эпизоотию, которая под названием Деломбодера опустошила Американские республики в 1832 году, и ту, которая в 1841 году появилась в Египте. Рено считает, что ни длительная перевозка, ни грязное состояние рынков, ни самое скудное кормление не являются достаточными причинами для возникновения заразного тифа среди крупного рогатого скота; что в дополнение к этим причинам для возникновения тифа среди

животных все еще требуется предрасположенность и особые способности, которые, по крайней мере, до сих пор, по-видимому, наблюдались только у потомства степняков.

Другие профессора его братства представили ему аргументы, которые нам кажутся очень рациональными; и мы постараемся отдать им должное, когда будем обсуждать происхождение тифа, который в этот момент поражает Англию.

VI.

Эти исторические рассуждения и спекуляции на тему эпизоотии крупного рогатого скота, безусловно, заслуживают привлечения внимания всех, кто проявляет интерес к этой болезни; но насколько незначительны они по сравнению с заключительными фактами, которые я еще должен упомянуть, прежде чем я окончательно перейду к рассмотрению эпизоотии, которая сейчас пожирает наши стада!

Неоспоримый факт, что такая ужасная болезнь, как сыпной тиф, надолго закрепилась в России и что она наносит неисчислимые убытки степным феодалам, а также правительству, вывел их наконец из состояния безразличия. Тогда, действительно, они убедили ветеринарных врачей принять какие-нибудь энергичные средства для прекращения длительного распространения чумы, и мы должны признать к их чести, что различные эксперименты, которые были опробованы с целью предотвращения этого зла, увенчались полным успехом. Любой может убедиться в этом факте, обратившись к журналу *Magazin* из Берлина, в котором ученый профессор Ессен из Дерпта объяснил результаты этих важных экспериментов.

Русские ветеринары, заметив, что вылеченные от тифа быки могут безнаказанно бродить с зараженными стадами, задумали сообщить о заболевании здоровому скоту посредством прививки и таким образом защитить его от заразы.

Первые опыты по прививке Чумы, или сыпного тифа крупного рогатого скота, были проведены в 1853 году по распоряжению правительства в окрестностях Одессы, на ферме Херидин, профессором Ессенем.

Первые попытки прививки были очень фатальными; они привели к гибели всех привитых животных. Но вскоре стало ясно, что эти печальные результаты отнюдь не опровергают теорию, а действительно подтверждают ее; и что вирус, ослабленный по своим токсическим свойствам, окажется столь же эффективным, как и ожидалось. И действительно, в 1854 и 1855 годах в Дерптском учреждении прививки, сделанные более отборным вирусом, дали менее катастрофические результаты. В Козау они были еще более удовлетворительными. В конце концов, переходя от эксперимента к эксперименту, они пришли к выводу, что необходимо привить несколько голов крупного рогатого скота одну за другой, не прибегая к какому-либо другому вирусу, кроме первого привитого, чтобы они могли таким образом получить вирус 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и вплоть до 10-го поколения. Ослабленный таким образом вирус в своем болезненном воздействии в конечном итоге отвечал всем экспериментам, и привитые таким образом быки могли безнаказанно общаться с больным скотом.

В ветеринарном учреждении Chalkoff в течение восьми встреч они привили 1059 животных вирусом 3-го поколения, и результаты были настолько удовлетворительными, насколько можно было пожелать, только 60 животных погибли под воздействием этой профилактической операции.

Прививки, сделанные в 1857 и 1858 годах в поместье, принадлежащем герцогине Елене, в Карловске, в правительстве Пултавы, и проведенные ветеринаром Раусселсом, также дали наиболее удовлетворительные результаты.

Профессор Йессен уверен, что животные, рожденные от коров, пораженных заразным тифом, не заражаются этой болезнью. Он утверждает, что Европу можно уберечь от этого ужасного бедствия, позаботившись о том, чтобы из степей России не вывозился никакой скот, кроме тех, которые переболели чумой естественным путем или в результате прививки, и он стремится распространить это мнение и претворить его в жизнь, сделав прививку всему скоту без исключения.

Следует глубоко сожалеть, что столь благоразумные советы не были приняты во внимание 47 правительствами, которые из 53, принадлежащих России, породили заразный тиф; ибо тогда он не так часто распространялся бы на соседние государства, и Англии, скорее всего, не пришлось бы сейчас браться за оружие против его рокового распространения.

VII.

На этом мы завершаем ту часть нашей работы, которая включает в себя историю этого заболевания и то, что мы смогли почерпнуть у тех авторов-медиков и других, которые поделились с нами результатами своего опыта. Возможно, она показалась несколько затянутой, но она, по крайней мере, открыла изучающему предшествующие исследования наших предшественников, подвергшихся бедствиям того же рода, но значительно более фатальным, чем то, что до сих пор наблюдалось в Западной Европе в наше время. Мы раскопали и извлекли на свет забытые работы добросовестных и компетентных людей. Подобно архитектору Брунеллески, мы стремились не изобрести теорию, а восстановить практику; и таким образом мы получили наблюдения и ценные факты и, наконец, профилактическое лечение других людей и в другие времена, которые успешно справлялись с болезнью крупного рогатого скота, когда ее разрушительные последствия были неизмеримо больше.

Итак, продолжим: эти исследования (которые мы предприняли, не ожидая столь богатого урожая) доказали и сделали очевидным...

Что заразный тиф, поражающий крупный рогатый скот, распространил свое разрушительное действие по всему земному шару с тех пор, как на его поверхности появились животные.

Что из века в век, не говоря уже о том, что из года в год, она несла свои ужасы среди наций и народностей.

Что лечебные меры, которые были приняты и применялись до середины восемнадцатого века, были совершенно бессильны ни вылечить эту болезнь, ни предотвратить ее.

Что в тот период появились два английских врача, люди замечательных способностей и проницательности, один из которых, Малькольм Флемминг, теоретически заложил основы профилактического лечения; в то время как другой, Питер Лейард, применил эту теорию на практике, прививая здоровым животным болезненный вирус тифа, чтобы защитить их от смертельных последствий инфекции.

Что этот важнейший прогресс в медицинской практике был абсолютно забыт; действительно, настолько, что эксперименты с прививками, проведенные в России всего десять или двенадцать лет назад с совершенным успехом, по-видимому, никак не связаны с экспериментами, проведенными в Англии столетием ранее, и что нашествие так называемой чумы крупного рогатого скота в 1865 году, по мнению некоторых людей, привело к появлению нового бедствия, с которым люди не были вооружены и подготовлены встретиться - которое они были бессильны вылечить или остановить.

Таким образом, мы думаем, что эти расспросы доказали, что мы не так беспомощны, как нам казалось, в сопротивлении злу. Но мы не можем отделаться от ощущения, что в этом изложении мы обнажили некоторые наиболее неприятные выводы, касающиеся человеческого разума. Ибо, по правде говоря, может ли что-либо быть более прискорбным, чем видеть, как цивилизованные нации Европы терпят из века в век эти повторяющиеся вспышки тифа крупного рогатого скота, и видеть также, что ни один человек, обладающий достаточной энергией и независимостью, еще не поднялся, чтобы бесстрашно сказать правду правительствам и народам, какой бы болезненной эта правда ни была, и разоблачить тщетность мер, которые до сих пор применялись для пресечения этого бедствия?

И, с другой стороны, разве это не самое прискорбное - видеть открытия неоспоримой ценности погребенными вне поля зрения, затопленными в публичных библиотеках, совершенно неизвестными и забытыми, как и их авторы, до такой степени, что смута, о которой они рассказали во всей полноте и которая стара, как сам мир, кажется нам почти новой в 1865 году?

Дай Бог, чтобы эти жестокие испытания и суровые уроки, которые завещало нам прошлое, научили нас чему-то для нашего блага! Пусть непреодолимая мощь, проистекающая из благоприятного союза капитала и интеллекта, вытеснит тщетные и неубедительные усилия изолированной энергии! Пусть правительство, которое тратит сотни миллионов на разрушительные машины войны, направит часть своих достаточных средств на изучение наследственных инфекций и заразных болезней! Ибо эти смертельные эпидемии уничтожают людей так же, как и скот, и мы можем, по крайней мере, уберечь наших детей от опустошающей болезни, которая в настоящее время поражает нас самих.

У нас уже есть все необходимые средства, чтобы защититься от грозного нашествия этих болезней: у нас есть наука; у нас есть люди, которые культивируют и обучают этому; у нас есть опыт прошлого, дополненный нашим собственным. Сегодня мы призваны противостоять пагубным последствиям сыпного тифа крупного рогатого скота; но завтра может начаться другая эпизоотия, которая поразит наших лошадей и овец — тех домашних животных, которые составляют наше самое ценное достояние. Холера витает вокруг нас. Если мы ничего не будем делать, если будем говорить и спорить вместо того, чтобы действовать, эти бедствия обрушатся

на нас внезапно и обнаружат, что мы так же беспомощны, как и прежде, противостоять их влиянию.

Эти очевидные истины заслуживают дальнейшего развития, и в конце этой книги они будут рассмотрены более подробно. Они составят дополнение к нашей работе, по необходимости написанной в спешке, поскольку опасность, которой мы должны были подвергнуться, сама по себе была столь срочной и тревожной.

СНОСКА:

[A] Чтобы помочь исследованиям других исследователей по этому жизненно важному предмету, ныне столь интересному в целом, мы можем добавить, что уже упомянутые трактаты о скотоводстве — Малкольма Флемминга и Питера Лейарда - можно найти в библиотеке Британского музея в одном томе, который, несомненно, стоит в десять раз дороже своего веса в золоте. Он действительно содержит восемь различныхopuscul, все относящиеся к жалобам крупного рогатого скота, с которыми студенты-ученые могут ознакомиться с подлинным удовлетворением. Я приведу здесь названия наиболее важных из этих трактатов, содержательных изложений двух вышеназванных английских врачей.

У Малкольма Флемминга:

"Предложение, направленное на уменьшение распространения чумы среди крупного рогатого скота, подтвержденное фактами. Лондон, 1755 год".

Слова Питера Лейарда:

"Эссе о природе, причинах и способах лечения заразной чумы крупного рогатого скота в этих Королевствах. Лондон, 1757 год".

Огромное количество отчетов, трактатов и разъяснений на одну и ту же тему появилось в одно и то же время во Франции, Голландии, Дании и Швейцарии. Один из них, появившийся в последней из этих стран, озаглавлен:

"Reflexions sur la Maladie du Gros Bétail, par la Société des Médecins de Genève. 1756."

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Эта часть, как уже говорилось, разделена на четыре главы.

ГЛАВА I.

О сыпном тифе вообще и о сыпном тифе, поражающем быков, в частности.

Следуя примеру тех авторов, которые описали заразный сыпной тиф быка, мы могли бы сразу приступить к объяснению его симптомов и перейти непосредственно к нашей цели; но, избрав этот поспешный курс, мы подвергнем себя опасности быть неправильно понятыми большинством наших читателей и оставим определенные сомнения в умах врачей относительно природы болезни и правильности ее лечения.

Все животные, включая самого человека, рождаются с предрасположенностью и склонностью к заражению определенным количеством заразных лихорадочных заболеваний; они определенным образом несут в себе определенное количество физиологических элементов, которые можно было бы назвать скрытыми микробами, и которые при данных условиях становятся закваской этих заболеваний. Это действительно должно быть так, поскольку после того, как эти расстройства однажды развились, те, кто был вылечен от них, не склонны заражаться ими снова, поскольку болезненное развитие разрушило ту естественную способность, которая существовала ранее, подвергаться болезненному действию заразного вируса. Эти болезни немногочисленны; они составляют совершенно особый класс, и те же законы, которые регулируют явления при одной из них, применимы и ко всем остальным.

Эти заболевания присущи следующие характеристики: 1-й, период инкубации, в течение которого вся экономика, в частности кровь и темперамент, испытывает очень важные изменения и дополнения; 2-й, лихорадочного состояния, которое колеблется в зависимости от

непрерывного или прерывистого видах, и по интенсивности, в зависимости от вида животных, и что исходит из изменения крови; 3-й, отвращение сразу токсических изастойных сторону нервный центр, вызывая *ступор*; 4-й, поток слизи из ротовой полости и грудной клетки; 5-й, более интенсивный, застойные и воспалительные поток или выделения из внешнего или внутреннего покровы—кожу или слизистую оболочку пищеварительного канала; 6-й период адинамии и уныние, с тенденцией, в некоторых случаях, в критической или благотворное отказ от болезненного вопроса на развитие опухоли или абсцессы в коже; 7-го, они сразу инфекционных и заразных, эпизоотии или эпидемии; это, так сказать, они передаются в различной степени контакта, путем инокуляции, и на расстоянии посредством загрязненный воздух; 8-я, наконец,—и это их ведущий признак—*они не подвержены цикличности*, каждый человек, который когда-то пострадал, потеряв вообще все способности, чтобы заразиться второй раз.

Эта последняя характеристика, если ее хорошо понять, должна побудить нас прибегнуть к профилактическому лечению, и так было в случае с наиболее опасными из них — оспой и бычьим тифом.

Руководствуясь этими принципами, которые столь же логичны и неизменны, как любая математическая дедукция, я предложил в 1855 году применять прививку при брюшном тифе, который является ничем иным, как эквивалентом кишечной оспы, для предотвращения заболевания у мужчин. Но если самая простая истина иногда требует состязания веков, прежде чем ее услышат и поймут, я не мог надеяться заострить внимание на факте, который может быть воспринят как проблематичный. Я чувствовал, что опережаю время и что меня никто не услышит и не поймет; и так оно и оказалось.

Как бы то ни было, эти тифозные заболевания, как видно, имеют свои законы и предвиденное развитие. Обычно они нападают на животных, но в основном на травоядных животных, наделенных, как мы показали в первой части, жизненно важным сопротивлением, которое, условно говоря, очень незначительно.

Эти лихорадочно-тифозные заболевания (независимо от того, вызвано ли их развитие спонтанным болезненным действием у пациента или очевидной инфекцией) имеют инкубационный период, в течение которого жизненная сила подвергается скрытым болезненным изменениям, хотя и недостаточным для того, чтобы указать, за исключением эпизоотий и эпидемий, конкретную форму, симптомы которой вот-вот проявятся в течение нескольких дней. Этот инкубационный период заканчивается, поражаются рот и грудная клетка, и появляется лихорадка; и тогда *materies morbi*, которые должны стать особой и доминирующей характеристикой чумки, направляются либо на кожу, либо на слизистую оболочку пищеварительного тракта. В первом случае мы видим признаки экзантематических заболеваний, которые представляют собой лишь самые легкие формы сдерживающих расстройств, такие как корь, скарлатина или более серьезная, из-за ее пустулезной формы, оспа. Во втором случае выведение происходит из кишечного тракта, и тогда мы видим, что брюшной тиф возникает у животных, так же как и у людей: то есть брюшной тиф — гнойничковое и язвенное заболевание кишечника — или обычный сыпной тиф в больницах, тюрьмах и воюющих армиях; и опять же, у животных есть также сыпной тиф степей, болот и т. Д.

Восточную чуму, чуму Рима в эпоху Антонина и чуму Афин, которая могла бы дать Гиппократу право обращаться с Артаксерксом так, как один властитель обращается с другим, возможно, следует отнести к числу тех тифов, которые не подвержены повторению.

Что касается *холеры*, то, по-видимому, это заразное и эпидемическое заболевание особого рода. Мы ничего не знаем о его основной причине, его природе и способах лечения; и хотя он преобладал во все века, и даже часто в последние годы, он всегда, по причине странного устройства наших медицинских учреждений, будет считать нас такими же слабыми и беззащитными, чтобы противостоять его атаке, какими мы были когда-либо.

Если нас правильно поняли, брюшной тиф - это, прежде всего, общие лихорадочные заболевания. В один момент *materies morbi*, или выделения, поражают кожу; в другой - слизистую оболочку пищеварительного тракта. Когда он воздействует на кожу, как показывают клинические наблюдения, в процессе высыпания иногда возникает своего рода колебание; люди задаются вопросом, что за болезнь проявляется; высыпание колеблется в форме, которую оно примет, пока, наконец, не будет определен его реальный характер. Такая же неопределенность царит и при поражении кишечника. Иногда экзантема является просто эквивалентом простой кори или скарлатины слизистой оболочки кишечника, и многие тифозные лихорадки непродолжительного действия по своей природе не являются ничем иным. То же самое происходит и при обычном брюшном тифах. Иногда местное поражение доходит до гнойничковой сыпи, иногда только до экзантематического покраснения; отсюда различные изменения, которые мы наблюдали в кишечнике крупного рогатого скота, убитого в нашем присутствии на бойнях Столичного рынка, и который мы сами препарировали. Опытный профессор Були из Ветеранской школы в Альфоре, недалеко от Парижа, чей визит, должно быть, был полезен Англии, ясно распознал в быке, зарезанном и расчлененном на Столичном рынке, подлинный гнойничок брюшного тифа. Но в большинстве случаев, как мы покажем, преобладают другие формы.

Мы приводим эти наблюдения для того, чтобы предвосхитить возражения тех исследователей, которые, находясь под большим влиянием и руководствуясь местными фактами и симптомами, чем общими феноменами сравнительной патологии, могли бы утверждать, что тот или иной факт противоречит нашей доктрине.

Таким образом, одним словом, брюшной тиф имеет свои типы; но живое существо подвержено стольким различным влияниям, наследственным, индивидуальным, климатическим, гигиеническим и т.д., что рядом с одним субъектом, проходящим через течение болезненных явлений с фатальной регулярностью, можно увидеть другого, у которого легко выявляется то или иное функциональное расстройство. Таким образом, у некоторых животных, предрасположенных к этому предшествующими заболеваниями, патологическое воздействие, первоначально направленное на дыхательные пути, будет продолжать оставаться наиболее выраженным; и после вскрытия легкие будут перегружены и эмфизематозны, а кишечник относительно, но почти не изменен. Животное, действительно, хотя и находится на грани тифа, умрет под воздействием функционального расстройства дыхательных путей. В других случаях под влиянием какой-либо конкретной предрасполагающей причины будут проявляться расстройства нервных центров; церебральные и спинномозговые боли будут невыносимыми, быстро наступит бред, и пациент с удушьем, если это человек, умрет в течение нескольких дней; или если бык, он будет диким и неуправляемым, а затем упадет, как громом пораженный,

привязанный к своему стойлу. Наконец, в других случаях эти первые две фазы чумы не окажутся смертельными, повреждения кишечника продолжат свое течение, и пораженные животные не умрут до третьего периода.

Как мы видели, патологические явления могут быть различными, хотя поражение остается тем же; брюшной тиф, тем не менее, является основным заболеванием, которое преобладает.

Некоторым читателям эти общие положения могут показаться неуместными, но пусть они не ошибаются; они заслуживают нашего внимания и действительно важны. Они действительно показывают, что независимо от профилактического лечения, которое является абсолютным правилом в случае вирулентных, заразных и не рецидивирующих заболеваний, лечение самой болезни, когда она заявила о себе и когда она продолжает свое течение, не может быть одинаковым для каждого пациента; и что, более того, это лечение должно варьироваться на разных стадиях заболевания, как это хорошо известно врачам и ветеринарам.

Эти общие положения также объясняют различные заболевания, а именно те, при которых у животных сочетаются тифозные и экзантематические заболевания. Корь и скарлатина, поражающие наружные или внутренние оболочки, подобны первым стадиям этих болезней; они обычно незначительны, и нам остается только наблюдать за развитием симптомов и помогать природе, которая, за немногими исключениями, приводит все к благоприятному исходу.

Эти нарушения, которые относительно незначительны и не вызывают в экономике никаких изменений, которые каким-либо образом трансформируют конституцию, не являются абсолютной защитой от рецидива. Они рационально и постепенно приводят нас к более заразным заболеваниям, к обычному сыпному тифу; поэтому нет необходимости применять к ним профилактическое лечение, поскольку оно предназначено исключительно для последнего.

Тогда давайте хорошо поймем, что бычий тиф, к изучению которого мы собираемся приступить, может различаться по своим симптомам и посмертным проявлениям, не теряя при этом характерного признака, который делает его совершенно отчетливым и в наши дни хорошо известным заболеванием.

Теперь, когда читатель владеет этими общими представлениями о заразном сыпном тифе, мы сможем поговорить с ним на языке, который он поймет, и дать определение, которое он сможет оценить.

Таким образом, бычий тиф - это *вирулентное, заразное, лихорадочное и не рецидивирующее заболевание, сопровождающееся ступором и нарушением нервной, дыхательной и пищеварительной функций; вызывающее различные изменения в соответствующих органах, отвечающих за эти функции, и главным образом в кишечнике.*

Это новое определение кажется нам более точным и справедливым, чем те, которые давались до сих пор; и это, при необходимости, мы могли бы продемонстрировать.

Я не скрываю от себя, что некоторые мнения, выраженные в этих общих чертах, могут на первый взгляд показаться странными и вызвать возражения. Таким образом, можно утверждать, что прививка в качестве профилактического лечения брюшного тифа далека от того, чтобы быть общим законом, применимым к каждому случаю; поскольку, например, в России, где эта

прививка практикуется каждый день, в некоторых иностранных стадах она полностью не срабатывает, и они погибают от последствий операции; и что это, следовательно, может произойти в Англии.

На эти возражения мы ответили бы, во-первых, что касается новизны высказанных мнений, что мы взяли за перо, потому что нам пришлось написать что-то отличное от того, что уже было опубликовано в известных работах, иначе нашим долгом было бы хранить молчание; и, во-вторых, что касается неэффективности прививки, то органические и жизненные явления имеют свои принципы и свои законы, которые неизменны и непреодолимы, из которых разумно выводить следствия и позитивные правила поведения, которые не уступают устаревшим мнениям или несовершенным проведенным экспериментам. Действительно, проводить эксперименты в строгих условиях логической и неопровержимой демонстрации не так просто, как обычно может показаться.

Со своей стороны, принципы, выведенные из строгих наблюдений, являются основой, на которой мы строим, и если случается так, что мы терпим неудачу в наших экспериментах, мы меняем их до бесконечности; и если мы все же обманываемся в наших надеждах, мы приписываем неудачу нашему бессилию, неадекватным средствам и дефектным инструментам, которые физические и химические науки, все еще находящиеся в своей колыбели в отношении органической материи, предоставляют для нашего использования. Прежде всего, мы хотим, чтобы об этом помнили — *"Scribo nec ficta, nec picta, sed quæ ratio, sensus, et experientia docent."*

ГЛАВА II.

Происхождение и причины бычьего тифа.

Я.

Я сделал свои выводы относительно профилактического лечения сыпного тифа у быков на основе приобретенных мною знаний о его болезненных явлениях, его природе и его невозвратности; и это логический вывод, настолько точный, насколько может быть результатом

силлогизма. Изучение происхождения этого тифа и причин, по которым он возникает и распространяется за границей, предоставит нам дополнительные аргументы в поддержку этого вывода, а также те признаки и индикации, которые являются самой основой лечебного лечения. Описание болезни будет способствовать тому же результату, поскольку рациональное лечение чумки может быть получено только на основе знания всех явлений, которые ее вызывают, функциональных расстройств и изменений, наблюдаемых в телах после смерти.

Переходя к теме этиологии, я хочу особо отметить сразу, что специальные работы, посвященные ей, содержат точную информацию о причинах и происхождении тифа крупного рогатого скота; и что главные органы печати в каждой стране — эти эфемерные энциклопедии, в которых, к сожалению, растрчено так много жизненной силы и интеллекта, — опубликовали статьи, представляющие величайший интерес по этому предмету. Для меня было бы физически невозможно снова приступить к библиографическому труду, подобному тому, что представлен в Первой части, чтобы отдать должное каждому из этих публицистов, которые столкнулись с эпизоотией на границах своей страны и сражались с ней врукопашную. Эта работа не подвержена такому значительному расширению. Пусть будет хорошо понято, что я не претендую ни на какую иную заслугу, кроме как на обсуждение этих вопросов этиологии в том порядке и с тем здравым смыслом, которые прочно фиксируют идеи в уме — которые, если можно так выразиться, *фотографируют* их в тех частях мозга, которые отведены памяти и суждениям; также на то, что я делаю из известных и признанных фактов более рациональные и практичные выводы, чем те, которые были актуальны до настоящего времени.

О происхождении заразного тифа, поражающего быков, уже много говорилось и спорилось; одни придерживались исключительно особых условий, наблюдаемых у породы тех быков, которых выращивают и откармливают в степях России и Венгрии; другие, более обоснованно, как нам кажется, приписывали это гигиеническим условиям в целом, то есть климату, времени года, кормлению и т. Д., Среди которых живут эти животные.

Все эти обсуждения того, что было сказано и аргументировано по этому вопросу, были очень полезными. Ибо, если бы было строго доказано, что степные быки, благодаря какой-то особой организации, несут в себе те микробы или физиологические элементы, которые в определенное время становятся закваской чумы, а в последующий период - элементами инфекции, тогда, действительно, был бы установлен факт чрезвычайной важности и выдающегося авторитета, и внимание всех людей, заинтересованных в этих исследованиях, было бы сосредоточено исключительно на этой конкретной расе животных и на тех странах, которые поражены проклятием, чтобы остановить и ограничить болезнь в пределах ее одного-единственного очага.

Сторонники этой теории относительно первого ограниченного происхождения тифа утверждают, что все эпизоотии, печальную историю которых мы изложили в первой части этой работы, не имели никаких других генеративных причин, кроме распространения болезни, зародившейся на берегах Вольги и Дуная и впоследствии передававшейся в разные части земли в результате эмиграции крупного рогатого скота. И таким же образом они объяснили появление тифа в Южной Америке, Африке и Азии.

Поскольку это учение о происхождении тифа было разработано и поддерживалось людьми высокого уровня понимания, мы должны предположить, что они были поражены и убеждены важными фактами и серьезными доводами; и поскольку было бы несправедливо противопоставлять простое отрицание мнению, ныне столь общепринятому, мы обязаны

сказать, каким образом эти авторы обосновывают свои взгляды, после чего мы попытаемся их опровергнуть.

Сторонники ограниченного происхождения, которые ставят это в зависимость исключительно от особой организации степной расы, основали свой аргумент, безапелляционный и неопровержимый, как они себе представляют, на главном факте, что всегда было возможно проследить распространение тифа в данной стране до какого-нибудь больного животного из степей, доставленного в это королевство. Именно таким образом они объясняют возникновение эпизоотий, которые так часто опустошали Европейский континент. В какой бы точке земного шара они ни появлялись, это, и только это, является источником их существования. Изолированная позиция Великобритании приводится в подтверждение их аргументов. "Смотрите, - восклицают они, - на Великобританию, которая благодаря окружающим ее морям избежала большинства эпизоотий, опустошавших Францию и Германию в начале девятнадцатого века". Более того, нынешнее проявление чумы также используется для подтверждения их теории, поскольку некоторые быки, уроженцы степей, по-видимому, завезли ее в Лондон.

Мы должны добавить, что нет недостатка ни в чем, чтобы доказать это утверждение; ибо они описывают с совершенной регулярностью и шаг за шагом течение инфекции; они указывают время, затраченное на ее распространение, и даже названия зараженных сосудов, которые таким образом занесли возбудитель тифа.

Следует признать, что все изложенные таким образом факты неоспоримы; мы признаем как истину, что степная порода крупного рогатого скота занесла в другие страны заразные микробы болезни; мы допускаем, что ее распространение можно объяснить таким образом.

Но признать этот факт и сделать из него вывод, что только бычья раса степей способна, благодаря какой-то особой и отчетливой организации, заразиться первоначальным тифом быков, и что этот тиф не имеет другого очага на земле, кроме берегов Днепра и Дона, не представляется нам разумным логическим выводом. И поскольку, если бы этот вывод был положительно признан, мы могли бы увидеть только одну сторону зла и вывести из нее очень серьезные последствия, необходимо принять эти факты такими, какие они есть, и не более.

Давайте сначала заметим, что те авторы, которые приписывают заразный тиф расе Южной России, не принимают во внимание эпизоотии этого тифа, отчет о которых был передан нам древними авторами Греции и Рима; и что они так же мало ссылаются на те, которые столь же часты в республиках Южной Америки, как и на берегах Днепра. Ибо даже если мы допустим, что однажды, и только однажды, одна из этих эпизоотий может быть связана с прибытием корабля с быками, привезенными из степей, как, с другой стороны, мы можем поверить, что у всех других эпизоотий была такая случайная причина для ее возникновения; следовательно, тиф в этих случаях должен был развиваться локально и распространиться среди американского крупного рогатого скота?

Более того, мы тщетно ищем причины, которые позволили бы нам приписать степной расе крупного рогатого скота особую организацию, делающую только ее пригодной для зарождения тифа. Но давайте допустим на мгновение, что русские и венгерские быки представляют собой особую расу, как, по-видимому, следует из их телосложения и длины их рогов; даже если это признать, все еще остается показать, в каком отношении их анатомическое и физиологическое

строение отличается от такового у других животных до такой степени, что делает их одних способными вызвать этот смертельный тиф.

О! если бы это было правдой, что только бычий род степей мог вызвать сыпной тиф! мы бы с радостью приветствовали этот факт и показали, не прилагая особых усилий к рассуждениям, что в этом случае у нас есть не только средство предотвращения болезни путем прививки здорового скота, но и гораздо более важное средство навсегда стереть ее с лица земли, немедленно уничтожив эту проклятую расу, пораженную первоначальной предрасположенностью к этой чуме; и поскольку, в конце концов, смертоносное бедствие степного тифа уже стоило и, возможно, будет продолжать стоять различным нациям Старого Света миллионов и миллио-нов, они почувствовали бы, что их самое важное спасение - это смерть. насущный интерес состоял бы в том, чтобы прийти к взаимопониманию (и при этом жертва не была бы слишком большой для их ресурсов), чтобы уничтожить и искоренить зло в его первоначальном источнике. Тогда не составило бы труда вывести новую породу крупного рогатого скота в этих странах, перевезя туда представителей других народов, свободных от инфекции.

Но кто не понимает, что эта героическая жертва была бы иллюзорной, и что чужие расы, измененные со временем в этой новой среде, возродили бы тиф; так что двойная жертва уничтожения и компенсации была бы принесена напрасно?

Мы хотели бы принять эту гипотезу, такую простую и утешительную, об ограниченном происхождении тифа и его исключительном распространении среди степных народов; но наш разум категорически против этой точки зрения и, среди прочего, по следующим причинам:—

Если бы только бычья раса степей могла производить вирус брюшного тифа в силу особой организации, которая является основным условием ее существования, *только эта раса по необходимости была бы пригодна для заражения* под влиянием инфекции. Но если другие животные того же вида, что, к сожалению, слишком часто случается, могут перенять принцип расстройства, заболеть и умереть от его последствий, тогда рассуждения наших оппонентов ошибочны с точки зрения их источника; и следует признать, что весь крупный рогатый скот склонен генерировать вирус брюшного тифа в тех странах, которые предоставляют условия для его размножения, и что эта так называемая исключительная предрасположенность, приписываемая расе, населяющей степи, является просто химерой.

Но аргументы редко исчерпываются даже для защиты плохого дела, и возражают, что тот факт, что все быки могут заразиться тифом, передаваемым при контакте животных друг с другом, не доказывает, что первоначальная предрасположенность одинакова у каждой расы; и они упорно настаивают на том, что, во—первых, только степной тиф изначально способен вызвать болезнь; во-вторых, что, породив его таким образом, он становится, после этого органического зачатия, способным передаваться каждому животному и пригодным для ассимиляции с ними.

Этим тонкостям и аргументативным уточнениям мне было бы так же легко противопоставить столь же сильные абстрактные рассуждения, как это было бы для янсенистов и моллинистов, если бы случилось так, что они были втянуты в спор о происхождении и природе вируса чумы, унесшего Янсениуса. Но давайте ограничимся серьезными фактами и заключим —

1. Что у нас нет доказательств каких—либо анатомических и физиологических различий в гуморах или в крови, то есть в органических, интимных и биологических элементах особей, которые в совокупности составляют вид крупного рогатого скота.
2. Что мы имеем право полагать, что весь крупный рогатый скот склонен к развитию вируса брюшного тифа, когда он помещен в условия, необходимые для этого, то есть когда он подвергается воздействию особых болезнетворных причин, которые составляют его состояниесine quâ non, и которые встречаются на берегах тех великих рек, которые омывают Юг России и Венгрию, в Африке, на берегах Нила, в Южной Америке, на берегах озер и в так называемом жарком климате и т.д.

II.

Но если происхождение тифа не может зависеть исключительно от специфической организации определенных особей крупного рогатого скота, мы должны исследовать и отыскивать действительные причины, которые его вызывают.

Мы объясняли уже, в первой части, что изменения органического вещества проходит в целом при случайных причин произошло изменение ее органическими элементами; и мы уже указывалина тот факт, что из всех живых существ травоядных животных были те, которые предложили бы жизненную стойкость к причинам болезней и разрушения.

Принимая этот неоспоримый факт как должное, давайте теперь рассмотрим, в каких условиях живут многочисленные стада крупного рогатого скота, которых в России и Южной Америке выращивают и содержат исключительно ради получения мяса, а иногда и шкур.

Крупные скотоводы и собственники устанавливают количество голов своего скота в соответствии с количеством пастбищ и пропорционально им, но, подобно другим людям, они закладывают будущее в свою пользу, не принимая во внимание должным образом несчастные случаи или резкие изменения погоды, например, когда годы необычной засухи сменяются годами сильных дождей; так что эти стада, в силу одного факта этих резких колебаний температур, подвержены множеству причин, вызывающих болезни.Та же природа, которая порождает жизнь и здоровье, порождает болезни и разложение, и когда пренебрегают первыми, восторжествует последнее.

В процветающих и благоприятствуемых странах умеренного пояса, таких как Англия и Франция, эти крайние колебания времен года, которые всегда являются причиной дефицита или изменения в производстве кормов, в равной степени являются причиной многочисленных эпизоотий, поражающих все виды травоядных, и особенно тех, жертвами которых становятся быки, таких как опухолевый тиф (*le typhus charbonneux*), так называемая афтозная лихорадка, заразная перипневмония (которая не может вернуться и предотвращается прививкой), паразитарное кожное заболевание.

Но в менее благоприятных странах, в тех, которые являются влажными, глинистыми, болотистыми, затопляемыми разливами их озер и рек или притоком моря, откладывается слизистая или солоноватая вода, которую впоследствии временная жаркая жара вызывает

брожение; и тогда во всех направлениях возникает изобилие жизни, изобилующая растительность. Посреди этой бурлящей жизненной силы живут и процветают бесконечные черви, личинки, экскременты, насекомые, моллюски, рыбы, рептилии, птицы и т.д.; и здесь также все эти существа умирают и разлагаются, когда эта слизь, плодovitый источник поколений, который мы могли бы рассматривать как самопроизвольный, начинает высыхать и распадаться. Затем из этих органических веществ растительного и животного происхождения, находящихся в состоянии разложения, выделяются вредные газы, такие как водород, окись углерода, азот, углекислота, сероводород и даже фосфорсодержащий водород.

Часто ко всем этим причинам заражения добавляются мириады кузнечиков, которые покрывают землю, где и погибают, усугубляя массу зловонных паров, наполняющих атмосферу. Наконец, вода, которая утоляет жажду стад крупного рогатого скота, испорчена; растения, которыми они питаются, выделяют яды; воздух, вода и растения несут в себе начало яда и смерти. После этого, как мы можем удивляться, если этот поток гнилостных эманаций трансформируется в заразный вирус брюшного тифа, тонкие и заразные выделения которого переносятся быком на значительные расстояния?

В заключение давайте перечислим в уме все причины разрушения, которым подвергаются эти пассивные существа, и признаем, что нет необходимости приписывать им особую организацию, чтобы понять развитие тифа, который в данный момент уничтожает их всех; и что в дельтах рек различных стран, а также в Азии, Африке и Америке, как и в Европе, можно обнаружить те условия инфекционного заболевания, которые мы описали. В этих причинах, и только в этих причинах, или в тех, которые похожи на них, разумные люди будут искать причину заразного тифа среди крупного рогатого скота.

Более того, кто здесь не понимает, что то, что верно в отношении холеры, также применимо и к этому заразному тифу? Холера по причинам, аналогичным этим, в зависимости от конкретного состояния почвы, зарождается, правда, не исключительно, но чаще всего, на берегах Ганга, таким же образом, как заразный тиф развивается в определенных странах, где находится его естественный очаг.

Раса животных, обитающая на этой смертоносной и разрушительной почве, является источником распространения тифа не из-за их особого строения, а потому, что условия, в которых они живут, обрекают их на эту участь.

III.

В настоящее время разведение крупного рогатого скота, а также его кормление и откорм для рынка представляют собой отрасль промышленности, представляющую большой интерес. Все они должны быть изъяты, перевезены на различные расстояния и проданы; так что эта торговля становится новой причиной, добавляющейся ко всем тем, которые способствуют развитию и размножению чумы.

В благополучные времена, когда времена года, в соответствии с нашими пожеланиями, следуют своим чередом, который мы называем регулярным (поскольку мы склонны верить, что планеты вращаются вокруг своей оси из-за нас), и когда скот обнаруживает, что земля покрыта

богатыми пастбищами и прозрачными ручьями — условия, которые сами по себе чрезвычайно благоприятны, хотя в Венгрии необходимо добавлять камедь, соль, минеральную воду и мышьяковистую кислоту, прежде чем здоровье этих животных станет удовлетворительным, - тогда скотоводы производят свои грязные расчеты и отбирают головы крупного рогатого скота, предназначенные для продажи. .

У животных, как и у человека, здоровье является лишь относительным, а не абсолютным; самые здоровые на вид часто несут в себе фатальный принцип недалекой смерти. Упитанность ни в коем случае не является верным признаком жизненной силы, многие из этих громоздких животных, хотя и кажутся в хорошем и здоровом состоянии, содержат в своем организме на различных стадиях инкубации зараженную закваску инфекционных заболеваний, таких как перипневмония или даже сам тиф.

Но, несмотря на эту ответственность, их продажа и миграция будут окончательно решены. До сих пор эти безобидные создания жили в совершенной тишине и уединении. Их спокойная, монотонная жизнь была такой же размеренной, как течение времени; ни на один удар их сердца не превышало заветного числа ударов в минуту; все они одарены нервной чувствительностью, о которой простолюдины и понятия не имеют. Некоторые избранные испытывали дружеское сочувствие к пастуху, который ухаживал за ними, и к товарищам, с которыми они кормились. Они были вожаками своего собственного стада, они шли во главе его; они подавали сигнал, когда искать укрытия под деревьями, а когда возвращаться к ручью. Они любили поля, среди которых выросли и процветали. Некоторые из них, выросшие и выкормленные под домашней соломенной крышей, были благодарны за полученную заботу; их хозяин был привязан к ним, они бежали навстречу его приходу, отзывались на свое имя и с нежностью лизали его руку.

И именно течение этого спокойного, этого счастливого существования вот-вот резко оборвется. Именно с этим существом, образцом мягкости и добродетели, мы собираемся обращаться как с кучей бесчувственной и инертной материи, которую мы собираемся подвергнуть невыразимым пыткам!

И теперь, действительно, все эти существа сразу же переданы под дикое руководство, под хватку ремней и дубинок оленя, чья жестокость не уступает его невозмутимому невежеству, и который подстрекает своих собак ускорить их бег к соседнему рынку. С этого момента, недоеденные и жаждущие, эти бедные животные вынуждены совершать длительные путешествия пешком; или, с момента строительства железных дорог, быть сбитыми в кучу в загоне для локомотивов. Там тряска, внезапные толчки, трение пятисот колес о рельсы, ужасное фыркание паровозов встревоживают и ужасают их до такой степени, что вся масса их крови переворачивается.

В таком состоянии жизненной протрации или лихорадочного возбуждения целые стада везут на общественные рынки или на ежегодные ярмарки вместе с другими животными и почти все отправляют на свалку. Но некоторым из них уготована иная участь. Самок, например, выделяют для доения коров; и таким образом они приносят с собой в коровники, где их принимают, заразу тех заразных болезней, зародыши которых скрыты в их организме или которыми они заразились от попугайчиков по путешествию.

Некоторым из этих голов крупного рогатого скота, прибывающим из степей России, приходится преодолевать пятьсот миль в открытой клетке, менее ухоженной и защищенной, чем тюки с товарами, подвергаясь воздействию дождя, солнечного зноя, резких перепадов температуры, холода и пронизывающих сквозняков, усиливающихся из-за быстрого движения поезда; этим животным, измученным, распростертым, задыхающимся от лихорадки и мучительных болей, все равно придется пройти новые испытания, если они пересекут море. В этом случае несчастных жертв насильно выбрасывают из локомотива, раскачивающего железнодорожные ангары; кожаный ремень, свисающий с крана, поднимает их в воздух и опускает на среднюю палубу корабля, где они теснятся друг к другу настолько тесно, насколько это возможно, поскольку и здесь пространство стоит очень дорого. Наконец, судно трогается с места и бороздит океан; встречные ветры треплют его во всех направлениях, и этим бедным созданиям приходится терпеть новый вид пыток, сопровождающийся невыносимыми приступами морской болезни; и в таком состоянии они высаживаются на британской земле и разъезжаются по разным рынкам.

Бесполезно долго распространяться о состоянии общего расстройства и болезней, в котором эти быки достигают своего конечного пункта назначения. Некоторые из них в течение восьми или девяти дней терпели эти невыразимые пытки, не получая никакой пищи, поскольку ни одно животное, когда его покидает дух, не может усвоить пищу среди всех этих физических страданий и такого сильного потрясения для своей нервной системы.

Позвольте нам здесь заявить, что эти животные, хотя и были удалены со своих лугов со всеми признаками крепкого здоровья, в то время, когда прекрасный сезон приносил изобилие, и когда в стране, которую они покинули, не свирепствовала эпизоотия, тем не менее, могут нести в себе налет заразного тифа; и давайте спросим себя, что должно произойти в те катастрофические годы, когда этот тиф преобладает под влиянием тех разрушительных причин, которые были рассмотрены только что, и когда российские и венгерские владельцы, стремясь предотвратить неизбежное всеобщее заражение. бедствие, спешите отправить в Италию, Францию, Голландию, Финляндию или в порты Англии множество животных, уже заболевших тифом, вирус которых, должно быть, приобрел инфекционные свойства, еще более интенсивные и смертельные, под влиянием глубокого беспокойства и суматохи, которые, должно быть, произвело изъятие и транспортировка этих животных в столь плачевных условиях в их организме.

Таковы действительно пагубные условия, в которых вола могут быть отправлены и часто отправляются в Англию; и такова, по-видимому, истинная причина вспышки распространяющейся эпизоотии, свидетелями которой мы являемся в этот момент и которая вызвала столько тревоги во многих графствах Англии. [B]

IV.

Давайте теперь рассмотрим этот заразный тиф в его разрушительном распространении по британской земле; давайте изучим причины его распространения по мере того, как они проходят мимо нашего внимания.

Обсуждаемый вопрос об определении того, был ли сыпной тиф крупного рогатого скота первоначально завезен из-за границы или же он вспыхнул спонтанно в Англии, был и остается предметом сомнительных дебатов среди некоторых специалистов, среди ведущих авторов публичных журналов, а также среди агрономов и фермеров.[C]

И, по правде говоря, распространение чумы иногда наблюдается при условиях настолько необычных и поразительных, что это, по-видимому, оправдывает и предоставляет аргументы для любого мыслимого мнения.

Когда 24 июня 1865 года болезнь была впервые распознана и идентифицирована, общественное мнение приписало ее появление заражению, вызванному некоторыми больными коровами, импортированными из Финляндии, которые после заражения на Ислингтонском рынке 19-го числа были проданы и перевезены в коровники заводчика или молочника.

Мы можем заметить, что, услышав известие об этом внезапном вторжении, общественное сознание, столь возбужденное в Англии, не скрывало возмущения, которое оно испытывало против иностранных стран, которые были способны загрязнить остров, столь выгодно расположенный и так хорошо защищенный, и заразить его великолепные стада, пышущие здоровьем. Но после более тщательного изучения фактов и, возможно, встревоженного серьезными последствиями континентальной блокады, которая лишила бы Соединенное Королевство не всех двадцати или тридцати тысяч голов скота, таких как быки, овцы, свиньи и т.д., которые они получают каждую неделю, а только восьми или десяти тысяч голов крупного рогатого скота, которые еженедельно высаживаются на их побережье для снабжения их рынков, общественное мнение успокоилось. Но, к несчастью, эта национальная восприимчивость теперь приняла противоположный оборот; и единственными причинами, которые она теперь видела, были грязь и отсутствие надлежащей вентиляции в столичных конюшнях и сараях; и этим причинам она приписывала сначала зарождение, а затем распространение болезни; мнение, которое казалось тем более естественным и разумным, что быки и коровы скотоводов были первыми жертвами тифа.

Мы все знаем, насколько подвержен среди всех наций общественный разум колебаниям и сколь восприимчив и открыт он к новым впечатлениям во время фатальных посещений и общих бедствий; мы также не можем испытывать ни малейшего удивления по поводу неопределенности, которая так долго преобладала и все еще продолжается в отношении действительных причин распространения тифа крупного рогатого скота в Англии.

Поэтому давайте рассмотрим этот вопрос этиологии и попытаемся выяснить, какое мнение должно преобладать.

Важно сразу установить два существенных факта, которые кажутся нам неоспоримыми:

1. Что заразный сыпной тиф крупного рогатого скота, который, как известно, постоянно встречается на юго-востоке Европы, на самом деле существовал там в июне 1865 года; 2. Что часть крупного рогатого скота, откормленного и выращенного в этой части Европы, была перевезена в Англию после того, как пересекла Россию с юга на север, чтобы избежать проезда через Германию.

Что касается первого из этих фактов, то он признан и принят, что легко может быть доказано воспроизведением речей и обращений ветеринарных врачей на Конгрессе, который сейчас

проходит в Вене и на котором присутствовали люди, чей опыт борьбы с этой чумой крупного рогатого скота дает им наивысший авторитет, — Хертвиг, Эссен, Релль, Зигмунд, Герлах и др.

Эпизоотический характер заразного тифа крупного рогатого скота в странах, омываемых Черным морем, настолько высок, что присутствовавшим на Конгрессе ветеринарам было достаточно изъявить желание осмотреть скот, пораженный этим заболеванием, чтобы им немедленно была предоставлена такая возможность.^[D]

Таким образом, факт неоспорим: в июне 1865 года в Венгрии и России свирепствовал заразный тиф, как он свирепствует там всегда.

Что касается перевозки скота из этих стран в Англию, то этот факт не менее достоверен. Хорошо известно, что колонна из 300 голов крупного рогатого скота, следовавшая с пастбищ Венгрии и Австрии, была перевезена в Финляндию по железной дороге, а затем отправлена в Ревеле в Англию. Благодаря быстрому перемещению с помощью пара, миграция этого скота длилась всего десять дней — два дня на транспортировку по суше, и восемь дней на переправу по морю через извилистую линию Балтийского моря; но этого времени было достаточно для вынашивания, даже если предположить, что животные выглядели здоровыми, когда начался их переход.

Более того, несомненно, что рынки этого необъятного Лондона на протяжении многих лет снабжались крупным рогатым скотом из всех стран: из Франции, Голландии, Бельгии, Подолии, Польши, Пруссии, Австрии, Венгрии и России.

Таким образом, на рынок Ислингтона (факт неоспорим) поступал крупный рогатый скот, импортированный из стран, где, как известно, постоянно свирепствует сыпной тиф. Был ли этот завезенный таким образом скот поражен тифом? Этот факт также столь же достоверен, как и другой, поскольку две из импортированных таким образом иностранных коров были первыми, кто заболел и умер от этого тифа.

Но если заразный тиф крупного рогатого скота постоянно свирепствует на берегах рек, впадающих в Черное море, и если животные, выращенные в этих странах, долгое время были завезены в Англию и другие страны, то почему, спросят, болезнь не вспыхивает чаще, ведь ее никогда не видели в Великобритании, по крайней мере, в первой половине девятнадцатого века?

Этот вопрос не лишен определенной степени важности и заслуживает того, чтобы ненадолго привлечь наше внимание.

Итак, условия, в которых животные содержались в 1863 и 1864 годах, были точно такими же, как и в 1865 году, до вспышки болезни; и все же заражение было возможно в 1865 году, тогда как в 1863 году этого не было.

Мы не беремся за объяснение таинственных явлений, управляющих развитием эпидемий и эпизоотий; но нам не кажется совершенно невозможным дать рациональное и удовлетворительное разъяснение фактов.

В целом, в эпизоотиях, и я бы даже сказал, в некоторых конкретных эпидемиях — например, в случае тифа — три взаимосвязанных и неразделимых факта образуют *sine quâ non*, условие возникновения болезни. Во-первых, очаг продуцирования вируса; во-вторых, по большей части

благоприятная почва и особая предрасположенность животных к его восприятию и распространению; в-третьих, то, что называется эпидемическим или эпизоотическим гением, то есть особое состояние атмосферных элементов или воздуха, которое до сих пор ускользало от нашего анализа и чьи болезнетворные свойства различаются по степени интенсивности. Таким образом, эпизоотический гений 1711 года, ужасный гений 1750 года и тот, который сейчас распространяет свои заразные миазмы, отличались некоторыми из своих опасных состояний.

Как бы то ни было, будет достаточно оглянуться назад, в прошлое, чтобы убедиться, что в целом эпизоотии совпадали с некоторой резкой сменой времени года, такой как экстремальные засухи или обильные дожди; то есть, когда физиологические условия здоровья крупного рогатого скота нарушались, и они становились благоприятными для инкубации миазматической закваски, разнесенной по воздуху, или же когда эти животные жили в нестандартных условиях и им приходилось переносить непривычную усталость и лишения, как, например, в армиях, участвующих в боевых действиях, например.

Эти эпизоотии, по—видимому, зависят не только от состояния почвы и здоровья скота, но также (мы намеренно повторяем это) от элемента, не менее необходимого для распространения болезни, - особого состояния воздуха, благоприятствующего развитию и сохранению тифозных миазмов: иногда резкой смены температуры оказывалось достаточно, чтобы остановить безудержное распространение инфекции, при этом остальные условия оставались неизменными.

Эти причинно-следственные связи между принципом заразности, предрасположенностью животных и состоянием атмосферы, очевидно, допускают некоторые исключения; но мы должны допустить, что в данной эпизоотии они абсолютно применимы. Ибо, по правде говоря, 1864 и 1865 годы отличались если не постоянством высоких температур, что нечасто наблюдается, то, по крайней мере, чрезмерной засухой в течение месяцев, которые одновременно являются жаркими и дождливыми; и это происходило в различных странах Европы, что приводило к сокращению пастбищ и фуража как в отношении их количества, так и качества.

Что касается Англии, страны, обычно холодной и сырой, но известной своими просторными зелеными полями и лугами, то она больше, чем какая-либо другая страна, пострадала от этих неблагоприятных условий и их разрушительного влияния на траву и кукурузу; стада обнаружили значительное сокращение корма там, где раньше они встречались в изобилии. Каждый видел, как и мы сами, большие стада крупного рогатого скота, в изумлении бродящие от поля к полю в поисках чего-нибудь съедобного на иссушенной почве. Дополнительное снабжение зерном, кореньями, солодом и гущей для пивных бочек, несомненно, служило смягчению печальных последствий этих лишений для здоровья крупного рогатого скота; но, несмотря на все, что можно было сделать, их кровь обеднела, их сила и жизнестойкость упали, и (подобно животным, которых мы по своему желанию переселили в почву, более благоприятную для распространения паразитарных заболеваний) в июне прошлого года, как и сейчас, они проявили необычную предрасположенность переносить и трансформировать болезнетворные принципы тифа, от которых, по всей вероятности, они были бы защищены в любое время. в любое другое время. Мы можем вполне справедливо сделать такой вывод, поскольку по необходимости должны полагать, что регулярный ввоз крупного рогатого скота из тех стран, которые считаются

постоянным очагом сыпного тифа, время от времени переносил миазматические микробы этой болезни в Англию, хотя вирус в те периоды не оказывал воздействия на британский скот из-за отсутствия тех или иных условий, необходимых для его зарождения и развития.

Мы также можем заключить, и внимательное изучение фактов, содержащихся в ветеринарно—медицинских журналах, показало бы, что это мнение небезосновательно, что особая болезнь, составляющая этот тиф (сходная в этом отношении с эпидемическими болезнями), может развиваться у одного животного случайно, спонтанно, спорадически, то есть без немедленного заражения; одним словом, *помимо тех эпизоотических условий, которые одни делают возможным его распространение*. Короче говоря, мы считаем, что единичный случай тифа крупного рогатого скота может быть обнаружен случайно, когда нет преобладающей эпизоотии, объясняющей это, точно так же, как мы иногда встречаемся со случаями тифа или холеры среди мужчин в сезоны, абсолютно свободные от этих эпидемий. Следовательно, нам не казалось бы совершенно невозможным, что подвлиянием совершенно особых условий заразный бычий тиф мог зародиться в Англии; и это благоприятствовало бы теории тех рассуждающих, которые утверждают, что первопричины этого тифа и истоки его развития были в стойлах и коровниках Лондона. Но это не было причиной сыпного тифа крупного рогатого скота в эпизоотии, которую мы наблюдаем в настоящее время.

Несомненно, некоторые животные испытывали большие лишения, но, какие бы изменения ни претерпело их здоровье, все это не идет ни в какое сравнение со страданиями, которые переносит скот в степях под влиянием вредных условий самого исключительного характера, которые действительно вызывают этот тиф и которые мы уже описали.

Нет, конечно, нет! *Ничто не дает нам права полагать, что тиф, который сейчас находится под нашим наблюдением, поначалу был выведен и зародился в стойлах и коровниках Лондона*. Он, несомненно, был импортным. Но, тем не менее, верно, что это жестокое бедствие обнаружило, что английский рогатый скот предрасположен к нему, и оно также столкнулось с атмосферными условиями, благоприятными для его последующего распространения; одним словом, оно столкнулось с эпизоотическим гением, присущим зарождению и распространению тифозных миазмов.

Таким образом, мы можем объяснить и примирить две конкурирующие теории, одна из которых связывает причину этого тифа с иностранным импортом, в то время как другая настаивает на том, что он возник в грязных и полупроветриваемых коровниках столицы.

Но если этот сыпной тиф не мог возникнуть спонтанно среди крупного рогатого скота Англии, то следует признать, что, независимо от общей предрасположенности, вызванной сильной и затяжной засухой, он нашел в отвратительных сараях столичного и деревенского скота наиболее благоприятные условия для своего инкубирования и последующего распространения.

Действительно, было бы трудно представить себе что-либо более прямо противоположное гигиеническим законам о здоровье крупного рогатого скота, чем стойла и сараи, разбросанные по густонаселенным районам Лондона. Большинство этих закрытых хлевов расположено в узких переулках и дворах, на грязных улицах и тупиках; и в этих тесных, горячих и дымящихся помещениях несчастные коровы, прижатые друг к другу, даже не шевеля конечностями, за очень короткий промежуток времени чахнут и заболевают туберкулезом. Мы легко можем представить, какой жертвой заразы должны стать эти животные, уже более или менее больные,

некоторых из которых в значительной степени кормят солодом, таким кислым и едким, что сам его запах невыносим. Более того, молоко от этих коров настолько плохого качества, что в коровнике в Кенсингтоне, где содержалось 48 этих бедных созданий, я нашел только одно, молоко которого имело вкус и качество, подходящие для больного ребенка, для которого я заказал молочную диету.

Следовательно, не следует удивляться тому, что нынешняя эпизоотия, особенно в этот поздний тропический сезон[E], должна была соответствовать всем условиям, наиболее благоприятствующим ее развитию и распространению.

Когда впервые вспыхнула чума крупного рогатого скота, скотоводы, не подозревая о ее серьезности, попытались лечить животных самостоятельно, но вскоре после этого, осознав бесплодность всех своих лечебных мер, они почувствовали, чтолучшее, что они могли сделать, - это обратить своих больных животных во что бы то ни стало, перегнав их на рынок или на бойни, к чему они были более склонны, поскольку больные коровы перестали давать молоко. И затем, удаление этих животных на различных стадиях заболевания стало наиболее быстрым средством распространения инфекции, которая, если бы сначала была сконцентрирована и сдерживалась в пределах своего узкого очага, в противном случае распространилась бы с меньшим опустошением.[F]

Тем временем больные коровы, смешанные с тысячами голов крупного рогатого скота, выставленного на продажу на различных рынках, распространили повсюду принцип заболевания; и поскольку определенное количество этих животных, оставшихся непроданными, были загнаны обратно на фермы, в стойла, до тех пор не устраненные от всех причин заражения, они заразили своих здоровых товарищей смертельными микробами чумы; и поскольку, опять же, это эффективное средство распространения болезни повторялось несколько раз на одной неделе, следствием было то, что к концу июля — немногим более чем через месяц после вспышки — весь юг Англии был в некотором роде заражен. Оттуда зараза распространилась на север королевства и проникла в Шотландию; так что в настоящее время сыпной тиф крупного рогатого скота распространил свои последствия на большое количество графств Великобритании.[G]

В первом случае инфекция передавалась от животного к животному посредством заражающего воздействия, в некоторой степени прямого, среди крупного рогатого скота, находящегося под одной крышей или собранного стаями на одних и тех же рынках. Но очень скоро сам воздух был пропитан и загрязнен испарением и распространением тифозных миазмов; и было замечено, что стада крупного рогатого скота, которые не имели прямого или косвенного контакта с инфицированными животными, заражены чумой. Было ли это заражение вызвано прохождением зараженного скота по дорогам общего пользования (с полями справа и слева) или иным образом, ничто, кроме абсолютной изоляции, полной невозможности контакта, по-видимому, не обеспечивало совершенного иммунитета против распространения зла.

Миазмы, сгущенные туманами и разносимые во всех направлениях ветрами, теперь начали преодолевать все естественные или искусственные преграды, и облюбованные стада, непринужденно пасущиеся на поместных фермах богатых патрициев, в их ухоженных парках и среди всяческой роскоши, внезапно были поражены злом, которое в их случае казалось аномалией. В таких мирных домах за этими невинными созданиями ухаживали умные и доброжелательные руки, которые понимали и сочувствовали их хрупкому телосложению; им

щедро поставляли пищу наилучшего качества, и все, что они могли пожелать, лежало вокруг них в изобилии; богато выращенные, они сами стали украшением этих прекрасных мест, и все люди думали, что здесь, по крайней мере, есть участки сельской земли, на которые не вторгнется гений эпизоотии и где здоровые стада неуязвимы для инфекций.

Именно при таких обстоятельствах прекрасные фермы Эрла Грэнвилла в Голдерс-Грин, расположенные на границе Финчли-роуд,[\[Н\]](#), на которых содержалось до 130 дойных коров, подверглись внезапному и яростному нападению, несмотря на их кажущуюся невосприимчивость, и были уничтожены в большом количестве.

"Когда я месяц назад покидал Англию, - сказал благородный лорд, - в четырех загонах было около 130 дойных коров; в двух самых больших и хорошо управляемых я нашел только одну корову вчера, 4 сентября".

Парк Холли Лодж,[\[I\]](#) который частично ограничен главной дорогой, по которой проходят колонны скота, направляющегося на рынки и возвращающегося с рынков, подвергся такому же беспощадному бедствию. Теперь, конечно, благородная и милосердная хозяйка поместья, которая уделяла своему скоту всяческое внимание и которая, доверяя ресурсам медицинской науки, пыталась всеми средствами спасти этих пораженных животных, обреченных на неизбежную смерть; она, чей просвещенный ум, одинаково открытый как для требований науки, так и для требований несчастья, желала, чтобы были проведены эксперименты, которые могли бы пролить хоть какой-то свет на это разрушительное заболевание; она, во всяком случае, можно было бы подумать, могла избежать общей участи, не вызывая удивления или зависти к привилегии, которой она пользовалась. Но это случилось, и повсеместная эпизоотия, неумолимая в своем широтном шествии, вторглась в эти тенистые пределы и опустошила эти аккуратные сараи с такой же беспристрастностью, как и беднягу Каттинга, все состояние которого было вложено в двух дойных коров, о смерти которых он должен был сожалеть.

Эта эпизоотия угрожает охватить одно за другим все европейские государства, подобно ужасному бедствию 1750 года, на которое мы уже обращали внимание. Ибо даже сейчас Голландия и Бельгия[\[J\]](#) были поражены; и тревога, которую это вызвало, на время вытеснила панику, вызванную скрытым продвижением холеры на запад. Некоторые предполагают, что вирус, возможно, не попал в Великобританию или был остановлен во время его вспышки. Но, несмотря на все самые безопасные предосторожности и самые разумные меры подготовки, это, скорее всего, поставило бы в тупик человеческое мастерство, и его нельзя было бы ни оставить в стороне, ни заглушить в центре внимания. Но как больно писать и думать, что невежество, беспечность, отвратительная алчность и самое бессмысленное нарушение законов - все это способствовало распространению зла с самым гнусным умыслом и самым слепым пренебрежением!

Чувствовать себя чужаком в стране и быть способным радоваться своей связи с ней и в то же время быть обязанным предавать гласности определенные истины, неприятные для тех, кому они сообщаются, - это самая мучительная задача. Но, поскольку это значило бы уклониться от долга и лояльности, которые национальные интересы, а также интересы науки возлагают на писателя, не высказаться с беспристрастной справедливостью в вопросе столь жизненно важном, мы просим разрешения рассмотреть без утайки этот деликатный вопрос: причины, которые способствовали распространению жалобы.

V.

Англия, так долго страдавшая от этого изнуряющего бедствия, которое так часто распространяло свои опустошительные действия на Францию и другие королевства в течение последних шестидесяти лет, была застигнута врасплох; а правила и законы, необходимые для незамедлительного подавления чумы в ее очаге, то есть в метрополии, не были готовы, и вспышка болезни застала ее беспомощной и безоружной.

С другой стороны, органичные формы английского правительства и муниципальных образований, сдержанность кабинета министров во время каникул, ограниченность власти лорда-мэра и его гражданских советников, разделение Лондона на приходы и ризницы, как в добрые времена средневековья, беспорядочное разбросание развалин и мясных рынков по многочисленным улицам огромного города, отстаиваемое каждым человеком право быть абсолютно независимым и свободным, святость дома англичанина и т.д., и т.п. - все это способствовало распространению идеи заражения, вместо того чтобы держать его в рамках.

Действительно, в то время как компетентные органы со всей энергией, которой от них можно было ожидать по столь серьезному делу, собирались и обсуждали наилучшие меры, которые необходимо было принять, а интересные дебаты в Особняке проливали первый свет на этот вопрос, коварная болезнь продолжала свое разрушительное развитие, распространяя новый ужас и тревогу. Когда, наконец, Тайный совет издал свои приказы, предписывающие публично объявлять больной скот и чтобы ни одно пораженное животное не перевозилось ни по железной дороге, ни на корабле, в то время как должны были использоваться все необходимые средства очистки и дезинфекции и т.д., было, к сожалению, слишком поздно, ужасное бедствие пустило корни и размножило свой ствол подобно дереву упас.

Какое поле для размышлений открывается в этих случаях, которые, возникнув из-за несовершенного состояния законов и институтов, способствовали распространению болезни! Но это тема, которую нам не следовало бы обсуждать, и мы предпочитаем показать примечаниями, которые будут найдены в приложении к концу этой работы и которые представлены в качестве подтверждающих документов, что владельцы крупного рогатого скота, по их собственному признанию, слишком часто приносят интересы общества в жертву своей личной выгоде.^[K]

Мы также не смогли присоединиться к мыслям и размышлениям стольких здравомыслящих и рассудительных людей о бессилии и медлительности государственных властей, а также, скажем, о недостаточности денежных средств, предлагаемых народом, столь расточительным своим богатством, когда замышляются полезные и великие предприятия, не отдавая естественной дани сожаления памяти правителя, который проявлял такой глубокий интерес к прогрессу сельского хозяйства, и который, если бы он был еще жив, знал бы, как твердой и уверенной рукой направлять правильные меры, которые следует принимать среди населения. так много сложностей и неловкостей.

Иногда в речах, произносимых на этих собраниях под председательством этого активного магистрата, лорд-мэра, упоминалась Франция. В ходе этих выступлений ораторы восхваляли и вызывали восхищение преимуществами ее системы централизации, указами ее санитарной

полиции и быстротой, с которой она осуществляет меры, которых требуют общественные интересы. Это правда. Франция, безусловно, в состоянии противостоять этому бедствию с помощью очень эффективных средств, позволяющих остановить его распространение; но если в этом вопросе, как и в некоторых других, она достигла превосходства, то лишь благодаря приобретенному дорогой ценой опыту, поскольку эти эпизоотии не раз возвращались, чтобы уничтожить ее стада. С политической точки зрения то же самое можно сказать и о ее революциях, об этих великих моральных эпидемиях.

Один оратор, писатель зашел так далеко, что написал в одном из своих многочисленных писем, датированном 24 августа: "С сожалением вынужден сообщить, что некоторые наши соседи смеются над нами".[L]

Нет, ваши соседи не будут смеяться над вашими несчастьями. В настоящее время они сочувствуют как вашим радостям, так и горестям, и если я взялся за перо по этому случаю, то только потому, что не мог равнодушно смотреть на ваши слишком справедливые тревоги, когда льстил себя надеждой, что смогу написать несколько полезных страниц, чтобы смягчить их.

Как известно большинству читателей газет,[M] и, как каждый может легко убедиться, больной скот, несмотря на неоднократные приказы о его немедленном уничтожении, тем не менее, гнали на рынки для продажи за то, что можно было за него выручить; или, когда его испорченное состояние было слишком вопиющим, его сразу отправляли на частные свалки, владельцы которых, чтобы скрыть обвинительный доказав совершенный проступок, поспешили продать тело животного. Было бы совершенно невозможно перечислить все нарушения закона, которые каждый день продолжают заполнять колонки публичных журналов. Один безжалостный негодяй, заслуживший за это повешения, если его невежество не оправдывает его, был настолько печально известен, что завел больную корову в еще не убранный хлев в своем преступном желании распространить там болезнь.[N]

Таким образом, следовательно, независимо от причин, присущих самому тифу, которые по необходимости послужили его распространению, другие причины, проистекающие из несовершенного состояния закона и вероломства отдельных лиц, способствовали его распространению. И все же правительственные циркуляры, газеты и отчеты ветеринарных врачей дают понять, что малейшие упущения и невнимательность были серьезными — что отсутствие вентиляции и чистоты в конюшнях, скученность скота и нахождение его вблизи собственных экскрементов или навозных куч — что хранение трупов вблизи ферм, коровников, огороженных территорий и полей — что поспешное и несовершенное захоронение скота — что сбор и транспортировка его фрагментов, костей, рогов и шкур — что движение по дорогам общего пользования любого животного либо само заразилось, либо проживало среди больных, — что одежда людей и домашняя утварь были испачканы гнилостными жидкостями, — что все эти и подобные причины были способны распространить или усугубить болезнь.

Но хотя мы должны громко осуждать добровольные проступки тех, кто гнал свой больной скот на рынок, следует также признать, что строгое соблюдение данных предписаний иногда сопровождалось серьезными затруднениями. Как велико, должно быть, было замешательство любого скотовода, который, будучи владельцем, например, сорока голов крупного рогатого скота и видя, как десять из них гибнут у него на глазах, не зная, куда их девать, оказался под угрозой потери оставшихся тридцати в течение нескольких дней! Как мог он спокойно и терпеливо смириться с тем, что вокруг него накапливается и разлагается такое большое

количество животного вещества, когда, внезапно разоренные и лишенные всех ресурсов, власти сдерживались, вместо того чтобы прийти ему на помощь.

Таким образом, основная причина всех нарушений, совершенных вопреки приказам Тайного совета, может быть частично связана с отсутствием компенсации, которая должна быть предоставлена владельцам зараженного скота. Все это могло бы быть почти сведено к вопросу денег. Ибо давайте предположим на мгновение, что инспекторы, наделенные соответствующими полномочиями, были бы уполномочены после тщательного осмотра указывать на зараженный скот; устанавливать за него умеренную цену в качестве компенсации; приказывать забивать его, уносить и немедленно хоронить, разве такой ход не уменьшил бы в значительной степени распространение заразных миазмов?

Более того, некоторые скотоводы и фермеры подвергали себя наложению штрафов без какого-либо злого умысла; ибо, когда они гнали своих животных на рынок, они находились только на стадии инкубации, в предварительном периоде, когда действительно нелегко отличить чуму. Примером этого может служить следующий факт.

На каждом рынке, несмотря на постоянные предупреждения, инспекторы отбирают и отправляют на бойни определенное количество больного скота, не только пораженного тифом, но и другими заболеваниями. Нельзя не удивляться, видя бедное, тощее, болезненное состояние некоторых из этих созданий, как их владельцы могли быть настолько безумны, чтобы выставлять их на продажу; но среди них есть несколько, которые, хотя и больны, обычному наблюдателю кажутся в добром здравии.

Примерно две недели назад, во время одного из наших посещений большого Столичного рынка, мистер Тегг, ветеринарный инспектор, чей интеллект и серьезность вполне соответствуют возложенной на него очень сложной задаче, приказал изъять и отвести в уединенное загон возле бойни дюжину больных животных. Когда однажды этот скот был таким образом собран в единое целое, было легко подвергнуть его еще более тщательному исследованию. Большинство этих животных, взрослые коровы и быки, были тощими, тяжело дышащими, лихорадочными, удрученными и оставались неподвижными там, где стояли. Но среди них была корова с бойким взглядом, быстрыми открытыми глазами, которая с тревогой наблюдала за нами и убегала при нашем приближении каждый раз, когда мы проходили мимо нее. Настала очередь осмотреть эту корову. Мистер Тегг, сильный и ловкий, каким и должен быть каждый хороший ветеринарный врач, схватился за один из ее рогов, но его быстро сбросили; другие люди подошли, чтобы помочь ему; вспылчивое животное внезапно было схвачено за оба рога, за ноздри и хвост; но животное было таким сильным и энергичным, что оно с преимуществом защищалось от всех своих противников и снова вырвалось.

Однако было необходимо овладеть существом, поэтому они снова окружили ее, на этот раз прижав спиной к углу загона, чтобы одолеть. Но вот! животное делает внезапный прыжок и перепрыгивает через решетку. Несомненно, эта корова, как животное, подозреваемое в тифе, продемонстрировала если не здоровье, то, по крайней мере, необычайную силу; и ее владелец, который с большой досадой наблюдал, как ее приговаривали, теперь подумал, что у него есть достаточные основания вернуть ее обратно на рынок для продажи. Однако корова, совершив такой прыжок и в столь неблагоприятных условиях, упала всем своим весом на конечности, сломав одну из передних ног.

После этого несчастного случая мы смогли провести желаемое обследование, и мистер Тегг показал нам ряд небольших железистых припухлостей на краю десен и багровые пятна наслизистой оболочке влагалища, что подтвердило его диагноз. Владелец этой коровы, тем не менее, все еще сомневался в болезненном состоянии животного; поэтому, чтобы убедить его, ее сразу же отвезли на бойню для забоя; но, к несчастью, требуемое место заняли трое или четверо других, так что бедная корова была вынуждена наблюдать за казнью своих собратьев, прежде чем быть убитой самой. Вид и поза этой коровы, ее взволнованный и в то же время испуганный взгляд, когда она обозревала эту сцену побоища, были одной из тех картин, которые не мог нарисовать ни один карандаш; и хотя мы признаем, что человек обладает неоспоримым правом использовать мертвую или живую плоть животных для своего пропитания, мы не могли не сочувствовать бедной жертве, поскользнувшейся на крови и, таким образом, почуявшей смерть еще до того, как ее ударили.

Мы не слишком чувствительны; мы видели сотни лошадей, истекающих кровью из надрезов, сделанных учениками ветеринаров, и десятки забитых быков; мы сами проводили многочисленные эксперименты на животных; но трогательное зрелище этого животного, наблюдающего за убийством других и ожидающего своей очереди умереть, глубоко тронуло нас. Мы не могли не спросить себя, как получилось, что человек мог обойтись без сострадания и добрых чувств даже в этом кровавом труде, и почему он не завязал глаза обреченным существам, которых собирался принести в жертву? Эти бессловесные животные, с которыми мы обращаемся как с инертной материей, чувствительны, как и мы; они очень остро ощущают боль; и если это наша привилегия подсчитывать количество наших дней, мы не должны забывать, что они, как и мы, наделены разумом, так что, когда их таким образом задерживают на месте казни, все их чувства и способности сосредоточены на их убийце, они полностью осознают жестокую судьбу, которая их ожидает.

Наконец настала очередь забивать бедное животное, и через десять минут после этого мы вскрыли ее внутренности и получили доказательство того, что суждение мистера Тегга было точным, поскольку в желудке и кишечнике уже были видны несомненные признаки тифа в его первом периоде.

Владелец коровы был тогда убежден и образумлен, но он все же очень справедливо настаивал на добродетельности своих мотивов, в чем никто из присутствующих нисколько не сомневался, и подал заявление о компенсации полной стоимости животного, как мяса, так и субпродуктов, которое было удовлетворено.

Поэтому судите на этом конкретном примере, сколько должно было быть зараженного скота, который распространял эту чуму, кто с ведома своих владельцев, а кто и без них; и *"ужасные ссылки!"* сколько этого испорченного мяса, должно быть, было куплено и съедено населением, поскольку эта корова выглядела здоровой и энергичной, и настоящее заболевание могло бы вообще не быть обнаружено, если бы не опыт и проницательность мистера Тегга, инспектора.

VI.

При этом рассмотрении причин заразного тифа крупного рогатого скота мы сочли необходимым привлечь внимание как к тем, которые общепризнанны и допускаются, так и к тем, которые, хотя

и устоялись в умах наблюдательных и опытных людей, все же могут показаться некоторым читателям гипотетическими.

Кроме того, в каждой научной работе необходимо учитывать прошлое и будущее; и здесь у нас есть два важных различия. Если человек, взявшийся за эту задачу, не идет дальше, он отступает; и именно для того, чтобы не навлечь на себя этот упрек, мы перешли наши старые границы и пошли по новым путям. Мы отдаем себе отчет в том, что против мнений и теорий, которые мы выдвинули для объяснения вспышки тифа в Англии, может быть выдвинуто более одного возражения; мы могли бы предвосхитить эти возражения, мы могли бы ответить на них; но мы предпочли бы резюмировать наше исследование причин в осязаемой форме практических предложений.

Исходя из приведенных выше общих соображений, мы думаем, что можем сделать вывод,

1. Что причины, вызывающие сыпной тиф крупного рогатого скота на нашем земном шаре, постоянны и не прекращаются не только на берегах великих рек, впадающих в Черное море, но и в других странах — в Америке, Африке и т. Д.; Словом, везде, где существуют условия, обусловленные не расой (раса животного в данном случае является второстепенной), но климатом и органическими элементами, которые необходимы для образования и развития тифозных миазмов.
2. Что сыпной тиф крупного рогатого скота, хотя он и существует не обязательно, а из—за непредусмотрительности или недостатка осторожности у человека в различных частях земли, вообще никогда не появляется в зонах умеренного климата и в более благоприятных зонах, за исключением особых обстоятельств, аналогичных в некоторой степени тем, которые вызывают сыпной тиф у человека, - неблагоприятных времен года, перенаселенных жилищ, плохой или недостаточной пищи и отсутствия чистоты; и что эти особые обстоятельства порождают эпизоотический род, делая крупный рогатый скот пригодным для заражения микробами заразного вируса и к заражению другими болезнями. способствуйте его вынашиванию.
3. Что сыпной тиф крупного рогатого скота, таким образом, случайно развившийся в умеренном и солнечном поясах вследствие неблагоприятных гигиенических условий, в которых привык жить крупный рогатый скот, и которые служат причинами его распространения, впоследствии передается при контакте с животными, живущими в одном стойле или сарае, или собранными в стада на одной и той же территории, или перевозимыми в одних и тех же транспортных средствах по суше или морю.
4. Что помет животных, их подстилка, их мертвые тела и их детрит или разорванные останки, а также конюшни, транспортные средства и орудия, которые служили для их использования, и все вещества, которые прикасались к ним или приближались к ним, являются генеративными элементами чумы.
5. Что тифозные миазмы, таким образом воспроизведенные и умноженные в одном месте под влиянием всех этих производящих причин, разносятся ветрами на большие расстояния, поражая хорошо охраняемый скот, который, по-видимому, был полностью защищен от возможности заражения своей изоляцией.
- 6-е число. Что отсутствие быстрых и строгих мер сначала по концентрации, а затем и по подавлению этого тифа в его очаге; жажда наживы, вероломство одних и отсутствие

предусмотрительности и осторожности у других могут быть и были в конкретных случаях, с которыми мы имеем дело, существенными причинами и средствами его распространения.

Таковы, по нашему мнению, причины, вызывающие и распространяющие сыпной тиф крупного рогатого скота и которые послужат основой для профилактических мер, которые будут применяться для противодействия его распространению.

СНОСКИ:

[B] Нам известно, что перевозка крупного рогатого скота осуществляется по-другому в период распространения этой эпизоотии. Отчет, приведенный двумя немецкими ветеринарными врачами об управлении судами северогерманской компании Lloyd's и о том, как обращаются с животными, является доказательством этого; но до появления эпизоотии перевозка животных по суше и морю оставляла желать лучшего. Этот отчет вы найдете в конце этой работы (примечание A); и все документы, подтверждающие факты, которые послужили основой нашей диссертации, также приведены в Приложении, упорядоченном в алфавитном порядке в виде примечаний.

[C] Смотрите примечания B, C, D, E.

[D] См. Примечание F.

[E] 15 сентября столбик термометра показывал 80° по Фаренгейту.

[F] См. Примечания G, J.

[G] См. Примечания K, L.

[H] См. Примечание M.

[I] См. Примечание N.

[J] См. Примечания O, P.

[K] См. Примечания R, S, T.

[L] См. Примечание V.

[M] См. Примечание Y.

[N] См. Примечание Z.

ГЛАВА III.

Описание заразного бычьего тифа; его симптомы, течение, прогрессирование и т.д.

Я уже написал историю тифа, поражающего быков; я показал и подробно остановился на признаках заболеваний тифом в целом, выведя из этого название и определение заболевания тифом у быков в частности; наконец, я описал причины, которые порождают и распространяют его за рубежом.

Теперь я должен ознакомить вас с различными фазами и изменениями, которым подвержена болезнь и которые на языке медицинских школ называются ее симптомами и характеристиками; ее прогрессом или течением; ее прогнозом; ее *посмертными* проявлениями и т.д. и т.п.

Это обследование, как и предшествовавшие ему, заложит новые основы для медицинской практики.

Я.

Симптоматические характеристики. Бычий тиф, как и все инфекционные заболевания, предлагает для наблюдения четыре последовательных изменения: 1. *период инкубации*, в течение которого исходная структура подвержена внутренним и скрытым нарушениям; 2. *период инициации*, в течение которого проявляются первые очевидные признаки болезни; 3. *период затяжки*, в течение которого явления полностью развиваются; 4. *период упадка*, или истощающей атонии.

Легко понять, что эти разделения и классификации довольно причудливы, поскольку природа не приспособляется к нашим методическим формам. И все же мы будем придерживаться их, потому что они имеют свою относительную практическую полезность и потому что они позволят практикующему врачу легче понять рекомендации; и, наконец, потому что органические изменения различны в эти различные периоды, которые в своей совокупности составляют сыпной тиф у крупного рогатого скота.

Описание различных фаз, через которые должен пройти организм крупного рогатого скота, пораженного инфекцией, более того, было мастерски дано ветеринарными врачами различных европейских стран, особенно тех, в которых имела возможность наблюдать это заболевание

наиболее часто, то есть русскими, немецкими и французскими ветеринарными врачами Эссенем, Реллем, Д'Арбовалем, Гелле.

Английские врачи 18 века, как мы уже видели, также ни в чем не уступали врачам нашего времени. Наконец, мистер Саймондс, опубликовавший очень подробный отчет по возвращении из научных исследований в Галисии в 1857 году, и опытный профессор Були в своих недавних сообщениях в Медицинскую академию в Париже относительно проведенного им исследования современного тифа крупного рогатого скота в Англии, описали болезнь с мельчайшей точностью, в чем мы сами убедились на различных больных животных, которых мы видели в течение последних двух месяцев.

1. Инкубационный период. Несколько тщательных экспериментов, которые были упомянуты в историческом разделе этой работы, и многочисленные случайные случаи позволили нам установить продолжительность инкубационного периода в девять или двенадцать дней в соответствии общими условиями эпизоотии, способом передачи инфекции и предыдущим состоянием здоровья пораженного крупного рогатого скота.

Таким образом, эпизоотия в начале, либо когда она стала всеобщей, либо когда она находится на спаде, не всегда передает тифозные миазмы одинаковой вирулентной интенсивности и не всегда провоцирует в течение периода инкубации, который является неизменным. Зараза, передаваемая от животного к животному, постоянно живущему в одних и тех же стойлах или сараях, сопровождается инкубацией, более быстрой и активной, чем та, которая возникает в результате случайного контакта на рынках или в результате заражения на расстоянии при передаче миазматических выделений по дорогам общего пользования.

Давайте добавим к этим соображениям относительное состояние здоровья каждого животного, и тогда мы прекрасно поймем, что инкубационный период должен различаться как по продолжительности, так и по характеристикам его проявления. У некоторых животных он едва ли выдает расстройства, вызванные его болезненным функционированием: они сохраняют свой аппетит и свой обычный внешний вид. Только пристальное и внимательное наблюдение было бы в состоянии различить некоторые незначительные изменения в их образе жизни, в регулярности их размышлений и сна. Но в других людях безошибочно угадывается что-то неправильное и необычное во внешности и образе жизни; витальное состояние уже не то. Таким образом, животное, которое раньше было веселым и привычным, становится молчаливым и одиноким; оно щиплет траву с меньшим рвением и жадностью; оно чаще и дольше ложится; оно задерживается у изгороди вдоль поля или бродит туда-сюда с вялым видом и без какой-либо цели. Другие стонут и жалуются, время от времени издавая необычные звуки, очень выражающие истому и боль.

Но, за исключением сезонов эпизоотий, животные слишком часто демонстрируют эти незаметные оттенки разнообразия во внешности и действиях, чтобы привлечь к ним внимание; следовательно, эти изменения почти всегда остаются незамеченными.

Однако тифозные миазмы, поглощаемые одновременно слизистыми оболочками дыхательных путей и пищеварительной системы, изменяют свойства крови и тайно воздействуют на нервную систему; вскоре после этого у животного более явно проявляются те изменения, которые ранее едва можно было заметить; его отсутствие аппетита становится более заметным, его печаль более очевидной, а его внимание медленнее и небрежнее фиксируется на окружающих его

предметах. Когда он находится в сарае, его обычная пища оказывается в избытке, он испытывает гораздо более острую и частую жажду, а постоянное уныние и подавленное настроение или временное возбуждение нарушают все его функции. Когда фермеры или скотоводы впервые замечают эти тревожные признаки, они обращают на них мало внимания; но если зараза проникла в их стойла и сараи, они больше не обманываются ими, а начинают опасаться, что через день или два к их числу добавятся новые жертвы.

2. Период посвящения. Вскоре выработка вирулентных миазмов в органической структуре изменяет качество крови и слизи, функции ассимиляции и секреции изменяются, нервные центры получают поврежденные органические элементы и нарушаются их физиологические состояния, и пораженное животное проявляет то состояние скрытого беспокойства, о котором оно плохо осознает по общему виду тяжести и оцепенения (тифос), что дало название этому заболеванию тиф...

Действительно, глаза бедного животного становятся неподвижными, слух притупляется или становится безразличным, что можно увидеть по опусканию ушей, этих органов, которые у травоядных животных столь чувствительны, способны к сокращению и бдительны. С опущенной и неподвижной головой, вытянутой шеей, раздвинутыми передними ногами, сведенными ягодицами и одной из них совершенно расслабленной, они, кажется, прогибаются под тяжестью своего тела. Одним словом, животное всем своим поведением демонстрирует тяжелую печаль, общее уныние, которые свидетельствуют о большом расстройстве всего строения. С этого времени у наиболее серьезно пораженных животных пропадает аппетит, размышление становится нерегулярным и частичным, в то время как у некоторых других аппетит и размышление сохраняются в разной степени.

Но инкубация болезненных элементов продолжается своим чередом, изменение состава крови становится общим, и кровообращение усиливается. После этого появляется лихорадка прекращает выделение секрета, секреция вымени пересыхает, слизистые каналы перестают кровоточить, слизистая оболочка рта становится белесой, расположенные на ней маленькие железы становятся более постоянными, особенно по окружности десен; дно языка и гортани воспалены, слизистая оболочка половых органов коровы красная и испещрена багровыми прожилками, белок глаз пересыхает, а кожа ощущается попеременно горячей и холодной, так же как рога и копыта.

У некоторых пациентов наблюдается внешнее возбуждение, временная дрожь ощущается в передней и задней четвертях, а также в местах соединения конечностей с туловищем. У некоторых беременных коров незадолго до родов случается выкидыш. Короче говоря, в этот период раздражения весь организм находится в состоянии войны с осаждающими его тифозными элементами, которые преодолевают предохраняющую силу витальных сил, и из-за этого общего нарушения возникает раскаленная лихорадка, которая истощает и останавливает все выделения в их источнике.

Эти общие симптомы являются первыми признаками и предупреждениями о более значительных функциональных нарушениях, которые, однако, могут варьироваться в зависимости от предрасположенности каждого животного, и переносят свое развитие либо на нервные центры, либо на слизистую оболочку дыхательных путей, либо на оболочку пищеварительных каналов при воспалительной и лихорадочной форме заразного тифа. По крайней мере, таково то, что мы наблюдаем при сыпном тифе 1865 года в Англии.

Функциональные нарушения, по правде говоря, подчиненные предрасположенностям крупного рогатого скота и зависящие от них, далеко не у всех одинаковы. В одних преобладают нервные расстройства; в других - расстройства дыхательных путей, а в третьих - расстройства пищеварительных каналов.

Поскольку в этот период раздражения нервные центры поражаются особенно сильно, животное страдает от церебральных и рахитических болей, постоянной цефалгии, которая вызывает смутное беспокойство; оно иногда веселое, иногда дикое и разъяренное; оно стискивает зубы и зеваает, мышцы его лица спазматически сокращаются, позвоночник становится очень чувствительным при надавливании, появляется жгучая и ненасытная жажда, дыхание учащенное, а опорожнение кишечника приостановлено.

В этой форме токсемия, по-видимому, концентрируется вокруг нервных центров — как это наблюдается в других местах в начале некоторых сильных лихорадок, например, при сыпном и тифоидном тифе человека, — и некоторые из них могут стать жертвами этих нервных расстройств и даже упасть, как будто пораженные электрическим током. Они умирают, по-видимому, в результате тифозного яда, поскольку в этот второй период мы не обнаруживаем в нервных центрах тех повреждений, которые могли бы стать причиной столь внезапной смерти.

Когда дыхательный аппарат концентрирует на этом фебрильный застой, дыхание становится болезненным, ускоренным, затрудненным, иногда судорожным, и время от времени слышен глубокий, давящий кашель. Животное, находящееся под гнетом этого гнетущего беспокойства, поворачивает голову справа налево, принюхивается и, кажется, вопрошает свои бока, где находится очаг заболевания; и затем, независимо от того, является ли поражение легких застойным, воспалительным или эмфизематозным, оно может умереть от последствий закупорки легочного кровообращения и изменения состава крови под влиянием медленной асфиксии, но только в третьем или четвертом периоде.

Наконец, когда сыпной тиф более конкретно локализует свои болезненные явления в пищеварительных каналах, мы различаем локальные изменения на дне языка и слизистой оболочке щек, пятна багрово-красного цвета, оставляющие после себя изъязвления большей или меньшей протяженности и глубины на различных участках кишечного канала. При этой форме, которая более регулярно повторяется во все периоды, запор вначале упорный, опорожнение кишечника происходит с трудом, выделения твердые, мочи мало, живот раздутый и чувствительный.

Иногда в этот период инициации одна из этих трех симптоматических форм — нервная, легочная и пищеварительная — может преобладать исключительно настолько, что маскирует заболевание в целом и выделяет его в особый недуг. Но в таком случае это всего лишь преувеличение функциональных нарушений, которые в своей совокупности составляют сыпной тиф: ибо, когда болезнь продолжает свое течение, эти три главных центра жизни всегда поражаются в разной степени. Таким образом, ни один крупный рогатый скот, пораженный тифом, не проходит все фазы болезни без того, чтобы в данный момент не пострадали его нервные, дыхательные и пищеварительные функции.

В этом отношении бычий тиф представляет очевидную аналогию с брюшным тифом у человека, хотя и отличается от него. Следовательно, название *сыпного тифа*, данное некоторыми ветеринарными врачами, не совсем неприменимо к нему.

3. Период действия. На этой стадии заболевания, которая, как можно сказать, длится с четвертого по седьмой день, нервные расстройства ограничиваются симптомами беспокойства и чувствительности вдоль спинного отдела позвоночника; ибо те случаи, которые демонстрировали более сильное расстройство нервных функций, оказались фатальными. В этот период заболевания дыхание более затруднено, особенно когда преобладает легочная форма заболевания. Пульс, который твердый и частый, составляет от сорока до шестидесяти ударов; биение сердца более сильное и слышимое; слизистые оболочки, сухие привспышке, восстанавливают свои выделения, но эти последние наделены раздражающими свойствами. Так, с век, припухших и припухших по краям под ресницами, стекает едкая жидкость, которая вскоре оставляет бороздки вдоль глазных раковин; бронхи, трахея, ноздри, слюнные железы выделяют серозное вещество, вытекающее из носовых и щечных отверстий. Экзантематическая сыпь выходит через пищеварительные каналы, запор сменяется диареей, жевание полностью прекращается, животное отказывается от всякой твердой пищи и жаждет напитков, особенно тех, в которых присутствует легкая кислинка.

Расстройства в этот период протекают быстро — дыхание становится все более и более затрудненным, кожа горячей и сухой, волосы становятся все более жесткими, в клеточных тканях под кожей, вдоль спинномозговых позвонков, в брюшных складках задних конечностей и под брюшком образуются газы в виде плоских, неровных, крепитирующих опухолей, которые хрустят при надавливании рукой; диарея становится более разжиженной и раздражающей, поскольку тогда это уже не поток помета, покрытый слизью, который образуется при контакте с кожей. выводится, но выделения уже гнилостные, иногда красноватого цвета, и сопровождаются зловонными газами, которые вызывают тенезмы в прямой кишке и поднимают хвост. Животное заметно худеет, его уныние становится крайним, а у коров с телятами случаются выкидыши.

Ночью у животного, по-видимому, повышается температура, иногда ремиттирующего типа, после чего оно становится сонным и ложится отдохнуть или уснуть, если сможет; но затрудненное дыхание и боли в животе вскоре заставляют его снова подняться, чего он не может сделать без усилий.

4. Период упадка.—Наблюдается, что эта стадия продолжается с восьмого по двенадцатый или четырнадцатый день. Болезненные функции продолжают своим чередованием, поскольку болезнь имеет свои регулярные фазы и последовательную вариацию явлений. Выделения, которые несколько дней назад были жидкими и раздражающими, претерпели изменения; они стали густыми и гнойными, они медленнее вытекают из слизистых оболочек глаз, а также из носа и щек, которые покраснели и воспалены, и они уже издают зловонный запах. Тусклые, потускневшие глаза становятся ввалившимися, в их орбитах скапливается гнойная слизь, бронхи закупориваются, дыхание становится громче и более прерывистым, животное инстинктивно вытягивает шею, чтобы облегчить его; истощение плоти обнажает кости крестца и копчика, обнажая позвонки и ребра; эмфизематозные опухоли становятся более обширными и потрескивающими; кожа, менее нагретая, сморщивается и расслаивается вокруг костных выступов; вымя покрыто коркой и раздражено; отделенные фурункулы, сначала твердые и округлые, затем мягкие и гнойные, начинают проявляться на туловище и верхних частях конечностей. Понос, по-прежнему частый, становится кровавым и невыносимо зловонным.

На этом заключительном этапе органическая структура поддается воздействию общего изменения состава жидкостей и твердых веществ. Жизненная сила утратила способность реагировать; масса крови, разложившаяся под двойным воздействием опасного токсикоза и затруднения дыхания, передает всем органам принцип разложения; нервная система в некотором роде парализована, о чем свидетельствует бесчувственность животного.

Выделения закупоривают различные каналы и полости; они оседают в них; они подвергаются гнилостному разложению и с трудом выходят в виде гнойных и кровянистых выделений, в высшей степени инфекционных. Очень скоро больное животное перестает по-настоящему жить; оно борется и мучается от своей агонии; если легкие забиты газом или жидкостью, они хрипят быстро и часто; животное не может держать голову высоко даже в положении лежа, а когда стоит, оно двигает ею взад и вперед, как будто поражено естественной дрожью старости и как будто пытается отогнать какое-то неопишное зло, наступления которого оно ожидало.

Тело животного заранее становится жертвой законов органического разложения: внутренняя слизистая оболочка щек и губ отслаивается полосками при растирании; язвы на коже приобретают багровый и гангренозный вид; яйца, которые мухи откладывают на краях век и в носовых отверстиях или на экскориациях кожи, быстро переходят в состояние личинок. Воздух, который они выдыхают, холодный и заразный; природная калорийность, постепенно угасающая в каждом очаге, исчезает; слизистая оболочка влажных мест опухла, анальное отверстие зияет, и из него вытекает кровянистая и разложившаяся жидкость, которую прямая кишка больше не может выводить. Полуоткрытый рот, покрытый густой клейкой пеной, тщетно пытается вдохнуть большими глотками воздух, который больше не может достичь легких. Наконец, если животное лежит, оно умирает в медленной агонии, его голова опускается под собственным весом; или, если животное стоит, оно опускается, поскольку его смерть предшествовала падению.

Таковы симптомы — субъективные признаки, которые позволяют нам обнаружить заразный сыпной тиф у быка. Но не у всех животных эти нарушения жизненно важных функций проявляются с одинаковой регулярностью и избытком. Некоторые из них, как мы видели, от начала до конца, поддерживают внутренние эффекты патологического процесса — в некотором роде пассивно - без выявления каких-либо глубоких нарушений нервной, дыхательной и пищеварительной функций. Ядовитый вирус порастил их; у них пострадало общее строение; они выглядели ошеломленными; в определенный момент они потеряли аппетит и способность размышлять; у них была лихорадка; их дыхание стало коротким и частым; у них был понос; они постепенно теряли плоть, а выделения претерпевали определенные изменения и трансформации. Одним словом, у животного явно был бычий тиф; но, благодаря относительному иммунитету, особой организации, которая делает некоторых из этих животных способными противостоять инфекции в течение длительного периода, а иногда и полностью [O] — благодаря тому разнообразию, которое мы наблюдаем при различных конституциях (при оспе и сыпном тифе у человека и истинной брюшной лихорадке у человека). животные, не применяйте одинаковое насилие ко всем одинаково) - благодаря этой привилегированной организации, — мы видели, как некоторые быки прошли все стадии болезни, не проявляя этой ужасной череды болезненных явлений.

В этих случаях — поскольку даже эта легкая форма чумки в конце концов приводит к смерти — повреждения локализируются преимущественно в пищеварительных каналах, и при вскрытии мы

наблюдаем у одних изъязвления, у других - просто пятна багрово-красного цвета, более или менее обширные.

Наконец, хотя тиф является одним из самых серьезных заболеваний, от которого погибает крупный рогатый скот, все больные животные при этом смертельно не страдают. В нынешней эпизоотии пять процентов, насколько можно установить, выздоравливают; и когда это происходит, в ходе приступа наблюдаются признаки благоприятного предзнаменования. В этих благоприятных случаях, действительно, симптомы, даже если они проявляются определенной серьезностью, протекают нормально; лихорадка не становится ремиттирующей; выделения из кала обильные и легкие, с меньшим выделением мокроты; животное медленно и прогрессивно теряет плоть; опухоли кожные, воспалительные; их характер хороший, очищающий, и они скорее гнойные, чем газообразные и потрескивающие. Помет не обнаруживает той высокой степени чумного разложения, которая описана выше; животное в своем питье принимает и переваривает смесь отрубей и муки; выделения гнойной слизи и каловых выделений высыхают и прекращаются в начале периода упадка; эпидермис отверстий, через которые они выходили, отслаивается тонкими чешуйками, а затем налетом или шелухой — одним словом, хозяйство не испытывает тех острых нарушений, которые поражают один из треножников жизни, то есть нервную систему, центры, легкие или органы пищеварения.

Итак, в этих излечимых случаях, в которых излечение чаще всего происходит благодаря усилиям самой природы, но которые при систематическом лечении могли бы стать гораздо более частыми, выздоровление длится долго и требует большого внимания и хорошо регламентированной диеты, при которой пища тщательно отмеряется и разделяется. Здесь должен быть строгий надзор. Ослабление бдительности или чрезмерная уверенность в выздоравливающем здоровье привели к внезапным рецидивам и привели к летальному исходу для многих больных животных, которые считались полностью вылеченными. Ибо вполне можно предположить, что выздоравливающие животные, после перенесенных таких сильных расстройств в своем здоровье и доведенные до низшей степени прострации и маразма — до восстановления, можно сказать, твердых веществ и жидкостей — испытывают всепожирающий голод. Поэтому, если смотритель, который ухаживает за ними, к несчастью, забывает, что основные повреждения или язвы находятся в желудке и кишечнике, и если он дает им слишком много твердой пищи, он препятствует лечению, раздражает еще не полностью закрытые язвы и вскоре добавляет еще одну жертву к тем, которые уже умерли.

Это выздоровление длится от пятнадцати до двадцати дней, и животное в конце концов восстанавливает свое здоровье лишь медленными темпами. Тем не менее, осторожному хранителю не нужно бояться рецидива, когда он терпелив и бдителен.

Таков, стало быть, заразный тиф быка. Тип необратимого инфекционного заболевания, его вирулентные миазмы претерпевают в структуре ряд трансформаций: они вызывают в организме общее расстройство, полностью способное уничтожить предрасположенность или склонность животного к заражению. Болезнь, по сути, специфическая, она поражает основные центры жизни; она убивает свою жертву как своим смертоносным вирусом, так и локальными расстройствами, к которым она приводит; ибо как возможно сохранить жизнь, когда вся нервная система, которая стимулирует и регулирует все функции, расстроена?— когда легкие, которые оживляют кровь, когда органы пищеварения, которые являются самими источниками питания, поражены застоем?— когда, в конце концов, не только эти жизненно важные центры

перестают функционировать, но когда каждый сам по себе является причиной мучительных болей и истощения?

Более того, сыпной тиф наблюдается у всех животных крупного рогатого скота, независимо от их расы, возраста или пола. Выздоровевшие животные могут безнаказанно жить среди больных стад крупного рогатого скота, благодаря их безрецидивному характеру. Джессен даже был свидетелем того, как коровы после собственного лечения передали своему потомству своего рода иммунитет. По той же причине, что эпизоотии менее смертельны в тех странах, где они часто происходят, конституция тех животных, которые зародились в таких привычных стадах, сохраняет профилактический эффект, присущий крови, которая была передана им.

Кроме того, что это за важная тема для врача, и какую более достойную задачу он может поставить перед собой, чем лечение такого недуга, которое, как уверяет его разум, должно в конечном итоге привести к излечению и искоренению того же недуга у человеческого рода?

Из-за причины, которая до сих пор была неразличимой и невесомой, какие важные, какие чудесные результаты вырисовываются в будущем! Воздух кажется нам чистым и благотворным, однако он таит в себе тифозные миазмы самого смертоносного вида; он переносит это пагубное начало на плодородные луга, где мы видим пасущиеся стада, которые кажутся нам пышущими здоровьем. Затем эти миазмы вдыхаются и всасываются, и они встречаются в организме с особым и незаменимым органическим элементом, который необходим для их размножения; там они подвергаются определенным скрытым преобразованиям и ферментации, прорастанию, которое мы называем *инкубацией*, чтобы объяснить процесс, который мы не можем понять. Затем разгорается лихорадка, нарушаются все функции организма, и больное животное падает, оставляя нас удивленными, невежественными и бессильными наблюдателями явлений, которые, тем не менее, являются вечной работой природы и сохранялись на протяжении всех времен.— Но если в невидимом тифическом атоме природа дает нам смерть, то в зооспермии она также дает нам жизнь.

II.

Повреждения, обнаруженные в телах быков после смерти.

Описание, которое мы дали о нарушениях, вызванных различными функциями в результате действия тифа, может легко подсказать, какими должны быть поражения органов тела.

Смерть, как мы уже говорили, может настигнуть болезнь в любой из ее периодов и, таким образом, выявить каждый аспект и каждую степень органических поражений. Такое животное, убитое в период инициации, конечно, не будет представлять изменений и разновидностей периода упадка, *инаоборот*.

В общем, состояние мертвых тел - это состояние самого решительного маразма; останки вызывают сильное отвращение как по источаемому ими зловонию, так и по виду, который они представляют; и, особенно летом, разложение начинается с большой быстротой. Следовательно, требуется предельная осторожность при транспортировке их с места на место; и это внимание тем более важно, что при транспортировке полости, лишенные своей

сократительной способности, пропускают содержащиеся в них вредные жидкости, тем самым заражая экипажи и дороги общего пользования. Настоятельная необходимость немедленного захоронения этих мертвых тел, наиболее активных агентов распространения инфекции, также лежит в основе этого наблюдения.

Умершее животное, как предмет анатомии, позволяет нам установить локализацию эмфизематозных опухолей и увидеть, что они действительно возникают из-за воздуха, который проникает в клеточную ткань и который, отступая от давления пальцев между клетками, производит потрескивающий звук, который мы заметили выше. Более того, такое проникновение воздуха является гораздо более общим эффектом, чем предполагалось.

Аналогичным образом, при обследовании этих субъектов установлено, что круглые, флюктуирующие и меньшие по размеру опухоли действительно являются гнойными скоплениями, которые иногда находят проход в слои и промежутки мышц.

Мускулистая плоть обычно дряблая, бескровная, неприглядная, с очень тошнотворным запахом; и было бы трудно представить, что самый скупой мошенник осмелился бы предложить даже самые презентабельные ее части для продажи и потребления. Но когда прибегают к приемам и уловкам, известным мясному ремеслу, когда, невзирая на общественное здоровье, беспринципный торговец выбирает наиболее мясистые части, когда он отделяет и украшает их, окрашивая кровью здорового животного, неосторожный глаз покупателя может быть обманут. Заметьте, что мы сейчас говорим о скоте, павшем на последней стадии этого маразма, так что мы могли бы предположить, даже если бы многочисленные повестки в магистраты и слишком умеренные штрафы, которые были наложены на виновных, не пролили широчайшего света на тот факт, *что большое количество больного скота, забитого на разных стадиях этой ужасной болезни, было одето и украшено, выставлено на продажу, продано и съедено очень значительной частью жителей Лондона и сельской местности таким же образом.*

Пищеварительные каналы. Слизистая оболочка полости рта по большей части имеет багрово-белый цвет; на дне языка видны потемневшие пятна, а иногда и изъязвления, различающиеся по форме и количеству. Мистер Саймондс сконструировал анатомическую модель, которая представляет идеальный тип этих изъязвлений, некоторые из которых имеют алый оттенок с перпендикулярными краями. На *желудках* имеются различные изъязвления.

The Брюшко, или первый желудок, всегда содержит большое количество пищи, предназначенной для пережевывания; иногда эта пища сухая и прилипает к бокам; в других случаях ее разбавляют водой, которая еще не успела впитаться после питья. На внутренней мембране этого первого резервуара могут быть плоские пятна с багровыми вкраплениями разного размера.

The Соты, или второй желудок, обычно имеют те же повреждения, что и брюшко.

The Многослойность, или третий желудок, содержит между своими пластинками твердые, порошкообразные и сухие пищевые вещества, которые, как видно, прилипают к разным листьям. При удалении этих веществ обнажаются некоторые экземозные пятна, эпителий которых легко отслаивается; иногда видны изъязвления и даже перфорации.

The *Язычок*, или четвертый желудок, бока которого более толстые, мясистые и с большим количеством сосудов, обнаруживает в своих складках различного рода повреждения или язвочки: они состоят из больших плоских пятен темно-красного цвета, более или менее мягких, а иногда и красных изъязвлений на их глубокой поверхности с чистыми краями.

Что касается собственно так называемого кишечника, то на *двенадцатиперстной кишке* видны те же повреждения, но, как правило, большие синюшные пятна.

The *Тонкая кишка* снаружи, даже когда она сохраняет свое место в брюшной полости, имеет красноватый цвет, выстлана сосудами, расширенными от крови, что является признаком общего скопления ее оболочек. Осмотр слизистой оболочки после того, как она была разрезана вдоль, действительно показывает, что эта часть пищеварительного тракта является основным очагом чумы; ибо независимо от этой общей инъекции вы видите изъязвления, которые сменились отдельными пустулами или длинными плоскими пятнами, результатом скопления нескольких пейеровых желез, сведенных воедино пластическим воздействием воспаления. Эти плоские пятна, или пластинки, очень похожие на те, которые мы наблюдаем при брюшном тифе у человека, воспалены и изъязвлены в разной степени.

Слизистая оболочка *толстой кишки* поражается в зависимости от периода заболевания. Примерно в третьем периоде инъекция иногда носит общий характер, особенно вблизи прямой кишки; но в четвертом и последнем периоде мы часто встречаемся с изъязвлениями, которые меньше в верхней части, больше и глубже в нижней, или ректальной, части. Оболочка половых органов коровы сильно инъецирована и имеет тускло-красный цвет.

Как мы видели, различные органы пищеварительного аппарата при этом сыпном тифе могут вызывать обширные изменения, полностью соответствующие тяжести симптомов или функциональным нарушениям. В двух случаях, в которых преобладали нарушения дыхания и которые были купированы на восьмой или десятый день заболевания, мы наблюдали только частичные инъекции очень ограниченного характера либо на оболочках желудка, либо на оболочках кишечника, и которые могли быть обнаружены в случае обычного воспаления кишечника. Следовательно, в этих двух случаях характерных для сыпного тифа поражений, если они должны локализоваться в кишечнике, было, так сказать, совершенно недостаточно. Мы не будем утверждать, что это было точно так же у четырех других животных, трех быков и одной коровы; но если у двух из них был воспален четвертый желудок, если у третьего был закупорен тонкий кишечник и если, наконец, у коровы на толстом кишечнике были изъязвления, мы не могли в этих поражениях отличить брюшной тиф.

Эти факты вызвали у нас большое удивление, ибо мы были далеки от того, чтобы подозревать их. Мы надеялись, вскрыв кишечник этих животных, которые, несомненно, все умерли от тифа, наверняка обнаружить в определенном месте какое-нибудь хорошо известное поражение, о котором было объявлено заранее. К нашему великому удивлению, так было не всегда. Так что наши теории, какими бы убедительными они ни казались, о тождестве бычьего тифа и брюшного тифа у человека, которые мы больше, чем кто-либо другой, хотели бы видеть подтвержденными, должны подвергнуться наблюдению.

В целом, при этой эпизоотии поражения кишечника или язвы проявляются по-разному. В некоторых случаях они развиты до предела, так что проявляются изъязвлениями у корня языка, а также в кишечнике и представляют собой в некотором роде избыток повреждений, которые

наблюдаются при брюшном тифе, в других случаях они едва заметны, а иногда и вовсе отсутствуют, когда животное поражено в третьем или четвертом периоде, то есть когда экзантематическое или пустулезное состояние успело развиваться в пищеварительных каналах. Одно из этих животных, захваченных мистером Теггом на рынке в Кэмден-Тауне, было в таком истощении, что его не смогли отвезти на бойню, находившуюся всего в двухстах ярдах отсюда; они были вынуждены завалить его на месте на полпути, чтобы доставить к месту вскрытия. Мы обнаружили только частичные инъекции в пищеварительную трубку этого животного. Эмфизема легких, которая стала причиной смерти этого животного, развилась в высшей степени.— Он был вскрыт по просьбе месье Були из Альфора.

Дыхательный аппарат. Здесь, опять же, сыпной тиф показывает нам повреждения, которые отличаются от повреждений при брюшном тифе; ибо, если дыхание всегда более или менее затруднено при вспышке этой лихорадки, никакие серьезные органические изменения в легких не являются следствием этого. Напротив, при бычьем тифе, когда преобладает легочная форма, нарушения в органах дыхания замечательны. Так, слизистая оболочка ноздрей, из которой вытекает гнойная и зловонная слизь, иногда изъязвляется и экскорируется. В гортани и трахее или трахейном горле, забитых пенистой слизью, наблюдаются те же изменения, хотя и реже. Легкие, которые скорее перегружены, чем воспалены, являются эмфизематозными, поскольку воздух проник внутрь и растянул клетчатку, соединяющую доли вместе.

В некоторых случаях легкие настолько переполнены воздухом, что их доли представляют собой единую кучу, что делает их неузнаваемыми, настолько сильно их объем, удельный вес и губчатая воздушная форма отличаются от естественного состояния.

Аппарат кровообращения. На внутренних сторонах сердца видны кровотокающие пятна, и то же самое происходит с более крупными сосудами. Кровь, уменьшенная в количестве и измененная по качеству, становится черноватой и более жидкой; но в большинстве случаев она мгновенно сворачивается в массу, не разделяясь на твердую и жидкую части.

Нервная система.— Наблюдая и препарируя трупы на бойнях на рынках, мы не смогли исследовать ни головной, ни спинной мозг. Кроме того, давайте заметим в этом месте, что способ забоя скота в Англии сделал бы невозможным такое исследование. Ибо животных бьют дубинкой, которая убивает их как в результате сотрясения мозга, так и в результате прямого изменения мозга; инструмент имеет острый конец, который пробивает череп и повреждает доли головного мозга. И это еще не все; в тот момент, когда животное повержено, в отверстие, проделанное в черепе, вставляется гибкий стержень и проходит до позвоночного канала, чтобы разорвать на куски бугорок и луковичу, то есть жизненно важный узел. Однако этот способ умерщвления крупного рогатого скота кажется нам, однако, предпочтительнее того, который принят во Франции, где животное не тонет, пока его несколько раз не ударят дубинкой.

Но как бы то ни было, те авторы, которые исследовали нервные центры крупного рогатого скота, погибшего от тифа, обычно обнаруживали, что мозговые оболочки, или мембраны, окружающие мозг, были инъекцированы, в то время как сам мозг был слегка залит кровью.

Поскольку этих анатомических поражений нервных центров самих по себе недостаточно для объяснения смерти во втором периоде, мы попытались дать объяснение этому при рассмотрении симптомов.

Другие органы, селезенка, печень, почки, представляют изменения, представляющие лишь второстепенный интерес.

III.

Диагностика—Прогноз—Употребление мяса животных, погибших от тифа —Опасность прямого поглощения.

Бычий тиф имеет такие отчетливые и ярко выраженные характеристики, что его не легко перепутать. Однако, чтобы соответствовать общепринятому обычаю, я скажу несколько слов об основных симптомах некоторых заболеваний, поражающих быка, между которыми и тифом непрофессиональные люди могут испытывать смущение и не решаться провести различие. Однако мы перенесем эти сведения, относящиеся к диагнозу, в ту часть, которая написана специально для агрономов, фермеров и скотоводов, чтобы они могли легко найти все, что им может потребоваться знать, когда у них появится больной и зараженный скот для лечения.

Нам также нужно сказать несколько слов по поводу прогноза заболевания в отношении его распространения и продолжительности. Наконец, мы затронем вопрос, имеющий очень большое значение в гигиене — мы имеем в виду употребление мяса животных в пищу и опасность, которой может подвергнуться человек и другие животные в результате контакта с их мертвыми телами или их фрагментами.

Болезнями быков, которые мы привыкли считать отличными от тифа, являются заразная перипневмония, аптозная лихорадка и сыпной тиф "шарбонне"; но, как мы только что сказали, мы упомянем постепенно их основные характеристики.

Все обеспокоены, и это беспокойство действительно естественно, желанием узнать, во что превратится эта эпизоотия — каково будет ее течение; как долго это продлится; распространит ли она свои опустошительные действия на всю территорию трех королевств; и, в конце концов, охватит ли она всю Европу.

Ответить точным образом на эти вопросы было бы трудной задачей; ибо кто из нас может в настоящее время определить какой-либо определенный курс атмосферных изменений? и все же они оказывают реальное влияние на развитие эпизоотии. С другой стороны, меры, которые принимались до сих пор, чтобы ограничить распространение инфекции в ее различных очагах, к сожалению, оказались почти безрезультатными, но можно надеяться, что с помощью опыта мы сможем более эффективно противостоять злу и сдерживать его распространение.

Если бы атмосферные условия и профилактические меры не смогли остановить распространение чумы, у нас были бы основания опасаться еще большего распространения инфекции; поскольку вирулентный характер эпизоотии, по-видимому, имеет исключительную интенсивность, и мы, возможно, можем сравнить ее со знаменитой эпизоотией середины восемнадцатого века, которая в течение десяти лет опустошала всю Европу, уничтожив шесть миллионов голов крупного рогатого скота.

Пусть читатель бросит взгляд на выдержки, заимствованные у врачей основных факультетов, описавших этот сыпной тиф, и которые мы воспроизвели в первой части этой книги,

посвященной его истории, и тогда он убедится, что болезнь абсолютно такая же, как та, которая тогда свирепствовала так свирепо. И если это так, мы должны предвидеть, что оно будет усиливать свои разрушительные действия, одновременно продлевая их продолжительность. Она уже распространилась на Голландию и Бельгию; Венгрия и другие провинции на юго-востоке Германии — факт гораздо менее удивительный — также поражены ею; и теперь мы слышим новости о том, что Франция, хотя и была так бдительно настороже, стала свидетелем перехода ее границ. Несмотря на *санитарный кордон*, который она предусмотрительно установила повсюду, в городе Раубе на севере несколько голов крупного рогатого скота были поражены тифом.

Не выставляя себя пессимистами, давайте заявим, что мы должны ожидать, что зараза будет продолжать распространяться. Давайте решимся на это, чтобы принять необходимые санитарные меры, и серьезно возьмемся за работу, попробовав профилактическое лечение. Но, увы! между правительством, муниципальными корпорациями, сельскохозяйственными обществами, владельцами крупного рогатого скота и, добавим мы с сожалением, ветеринарными врачами до настоящего времени, к сожалению, отсутствовало взаимопонимание, быстрые и решительные действия и денежные авансы, которые так необходимы, чтобы встретить это великое бедствие лицом к лицу и бороться с ним.

Что касается оценки с какой-либо приблизительной точностью ущерба имуществу; материального ущерба, который эта смертельная эпизоотия может нанести стране, отсутствие точной статистики относительно количества скота, который уже был забит, не позволит нам это сделать. Но, возможно, мы уже можем установить приблизительный показатель от 50 000 до 60 000 голов крупного рогатого скота для Англии и Шотландии, пока не получим более точную статистическую информацию по этому важному вопросу исследования.

Это представляло бы, однако, очень значительный капитал; ибо, если мы рассчитаем потерю каждого животного в среднем только на 15 *фунтов*, уже понесенные жертвы составят не менее чем от 750 000 *фунтов* до 900 000 *фунтов*. Эта денежная жертва, возможно, стала бы решающим фактором; и на этом этапе мы, возможно, остановили бы распространение инфекции, если бы все мы были способны действовать обдуманно и согласованно вместе, во имя и в интересах общества, с самого первого появления болезни. Но этот расчет, скажем, в 900 000 *фунтов стерлингов*, сделан исходя из предположения, что каждый владелец крупного рогатого скота был готов смириться со своими собственными потерями; тогда как, к сожалению, многие из них стремились переложить их на других, и поскольку большое количество больных и зараженных животных было продано и съедено, пропорциональная сумма, полученная таким образом этими жадными людьми, должна быть, конечно, *вычтена* из этой оценки. Действительно, вычтено! Учитывая последствия для общественного здравоохранения, не является ли это скорее усугублением, чем смягчением ущерба?

Эти последние утверждения, естественно, заставляют нас задаться вопросом, не правы ли мы, утверждая, что мясо больного и зараженного скота, распространяемое и употребляемое таким образом, не оказало пагубного воздействия на здоровье населения.

Мясники, продававшие мясо этого больного и испорченного скота, без сомнения, были осторожны и воздерживались от употребления его в своих собственных семьях; и когда они впервые задумались о здоровье своих сограждан, хорошо понимая, что они делают, их совесть, вероятно, упрекнула их в проступке. Но впоследствии, когда не было замечено никаких дурных

последствий для их покупателей, их собственная безнаказанность в сочетании с очевидной безвредностью для их соседей сделала их смелее, и у них вошло в повседневную привычку продавать эти гнилые субпродукты, которые при контакте отравляют даже землю.

Более того, сами скотоводы были в сговоре с мясниками и позаботились о том, чтобы забить больных животных до того, как истощение их мяса в результате прогрессирования чумы лишило их самой большой ценности. Их личный интерес побудил их избавиться от больных животных как можно быстрее, поэтому большинство зараженных животных было продано и съедено на второй стадии или периоде тифа.

Итак, если бы мясо этих больных животных было съедено сырым, последствия, несомненно, были бы самыми ужасными, хотя собаки могли питаться им без вреда. Но приготовление мяса животных при 100 градусах тепла обладает свойством уничтожать на какое-то время заразные микробы, как показывают знаменитые дебаты, которые сейчас ведут экспериментаторы, изучающие тему самопроизвольного зарождения. Таким образом, это ядовитое мясо поначалу могло быть переварено без немедленных побочных эффектов.

Однако наша медицинская практика позволяет нам заявить, что, приняв во внимание влияние этого необычайно жаркого лета, желудочно-кишечные и нервные расстройства самого острого характера и без каких-либо особых причин для их объяснения, были действительно очень многочисленными в течение последних двух месяцев и несоизмеримо большими, чем они обычно бывают в Лондоне. И мы не можем не чувствовать, что, если холера достигнет берегов Англии в этой критической ситуации, она найдет организмы, наиболее готовые воспринять ее вирус. Тогда, действительно, если миазмы брюшного тифа смешаются с миазмами холеры, всем живым существам придется бороться с самыми пагубными причинами изменений в своем здоровье, и мы можем (дай Бог, чтобы было иначе!) стать свидетелями одного из тех неизмеримых бедствий, которые, известные в прежние века как *Черная чума*, уничтожали скот и людей без разбора, и которые, когда мы читаем печальные отчеты о них в истории, заставляют людей содрогаться от страха.

Мы искренне надеемся, что подобные несчастья могут быть избавлены от нас. Но должны ли мы полностью воздерживаться от употребления мяса крупного рогатого скота, пораженного тифом? Это деликатный вопрос, но все же мы ответим на него, должным образом учитывая все заинтересованные стороны.

Мы предполагаем, что все животные, пораженные ранними проявлениями расстройства, которые начинают проявляться в начале его второго периода, то есть при появлении первых симптомов, таких как ступор, потеря аппетита и дрожь, могут быть переданы мясникам. Но это должно быть сделано только при *четком понимании и условии*, что каждое животное, больное или не больное, во время эпизоотии должно пройти на ферме, рынке или в конюшне осмотр компетентного ветеринарного инспектора, который отметит животное, когда оно будет пригодно для продажи в пищу. Благодаря этой мере предосторожности, которая в настоящее время применяется на практике в Бельгии, соблюдаются все интересы — как общественного здравоохранения, так и владельцев крупного рогатого скота.

Но есть еще один вопрос, имеющий определенную важность, который заслуживает того, чтобы на мгновение привлечь наше внимание. Иногда люди задаются вопросом, может ли бычий тиф

передаваться другим животным и даже человеку либо при контакте, либо при непосредственном поглощении, либо при вдыхании миазмов, витающих в атмосфере.

По этому вопросу можно было бы провести эксперименты, представляющие большой интерес; но мы уже можем утверждать, основываясь на общеизвестных фактах, что прямое всасывание гнилых веществ и гнойных выделений, а также простой контакт с зараженной плотью, когда эпидермис или покрывающая шарф кожа треснута или отслаивается, или когда существует наименее открытая рана, могут дать доступ болезни и вызвать смерть как у человека, так и у других животных. В этих случаях поглощенный вирус действует не как специфический агент, вызывающий сыпной тиф, а как провокационный септический агент, наделенный инфекционными свойствами, которые вносят в экономику зародыш вирулентной и смертельной болезни. Пока здоровая и неповрежденная внешняя оболочка служит защитой между нами и поглощением, мы можем безбоязненно прикасаться к испорченной плоти этих животных. Но малейшая рана или ссадина - это открытая дверь, впускающая смерть. Молодого ветеринара, у которого была легкая рана на руке, увезли через сорок восемь часов, как было доказано в ходе коронерского расследования, после того, как он вскрыл быка, умершего от тифа. [P]

На этом роковом примере мы видим, что нам следует быть особенно осторожными и не прикасаться к быку, зараженному тифом, когда мы носим с собой какие-либо открытые раны, если только мы не примем максимальных мер предосторожности, чтобы уберечься от любого прямого контакта или всасывания. Человек, как мы уже говорили и показали, сравнительно безнаказанно дышит атмосферой, насыщенной заразными миазмами этого тифа. Но то, что верно сегодня, может оказаться неверным завтра; поэтому давайте также остерегаться слишком длительного поглощения атмосферы, пропитанной этими пагубными принципами.

Что касается травоядных животных в целом, то аналогичная организация должна в их случаях предрасполагать их к заражению. Всякий раз, когда мы посещаем рынки, мы не можем отделаться от страха увидеть, как бычий тиф передается овцам и свиньям, которые содержатся вокруг них. Неоспоримым фактом является то, что при определенных эпизоотиях все животные без различий были поражены, причем травоядные животные быстрее, чем любые другие. Привычка собирать такое огромное количество скота на одном рынке и в один и тот же день, хотя и удобна для бизнеса, представляется нам неразумной, особенно в период распространения этого бедствия.

Эта часть нашего трактата была в руках печатника, когда мистер Саймондс написал письмо Тайному совету, которое оправдывает все наши опасения. Бычий тиф был передан нескольким овцам, и мы все должны ожидать, что это жестокое заболевание примет гораздо большие масштабы, чем раньше, поскольку теперь оно получило второе направление для своего поддержания и распространения.

Ветеринарный отдел, Нью-стрит, 23,
Спринг-гарденс, 25 сентября. 25 сентября.

"Сэр, осмелюсь сообщить, что, действуя по полученным от вас инструкциям расследовать без потери времени поступившее в ваш офис заявление о вспышке чумы крупного рогатого скота в отдаленной части графства Норфолк, предположительно возникшей в результате контакта

крупного рогатого скота с несколькими больными овцами, недавно доставленными в помещение, я посетил соответствующий район и расследую все обстоятельства дела.

"Похоже, что еще 17 августа мистер К. Темпл, фермер и торговец из Блейкни, получил на своей ферме 120 ягнят, которых он поручил торговцу заготовить для него на откорм.

"Ягнята были куплены на Тетфордской ярмарке накануне и немедленно отправлены по железной дороге в Фейкенхэм, откуда их доставили в Блейкни, расстояние около десяти миль. По прибытии они, казалось, были утомлены больше обычного, что, однако, объяснялось жаркой погодой и перенапряжением, которому подверглись животные.

В дополнение к этому пастух заметил, что некоторые из них казались нездоровыми, и он заметил своему хозяину, что они не кажутся "очень здоровой партией", и что, по его мнению, было бы лучше вернуть их торговцу. В течение дня или двух после этого симптомы болезни были более выражены во всех первоначальных случаях, и нападению подверглось гораздо больше животных. 24-го двое самых тяжелых больных были вывезены с поля на территорию фермы и помещены в сарай для лечения, в который впоследствии поместили корову. 25-го числа два ягненка умерли, и вследствие этого, а также из-за большого количества пострадавших, утром 27-го всех их привели в тот же двор, где находился сарай, о котором говорилось ранее. Есть также еще один сарай, отделенный от этого двора только несколькими старыми вязанками хвороста, в который коров загоняли ночью и утром для дойки. Ягнята оставались во дворе до утра 28-го, когда им дали какое-то лекарство, они были возвращены в загон и больше никогда не подходили к коровам.

"Находясь во дворе, трое умерли, двое 27-го и один 28-го, а на следующий день еще двое умерли в поле. С этого времени болезнь продолжалась, так что к прошлой пятнице, 22 сентября, в день моего визита, сорок шесть человек либо умерли, либо были убиты, а двадцать семь находились в очень тяжелом состоянии.

"7 сентября, через десять дней после последнего контакта с овцами, корова дала показания о том, что она поражена чумой крупного рогатого скота, и это животное было тем, которое было помещено в сарай, занимаемый больными овцами 24 августа. Вторая корова подверглась нападению 11 сентября, а вскоре после этого - третья, за которой последовали другие; так что к 16-му все коровы, числом шесть, телка и теленок, были мертвы.

"Мой осмотр ягнят показал, что они безошибочно были жертвами чумы. Симптомы почти во всех деталях совпадали с теми, которые наблюдались у крупного рогатого скота, пораженного этим заболеванием, и *ипосмертные* проявления также были идентичны.

"С целью установления истинной природы изменений, произошедших в организме перед смертью, я приказал убить четырех ягнят, взял у них несколько пораженных частей и отправил их в Королевский ветеринарный колледж без каких-либо замечаний. Эти части были исследованы моим коллегой, мистером Варнеллом, который сразу распознал особые изменения структуры, вызванные чумой крупного рогатого скота.

"Все факты этого случая не оставляют ни малейшего сомнения в том, что овцы подвержены болезни, называемой чумой крупного рогатого скота, и что при поражении они могут легко передать болезнь племени быков; и более того, при передаче таким образом она оказывается столь же разрушительной, как и при передаче от быка к быку обычным способом.

"Этот случай также является более важным, поскольку произошел в месте, удаленном не менее чем на четырнадцать миль от любого другого места, где существует чума крупного рогатого скота, что не вызывает сомнений в том, что болезнь была занесена среди крупного рогатого скота только овцами.

"С сожалением должен добавить, что это не единственный случай заражения овец чумой крупного рогатого скота. Я узнал, что предполагалось, что подобным образом пострадали несколько овец, принадлежащих мистеру Р. Дж. Х. Харви, члену парламента, в его поместье в Краун-Пойнте, недалеко от Норвича. Это место я также посетил и обнаружил большое стадо из более чем 2000 ягнят, среди которых преобладала болезнь. Большое количество было отделено от больных и не подавало никаких признаков болезни. Однако очень многие умерли, и болезнь быстро прогрессировала. Я также обследовал многих мертвых и обнаружил, что *посмертный* вид был идентичен тем, что были видны в других случаях, о которых говорится в этом отчете.

В данном случае болезнь была занесена в поместье в результате покупки некоторого количества крупного рогатого скота, который впоследствии умер от болезни и который, к сожалению, в момент проявления болезни пасся вместе с овцами.

"Все это дело величайшей важности, и я, не теряя времени, представляю его вам для сведения лордов Совета.

"Имею честь быть, сэр, вашим покорнейшим слугой,

"Джас Б. Саймондс".

IV.

Общие соображения о бычьем тифе и краткое изложение симптомов.

Мы рассмотрели причины, симптомы и трупные изменения при сыпном тифе крупного рогатого скота, и поэтому мы можем приступить в настоящее время к рассмотрению его патогенеза и природы. Только рамки этой книги не позволяют полностью обсудить каждый пункт этого важного вопроса патологии; ибо, если бы мы хотели показать, в каком отношении сыпной тиф отличается от такого-то и в каком отношении он похож на такое-то болезненное образование, лихорадочное, заразное и заразно-заразное, подобное ему, такая диссертация потребовала бы целого тома; поэтому мы вынуждены придерживаться определенных рамок.

Подобно каждому внимательному врачу, посвятившему себя изучению сравнительной патологии, мы придерживались собственного предвзятого мнения относительно природы этой *чумы крупного рогатого скота*. Аргументируя *априори* из того, что мы знали, из законов патогенеза тех экзантематических заболеваний, на которые мы ссылались в предыдущей главе; из идентичности натуральной оспы у различных животных; из профилактического лечения, к которому привела эта идентичность; полагая, что у животных и человека у каждого свой брюшной тиф, как у них своя натуральная оспа; рассматривая совместно с Турской школой брюшной тиф как натуральную оспу слизистой оболочки кишечника, и предложив, в 1855 году, [Q] принять прививку в качестве профилактического лечения, проводя простое сравнение между тифом, который мы сейчас наблюдаем, и брюшным тифом у человека; надеясь, можно

сказать, действительно, найти в этом тифе прививочный и профилактический вирус, необходимый для нашей брюшной лихорадки, все поймут, с каким нетерпеливым и живым любопытством мы исследовали внутренности жертв, пораженных этим вирусом. эпизоотия. Ибо, если бы этот сыпной тиф был подлинным брюшным тифом, тот вид крупного рогатого скота, который уже предоставил профилактический вирус от оспы, в равной степени предоставил бы нам профилактический вирус от брюшного тифа. Согласно этой гипотезе, наше предложение привить брюшной тиф, которое до сих пор испытывалось только на лошадях, и в экспериментах, плохо проведенных учениками Ветеринарной школы Лиона, было, возможно, близким к осуществлению. Но мы с сожалением должны сказать, что были вынуждены представить доказательства и признать, что нынешний инфекционный тиф - это не тот, который нам нужен для обеспечения нас противотифозным вирусом.

Подобно тому, как патологи расходятся во мнениях относительно вопроса, являются ли сыпной тиф и брюшной тиф у человека одной и той же болезнью, так и мы должны долго спорить, не приходя к согласию, относительно того, что относится к сыпному тифу и брюшному тифу у быка. Мы не можем претендовать на примирение этих несогласных школ; все, чего мы желаем, - это подвести итог тому, что подсказали нам наблюдения, исходя из практического и терапевтического интереса, связанного с этим предметом.

Для нас тиф и брюшной тиф быка - это две болезни одного порядка, но, тем не менее, разные; и причины, на которых мы основываем наше мнение, подсказаны нам природой кишечных поражений, симптомами и причинами этих заболеваний.

Как мы уже видели, заразный сыпной тиф быков, по крайней мере, в рамках нынешней эпизоотии, является инфекционным заболеванием, которое различается по интенсивности функциональных нарушений и трупных поражений, к которым оно приводит. Брюшной тиф, мы имеем в виду настоящий, — поскольку существуют другие кишечные экзантематические лихорадки, которые его имитируют, — всегда локализует в тонком кишечнике пустулезную экзантему, а при сыпном тифе у быка эта пустулезная экзантема и язвы, которые ее сменяют, часто отсутствуют.

Настоящая брюшная лихорадка возникает в каждой стране под влиянием местных причин и не является в той же степени заразной, как собственно сыпной тиф. В целом, брюшной тиф поражает многие виды животных — лошадей, свиней и т.д., не передавая свою инфекцию с той же интенсивностью.

Заразный сыпной тиф быка, по-видимому, более характерен для этого животного, поскольку в тех широтах, где он развивается самостоятельно, другие животные им не поражаются.

Таким образом, по этим причинам, к которым мы могли бы легко добавить многие другие, мы рассматриваем сыпной тиф нынешней эпизоотии как особый и отчетливый тип брюшнотифозных заболеваний, отличающийся от брюшного тифа: это высшее проявление своего класса и занимает первую ступень в шкале инфекционных брюшнотифозных заболеваний. Рядом с ним мы должны поместить брюшной тиф, который, как мы признаем, не часто встречается у быков. Но ветеринарная патология все еще менее изучена, чем патология человека, и брюшной тиф, возможно, можно распознать среди тех заболеваний, которые прежняя наука описывала под названиями *динамической* и *атаксической лихорадок*. Кроме того, постоянное изучение ветеринарных документов и отчетов, возможно, позволило бы нам

обнаружить некоторые случаи, в которых у быков была выявлена настоящая брюшной тиф, помимо эпизоотических условий. Вот пример этого:—

Гелле в томе i, стр. 245 "*Патологии крупного рогатого скота*" цитирует следующую справку, присланную ему одним из его братьев, о вскрытии быка, которое было произведено 10 мая 1824 года:

"*Двенадцатиперстная кишка.* Равномерное покраснение слизистой оболочки с утолщением, размягчением и появлением петехиальных пятен. В средней части были обнаружены некоторые пейеровы железы, маленькие круглые пустулы, беловатые сверху, с красноватой окружностью. В некоторых частях, прилегающих к этим пустулам, лежали довольно обширные изъязвления, которые, по-видимому, были результатом размягчения предшествовавших им пустул. Из этих язв выделялся темный гной. Воспаление, которым они были вызваны, в некоторых местах распространялось, в то время как в других оно было ограниченным. В некоторых местах слизистая оболочка кишечника была полностью разрушена. Брыжеечные железы были красными и мягкими".

Гелле добавляет: "Я записал это интересное повествование, поскольку оно, возможно, впоследствии поможет пролить свет на один из пунктов доктрины".

Намерение, которое Гелле вынашивал в то время, как мы видим, теперь осуществляется в соответствии с его целью.

Поскольку заразный тиф быка не является настоящей брюшной тифом, мы, следовательно, не сможем позаимствовать у него вирус, предотвращающий это заболевание у человека. Но если эти болезни различаются и если при нынешнем состоянии науки трудно приписать им такие отчетливые признаки, которые привели бы к полному согласию всех авторов-медиков, мы должны, однако, признать, что обозначение бычьего тифа, которое сейчас перед нами, общим названием "чума" в честь немцев, которые дали ему название "чума крупного рогатого скота", увело бы нас слишком далеко назад.

Давайте признаем также, что название *заразного тифа*, принятое французскими ветеринарными врачами, не более чем не вызывающее возражений обозначение сыпного тифа, применяемое к нему английскими врачами.

По правде говоря, все различные виды тифа, характеристики которых мы уже приводили (см. стр. 73), являются лихорадочными и заразными. Всякий, кто употребляет слово *тиф*, говорит о заразной и лихорадочной болезни, поскольку мы не можем представить себе тиф без его сопутствующих факторов, лихорадки и заражения. Но поскольку преобладающей характеристикой этого инфекционного заболевания является, прежде всего, его *заразность*, мы предпочли использовать название *заразный тиф*, не обманываясь, однако, относительно ценности этого наименования. Для этих болезней еще не найдено окончательного объяснения; когда-нибудь в будущем они будут методично разделены и упорядочены, и тогда каждая из них получит особое название, которое устранил из сознания ту смутную неопределенность, о которой мы сейчас сожалеем.

Но если некоторые недостатки доктрины открыты для обсуждения, то в сознании не может существовать никаких сомнений относительно болезненности индивидуальности бычьего тифа

или общих условий его патогенеза; и мы можем вывести из предыдущего объяснения следующие выводы, поскольку многие положения окончательно установлены:

первое. Бычий тиф - это заболевание, по сути, инфекционное, которое вызывается всасыванием болезнетворных миазмов из воздуха.

2-й. Эти тифозные миазмы поглощаются и порождаются быком под влиянием ряда особых вредных причин.

3-й. Когда миазмы поглощены и произведена инкубация, сама болезнь является всего лишь высшим усилием природы — борьбой между жизненными силами и болезненной эволюцией яда, направленной на охрану жизни от угрожающей ей опасности.

4-й. Заболевание по существу общее, *totius substantiae*, оно в разной степени воздействует на всю структуру организма, но главным образом на нервные центры, органы дыхания и пищеварительный аппарат.

5-й. Его развитие закономерно; к последнему инкубационному периоду оно следует за общим отравлением крови — пирексией при общей лихорадке, — которая на время останавливает все выделения. Затем патологический поток локализуется в соответствии с конкретными предрасположенностями: либо в нервных центрах, когда животное поражается при вспышке; либо в легких, когда нарушения дыхания становятся ведущими симптомами; либо в пищеварительных каналах, когда наблюдается череда тифозных явлений.

6-е число. Период острого воспаления, при котором иссякли источники секреции, сменяется периодом опорожняющих и критических выдохов или выделений; из каждой слизистой оболочки, из каждого выходного отверстия выделяются слизистые выделения, которые сначала жидкие и прозрачные, но впоследствии становятся густыми и гнойными и наделяются самыми заразными свойствами. Слизистая оболочка кишечника, пораженная определенным поражением, становится очагом чрезвычайно обильного и невыносимо зловонного флюса. В клетчатке под кожей образуются газы, а иногда и гнойные отложения.

7-й. Организм или физическая структура, нарушенная в самых центрах жизни, претерпевает общую трансформацию, своего рода предварительное органическое разложение, и за всеми симптомами реакции следует период истощающей атонии и адинамии, которые предвещают распад или угасание жизни.

8-е число. Наконец, на протяжении всего течения чумы в качестве преобладающего симптома наблюдалось одно особое функциональное расстройство — *ступор*, поскольку нервная система была в некотором роде подавлена в своих функциях вследствие общей инфекции.

Таковы вкратце основные симптомы этого тифа, который, однажды прижившись в экономике, продолжает свое роковое шествие, и никакое лечение не может остановить его развитие. Как при оспе, так и при брюшном тифе и при большинстве общих заболеваний Природе на какое-то время должно быть позволено осуществлять свои новые функции, которые сменяют друг друга в должное время и которые врач не должен останавливать; ибо, если бы он это сделал, он ускорил бы смерть; но он должен бдительно следить, чтобы помочь жизненным силам.

Поэтому врач, удовлетворенный этими фактами, откажется от химерической надежды найти специфическое средство от такой болезни. После поглощения вируса организм будет стойко

переносить все болезненные явления, которые должны порождать друг друга и следовать друг за другом. *Против такого яда не существует другого противоядия, кроме самого яда.* И это легко понять. Зачем нам особое средство для борьбы с чумой, которое несет в себе профилактическое лечение? Если она прорастает и распространяется, давайте не будем обвинять Природу и возлагать на нее ответственность; наша собственная слепота, отсутствие общности интересов у людей, наши социальные институты, все еще несовершенное состояние точных наук и т.д., достаточно объясняют, почему мы до сих пор не использовали эффективные средства, которыми мы располагаем, не для лечения, а для предотвращения этого. Если бы у нас был выбор между профилактикой и лечением, разве мы, естественно, не должны были бы выбрать первое?

Действительно, источники, причины, порождающие тифозные миазмы, нам хорошо известны, и их мы можем избежать. Развитые миазмы висят в воздухе; возможно, однажды мы сможем уничтожить их, если не во внешней атмосфере, то, по крайней мере, в стойлах и сараях, где животные вдыхают и поглощают их. В конце концов, если мы бессильны остановить падучую болезнь, когда ее периоды сменяются друг другом, мы можем надеяться, что в будущем сможем действовать с большей эффективностью в течение инкубационного периода.

С другой стороны, если эту грозную болезнь нельзя остановить в ее развитии, следует ли из этого, что мы вообще не должны ее лечить? Конечно, нет! Мы далеки от мысли о такой ереси. Каковы были бы последствия, если бы мы бросили на произвол судьбы больных оспой, брюшным тифом и самим тифом, вместо того чтобы присматривать за ними с величайшей заботой? Если бы врач, просвещенный толкователь болезненных явлений, не направлял их смелой и бесстрашной рукой, а предоставил Природе идти своим беспомощным курсом, почему, неизбежно, каждый пациент умер бы, тогда как большое количество людей сейчас спасено.

То, что верно в отношении человека, точно так же верно и в отношении животных: мы обязаны лечить их, когда они больны. Если сегодня мы считаем, что быстрее и выгоднее их уничтожить, мы, конечно, пренебрегаем своим долгом. Мы полновластные хозяева животных; они - спутники наших трудов и удовольствий, их жизни должны быть отданы для сохранения наших собственных; но от их благополучия и их счастья зависят и наше собственное благополучие и счастье. Они вернут нам страдания и болезни, от которых они умирают сотни раз. Как и мы, они умирают от чахоточных, туберкулезных, раковых, сыпных, брюшного тифа и паразитарных заболеваний. И кто может сказать, не передали ли они эти расстройства человеку, который, возможно, изначально был свободен от них; ине сообщают ли они их ему постоянно?

Какие благородные страницы можно было бы написать о тесной связи, существующей между всеми организованными существами, как физически, так и морально! Давайте любить этих животных, давайте относиться к ним с добротой, и все остальные наши качества будут повышены благодаря этому.

Но поскольку человек должен принадлежать тому времени, в котором он живет, мы на мгновение обратимся к доктринам экономистов; мы будем мириться с истреблением больных животных как с болезненной необходимостью. Наш долг - искать в изучении болезней животных *в их лечении* излечение от расстройств, от которых страдает человеческий род. Поэтому сейчас мы перейдем к рассмотрению вопроса лечения крупного рогатого скота, как в плане профилактических, так и лечебных препаратов.

СНОСКИ:

[О] Мистер Саймондс в течение трех месяцев наблюдал за коровой, которая безнаказанно жила среди животных, больных и умирающих от тифа. А молодой теленок не заражался этой болезнью более трех недель.

[Р] Еще один пример фатальных последствий ужасной болезни, которая в настоящее время поражает наши стада крупного рогатого скота и привела к смерти ветеринарного врача, только что произошед в городе Садбери, графство Саффолк.

На прошлой неделе эпидемия появилась на скотном дворе мистера Раффелла, фермера из Мелфорда, и за случаями наблюдал мистер Роберт Джон Пламбли, ветеринарный врач из Садбери. В четверг мистер Пламбли вывел корову, которая, очевидно, страдала от этой болезни, и пристрелил ее, после чего произвел частичное *посмертное* исследование туши. При этом с помощью маленького скальпеля рукава его рубашки пропитались кровью животного. Он вернулся домой, и в тот же день на него напало недомогание и острые боли в голове и груди, сопровождавшиеся общей болезненностью в костях. На следующий день ему стало несколько лучше, и он смог приступить к своим обязанностям, но ближе к вечеру ему стало хуже, и на следующий день он был заперт дома. Он решил, что просто страдает от последствий сильной простуды, и не обращался за медицинской помощью до вечера субботы. В ту ночь он хорошо спал, а в воскресенье утром выглядел несколько лучше. Около двух часов дня он встал с постели, чтобы его перевязали, когда он казался сравнительно окрепшим и в хорошем расположении духа; но почти сразу после этого с ним случилось нечто, похожее на припадок, и он скончался через несколько минут, прежде чем хирург, живший по соседству, смог прийти к нему на помощь. Считалось, что смерть наступила в результате апоплексического удара, и на этот счет было выдано медицинское заключение. Однако вскоре распространились слухи о том, что смерть мистера Пламбли была вызвана чумой крупного рогатого скота, и городской коронер (Р. Рэнсом, эсквайр) распорядился провести *посмертную* экспертизу. Но к тому времени распространение вируса по организму было настолько быстрым, что тело казалось совершенно пораженным чумой, и к утру вторника, когда прибыли хирурги, чтобы осмотреть его, и его извлекли из гроба, труп едва сохранял сходство с человеческим существом, голова и туловище были сильно распухшими и черного цвета, черты лица совершенно неразличимы, а вся плоть превратилась в гниlostную желеобразную массу. Ткани были полностью разрушены, так что провести какое-либо исследование было совершенно невозможно.

Во вторник днем в зале суда ратуши состоялось дознание перед коронером Р. Рэнсомом, эсквайром, и присяжными; мистер Джозеф Баркер, химик, был выбран старшим. Мэр (С. Хиггс, эсквайр) и другие джентльмены присутствовали на протяжении всего расследования, которое длилось четыре часа.

Присяжные пошли посмотреть на тело, которое лежало во флигеле, но были настолько потрясены страшным зрелищем, что коронер разрешил им удалиться, чтобы принять стимуляторы, прежде чем они смогут продолжить расследование.

Первым вызванным свидетелем был мистер Уильям Браун, ветеринарный врач и партнер покойного, который показал, что ездил с ним на ферму мистера Раффелла в Лонг-Мелфорде в прошлый четверг, чтобы осмотреть нескольких коров, заболевших чумой крупного рогатого

скота. Один был выведен и застрелен покойным, который приступил к осмотру кишечника и внутренних органов, которые не имели признаков, обычно наблюдаемых на поздних стадиях заболевания, имелись лишь незначительные изъязвления оболочек желудка и кишечника. Легкие не исследовались, так как у покойного был с собой только маленький скальпель. При надрезах на теле рукава рубашки покойного покрылись кровью, но он не укололся и не порезался.

Была осмотрена медсестра Генриетта Дэнси, которая сказала, что у покойного были фурункулы на правой руке, к одному из которых она приложила припарки в среду, за день до того, как он осмотрел больное животное. Он сам снял припарку, но отказался накладывать пластырь, так как место было небольшим, хотя и не зажившим. Вернувшись из Мелфорда, он сменил белье, но в тот же день его затошнило, он почувствовал рвоту и пожаловался на острые боли в голове и костях. В воскресенье днем, незадолго до смерти, он пожелал, чтобы ему застелили постель, встал и стоял, пока это делали. Затем он пожаловался на слабость и снова лег в постель, и свидетельница, чтобы привести его в чувство, вымыла ему лицо и руки; при этом она заметила, что ногти на одной из рук, лежавших в постели, почернели. Она собиралась дать ему какие-то таблетки, когда заметила внезапную перемену в его поведении; и, подумав, что он вот-вот упадет в обморок или у него случится припадок, она позвонила за помощью и сама отправилась за врачом, которого не было дома, был вызван другой хирург, живущий по соседству, но к этому времени несчастный джентльмен был совершенно мертв.

Мистер Морис Мейсон, хирург, сказал, что его вызвали навестить покойного вечером накануне его смерти, и он снова посетил его в воскресенье утром и заказал ему лосьон и пиявки для головы, а также шипучие напитки (пиявки не ставились). Судя по внешнему виду тела и представленным доказательствам, свидетель придерживался мнения, что смерть покойного была вызвана поглощением ядовитого вируса мертвым животным.

Мистер У. Б. Смит, хирург, дал аналогичные показания и добавил, что ткани тела были настолько разрушены, что было бы совершенно невозможно провести *посмертное* исследование.

После получасового совещания присяжные вынесли вердикт: "этот покойный умер от последствий попадания вируса или яда в его организм при проведении *посмертного* обследования коровы, которая умерла от определенной болезни, называемой чумой крупного рогатого скота".

Это печальное происшествие вызвало большую сенсацию в городе, поскольку погибший, которому было всего 23 года, был хорошо известен и пользовался большим уважением.

[Q] "Appel à des Expériences dans le but d'établir le Traitement Préservatif de la Fièvre Typhoïde et des Maladies infectieuses irrécidivables, par l'inoculation de leurs produits morbides." Memoire lu à l'Institut, le 8 Octobre, 1855. Inséré dans la Gazette Hebdomadaire de Médecine. Париж.

ГЛАВА IV.

Лечение и излечение Бычьего тифа.

Обращаясь сейчас к лечению и, насколько это в силах осуществить человеческие силы, к излечению от этого коварного недуга, мы не можем скрыть от самих себя, что это самый трудный, самый деликатный и, в то же время, самый важный раздел нашей работы; ибо именно на эту часть, прежде всего, будет направлено внимание. Следовательно, эта часть нашей задачи окажется особенно трудной; и ничто не может дать лучшего представления о трудностях, с которыми нам придется столкнуться, чем многочисленные бесплодные попытки преодолеть их, которые в течение нескольких месяцев предпринимались многими пылкими исследователями, движимыми наилучшими возможными намерениями.

Итак, настал момент — если нам будет позволена метафора — взять быка за рога; и мы делаем это без колебаний. Если, как и многие другие, мы сбиты с толку и побеждены в этой неравной борьбе — если наша сила не соответствует нашим желаниям, — мы верим, что будем прощены.

В этом изложении лечения бычьего тифа можно проследить несколько путей, ведущих к одной и той же цели. После зрелого размышления мы примем тот, который позволит нам рассматривать болезнь при ее зарождении, *ab ovo*; изучать ее во всех ее фазах, в ее первой и второй причинах, а затем в последовательных периодах ее развития.

Таким образом, мы сможем дать отчет о каждом действительно важном факте, упомянутом на предыдущих страницах, и включить в курс лечения все, что прямо или косвенно связано с болезнью.

Таким образом, мы будем рассказывать об этом во многих отдельных статьях,—

первое. Средства и меры, которые необходимо использовать для противодействия первым местным причинам, которые могут вызвать сыпной тиф, а затем вторичным причинам, которые способствуют его распространению.

2-е. Средства предотвращения распространения заболевания среди животных, все еще находящихся в добром здравии.

3-й. Способы лечения этого заболевания в различные периоды, от периода инкубации до периода его спада.

4-е. Наконец, мы приведем законы и санитарные правила, опубликованные в Англии в связи с этим заболеванием.

Как будет видно, при использовании этого метода весь вопрос будет рассматриваться последовательно и в обычном порядке; и читатель поймет, что, когда развивается такая фаза болезни, это происходит потому, что с предыдущей, которая является ее причиной, не удалось эффективно бороться.

Я.

Средства и меры, которые необходимо применять для борьбы с причинами заразного тифа крупного рогатого скота.

Мы полностью и недвусмысленно показали, в каких странах земного шара и в каких конкретных условиях развивается сыпной тиф среди быков. Мы знаем, что эта ужасная болезнь поражает берега больших рек или озер, которые периодически выходят из берегов и на которых откладывается слизь, изобилующая органическими веществами; на болотистых равнинах, где накапливаются те же природные загрязнения; и что эти первые очаги зла обнаружены в Китае, Индии, Америке, Африке, а также на берегах Черного моря. Наблюдательный дух, который находит удовольствие в измерении явлений природы с помощью суженного компаса своих собственных коротких взглядов и концепций, мог бы только вообразить, что бычий тиф первоначально можно было встретить только в степях Венгрии и России и что виды крупного рогатого скота этих стран, благодаря особой организации, были единственными, способными вызвать сыпной тиф.

Таким образом, поскольку мы знаем, в каких условиях развивается эта болезнь, и особенно каким образом она распространяется в Европе, то теперь, когда нации объединены средствами быстрого и непринужденного общения, торговыми договорами и научными взаимоотношениями, нет ничего невозможного в том, чтобы изучить, какие меры можно было бы принять для изменения этих условий и контроля над ними. Созданная для этой цели комиссия, научный конгресс, смогла бы на месте провести исследование всех обстоятельств, способствующих развитию тифа, и результаты их отчетов просветили бы народы относительно причин, вызывающих его и от которых они страдают в первую очередь. Им было бы рекомендовано выбирать в качестве пастбищ наиболее здоровые места, отводить свой скот в определенное время года с тех участков земли, которые для них губительны; были бы спланированы и опробованы новые системы ведения сельского хозяйства и т. Д. Тщательное изучение этих вопросов могло бы привести к важным результатам; мы также не можем понять, как в эпоху, в которую мы живем, должны сохраняться те же безразличие и апатия, которые преобладали в прошлом, при наличии положительных и постоянных причин этой инфекционной болезни, распространение которой, как мы теперь видим по многим доказательствам, может сразу распространиться на столь значительную часть Европы. Теперь необходимо что-то предпринять в этом вопросе; долг правительств - эффективно справиться с этим и принять

серьезные меры для радикального уничтожения зла, если радикально его можно уничтожить, а если нет, то максимально смягчить его пагубные последствия.

Более того, многие заводчики крупного рогатого скота не стали ждать до сих пор, чтобы защититься от некоторых из первопричин тифа: они уже дают животным каменную соль, препараты, содержащие железо и мышьяк, но все это делается без метода, по желанию и удовольствию каждого человека. Следовательно, было бы необходимо ввести нормативные акты и следить за их выполнением под руководством государственных чиновников, обладающих достаточной властью.

После принятия этих мер должны последовать другие, не менее необходимые. Они должны определить для стад крупного рогатого скота, предназначенных для экспорта, пути и каналы, по которым они должны проехать, чтобы попасть в любую центральную часть или на любую железнодорожную станцию; и там дежурные инспекторы должны отмечать каждое животное, которое выходит из района, который оно покидает. Ко всем, кто может нарушить эти правила, должны быть применены суровые наказания.

Эти меры предосторожности отчасти способствовали бы прекращению распространения жалобы; но есть другая мера, более радикальная и эффективная, которую следует предпринять, чтобы предотвратить ее распространение, — мы имеем в виду прививку, которая с полным успехом применялась правительствами некоторых стран России.

Таким образом, мы видим, что существуют мощные средства противодействия распространению болезни в ее очаге, или генеративном ложе, а также ее распространению среди стад соседних стран; и эти последние могли бы сделать их в некотором роде обязательными, самым жестким образом отказываясь допускать на свои рынки, как это иногда делалось в Италии, каждую голову крупного рогатого скота, которая не была помечена как привитая или которая не была снабжена медицинским удостоверением.

Легко представить, что те страны, где зародился бычий тиф и для которых разведение крупного рогатого скота и его экспорт являются большим источником богатства, вскоре почувствуют, что они больше, чем кто-либо другой, заинтересованы в подавлении очага инфекции и в предоставлении тем странам, которые принимают их стада, любой безопасности и гарантий, на которые они имеют право рассчитывать. Если бы в этом случае на помощь пришел здравый смысл, со временем были бы получены весьма удовлетворительные результаты.

Более того, мы осознаем, что здесь имеем дело с очень сложными вопросами; ибо, хотя в книге они могут показаться простыми и непринужденными, их применение сопряжено с чрезвычайными трудностями. Мы слишком хорошо знаем, что эти профилактические меры по защите животных встретят множество препятствий и в конце концов будут приняты лишь с запоздалой неохотой, поскольку сам человек остается в некотором отношении безразличным к причинам, распространяющим страшные эпидемии, жертвой которых он становится из-за своего пренебрежения.

По правде говоря, хорошо известно, что современная холера — эта гораздо более серьезная чума — зародилась на берегах Красного моря, среди инфекционных миазмов, распространившихся близ Мекки, где тысячи паломников, умерших от усталости и лишений, и сотни тысяч овец, забитых и религиозно принесенных в жертву, в условиях невыносимой жары породили холерные миазмы, которые раньше, как предполагалось, вырабатывались

исключительно на берегах Ганга. Этот факт, должным образом установленный и доказанный, позволяет предположить, что правительства различных стран, среди которых холера вот-вот распространит свои опустошительные действия, были возмущены и жаловались на то, что были поражены таким бедствием из-за беспечного невежества и отвратительной алчности какого-то чиновника турецкого правительства. Но мы, должно быть, ошибаемся.

Нет! сначала каждый надеялся, что инфекция пощадит хотя бы его, и власти ничего не сделали, чтобы противостоять злу, но приняли старый курс *карантина*— средство более иллюзорное, чем когда-либо, поскольку страны находятся в постоянном общении, либо лично, либо посредством обмена товарами; и, следовательно, эпидемия продолжает свое вторжение из недели в неделю.

То, что делается для борьбы с холерой, дает нам шкалу, по которой мы можем оценить усилия, которые будут предприняты для прекращения распространения тифа крупного рогатого скота.^[R]

Мы, безусловно, обязаны противодействовать завозу крупного рогатого скота, зараженного тифом; но в условиях, в которых они живут, некоторые из них могут нести в себе семена чумы, даже если они кажутся совершенно здоровыми и, следовательно, способны переносить усталость от долгого путешествия.

Теперь, чтобы не вызвать инкубацию тифа во время их транспортировки в Финляндию, Голландию, Францию или Англию, никогда не следует забывать, что эти животные одарены удивительно острой нервной чувствительностью в сочетании со слабейшим жизненным сопротивлением. Необходимо позаботиться о том, чтобы сохранить их силы, обеспечить им выбор легкой для усвоения пищи; ячменную муку или другие злаки необходимо смешивать с их питьем; они должны быть защищены от перемен погоды; у них должно быть достаточно места и воздуха в кабинках локомотивов на железной дороге и на борту судна.

Мы обходим молчанием гигиенические меры, которые необходимо принять для поддержания этих транспортных средств в надлежащем санитарном состоянии: правила санитарной полиции, включенные далее, сделают их достаточно известными.

Поскольку все эти меры были приняты для выявления отдаленных причин и опасностей и противодействия им, давайте теперь обратим наше внимание на те местные причины, которые бросаются нам в глаза и которые также оказывают свое влияние на распространение болезни. Таким образом, всякий раз, когда наступает неблагоприятный сезон, лишаящий травоядных животных достаточного количества пастбищ или ухудшающий их естественные качества, мы обязаны исправить это изменение и увеличить количество забот, которые мы им уделяем; ибо эти хрупкие и беспомощные существа немедленно чувствуют и страдают от воздействия пищи, менее общеукрепляющей, чем обычно. При таких обстоятельствах мы должны пойти на исключительные жертвы; когда они возвращаются после кормления травой, мы должны дать им немного дополнительного корма или корней хорошего качества. Мы должны подражать режиму, используемому в стране степей, добавляя к их корму раствор морской соли или раствор сульфата железа. Изо дня в день мы должны давать самому слабому и некормленному скоту рацион, состоящий из толченого овса, толченых ягод можжевельника, горечавки, сульфата железа и карбоната соды.

Ибо, если мы пренебрегаем принятием мер, необходимых для предотвращения среди травоядных животных развития тех обычных эпизоотий, которые каждый год возникают на нашей собственной почве, они, несомненно, станут благоприятным очагом для тифозных миазмов, переносимых чужеродными животными или, в исключительных случаях, создаваемых ими самими. Эти заботы и внимание должны быть значительно усилены, когда зарубежная эпизоотия распространилась, как в данном случае, среди наших стад. Тогда, действительно, мы должны быть осторожны, чтобы не накормить этих существ вкусной пищей с целью их откорма. Ибо это может быть выгодно, и заводчик может похвалиться тем, что произвел жировое чудовище до такой степени, что, например, голова свиньи скрывается в мясистом изобилии его грудной клетки; но такое отступление от законов природы близко граничит с болезнью, и, несомненно, такое неестественное накопление предрасполагает переевших животных к эпизоотическим заболеваниям в целом.

С особой тщательностью следует относиться к воде, которую им дают пить. Ее ни в коем случае нельзя черпать из прудов или стоячих рек. Животные, содержащиеся на пастбищах, всегда должны иметь в своем распоряжении запас чистой пресной воды в емкостях, предназначенных для их использования.

После этих мер предосторожности в отношении их питания, внимание должно быть направлено на гигиенические условия, необходимые животному. Каждое утро его следует чистить, мыть, расчесывать и сушить; то, что каждый день делается для лошади, теперь должно быть сделано для быка. Эти необычные заботы окажутся для него весьма полезными и значительно повысят его жизнестойкость.

Поскольку животное таким образом обеспечено питанием и особыми потребностями, то в следующий раз внимание должно быть направлено на стойла и навесы. Необходимо тщательно избегать чрезмерной скученности; на каждую голову крупного рогатого скота должно быть отмерено необходимое количество воздуха для дыхания; каждый день последний должен выноситься на открытый воздух; пол стойла или сарая должен быть сначала тщательно очищен и промыт, после чего его необходимо сбрызнуть раствором хлористой извести. Если стойло плохо проветривается, следует сжечь на земле немного соломы, чтобы улучшить атмосферу, или же использовать ветки смолистых деревьев или ягоды можжевельника. В некоторых случаях используются ароматические окуривания шалфеем, розмарином или мятой, сваренными в воде, при этом образующиеся при этом бальзамические пары обладают одновременно тонизирующим и очищающим действием. На ночь в стойле следует оставить кадку со смолой идегтем или подвесить к потолку большой кусок камфары. Уксус можно пролить на кусок раскаленного железа, или порошок серы можно сжечь до сернистого газа и распространить его пары по кабинке или сараю. Это превосходное паразитицидное средство, возможно, в равной степени обладает противотифозными свойствами.

Наконец, когда эта смертельная эпизоотия опустошает страну, каждый фермер и агроном должен тщательно воздерживаться от смешивания со своими стадами любого крупного рогатого скота, купленного на ярмарках или базарах; он должен заботиться, в соответствии с указаниями Тайного совета (к которым мы отсылаем читателя за более подробными сведениями), избегать любых контактов, как прямых, так и косвенных, с рогатым скотом, зараженным тифом, поскольку он сам может стать орудием заражения. — Пусть он никогда не забывает, что руководствоваться в своих действиях во времена бедствий своими личными

интересами - величайшее преступление, которое может совершить человек. Поэтому пусть он постарается помочь властям в тех мерах, которые они приняли в интересах всех.

II.

Теперь, когда мы рассмотрели меры, которые благоразумие предписывает нам предпринять для защиты от причин, вызывающих и распространяющих тиф, давайте подумаем о средствах его предотвращения, когда зараза угрожает распространиться по всему королевству, как в настоящее время это происходит в Англии.

Когда 19 июня прошлого года считалось, что тиф, или чума крупного рогатого скота, как они продолжают его называть, вторгся в Англию, правительство, проинформированное профессионалами о серьезной опасности, которой подвергнутся интересы страны в случае распространения болезни, могло бы рассматривать эту чуму не как вопрос частных интересов, а как вопрос общественной и национальной озабоченности. Оно могло бы с самого начала придать этой эпизоотии все значение общественного бедствия, рассматривать ее как вторжение врага, угрожающего уничтожить его территорию, и использовать все возможные средства, чтобы подавить ее при ее зарождении.

Мы хорошо знаем, что английское правительство, основанное скорее на политических, чем на религиозных и социальных изменениях, является одновременно монархическим, аристократическим и частично демократическим, и по этой причине в его работе задействовано так много механизмов. Его власть рассеяна и раздроблена, в то время как уважение, приписываемое прерогативам каждой отдельной публичной власти, является гарантией государства. В отсутствие обеих Палат во время перерыва не могло быть принято никакого решения относительно путей и средств; ибо трудности в этом печальном случае, мы не можем слишком часто повторять это, сводятся к вопросу денег. Лишенный необходимых полномочий, он был не в состоянии сделать ничего, кроме эксгумации старых законов по этому вопросу и установления новых. И все же бессилие правительства, возможно, было не так велико, как это представляется; ибо, хотя оно почти беспрепятственно перенесло опустошение страны тифом, оно очень справедливо и во имя общественных интересов приняло энергичные и действенные меры, чтобы искоренить другую эпидемию — опрометчивый и безумный заговор фениев. Он стоял на месте и не разрешал визиты по месту жительства в конюшни и стойла, а также изъятие больных животных, но он ни на минуту не колебался при посещениях по месту жительства и заключении в тюрьму восставших граждан, замысляющих зло, так что в данном случае привилегия неприкосновенности была предоставлена грубому созданию. Все, как в Англии, так и за ее пределами, восхищаются их энергией и упорством в подавлении восстания в зародыше. Но почему бы не действовать с такой же оперативностью в случае эпизоотии?

Вооружившись таким образом в интересах общества и обладая достаточной властью, правительство могло бы назначить исполнительную комиссию во главе с лорд-мэром в качестве президента. Такая комиссия немедленно приступила бы к рассмотрению и скрупулезному изучению вопроса во всех его аспектах и предложила бы быстрые и энергичные меры, которые правительство с такой же поспешностью подтвердило бы, придав им силу закона, как оно с опозданием сделало с тех пор. Фонд, который для богатства Англии был бы

значительным, 250 000 *фунтов стерлингов* — стоимость нескольких ружей Армстронга, — мог бы быть предоставлен в распоряжение этого Совета, чтобы позволить его директорам без промедления удовлетворять все справедливые требования и нужды, возникающие в связи с бедствием.

Вспомогательная комиссия, исключительно медицинская, состоящая из врачей и ветеринаров, могла бы быть сформирована совместно с первой, и все профилактические меры, которые они сочли необходимыми для устранения жалобы во время вспышки, после того, как они были предложены медицинской комиссией и представлены исполнительной комиссии, а они - министру внутренних дел, могли бы быть приняты в соответствии с законом в течение двадцати четырех часов.

Застигнутые врасплох и не знающие сначала способа лечения больных животных, они были бы доведены до жестокой необходимости немедленного уничтожения всего зараженного скота, а также тех, кто принадлежит к зараженным стадам, но не без компенсации владельцам этого скота.^[S]

Они отправили бы двух врачей в Россию и Венгрию для наблюдения и изучения профилактических и лечебных препаратов, особенно способа их прививки, и благодаря быстрому передвижению в те времена двадцати дней было бы достаточно для этого иностранного исследования. Врачам, входящим в состав медицинской комиссии, следовало бы разрешить изымать любое животное, зараженное тифом; роте следовало бы поручить собирать и содержать наготове для государственной службы в четырех кварталах Лондона многочисленную свиту лошадей, закрытые экипажи и рабочих, чтобы в любое время дня и ночи доставлять туши убитых животных в соответствующие места, где для их приема были вырыты длинные и глубокие траншеи. Каждая туша перед захоронением должна быть хорошо посыпана хлористой известью.

Следуя этим курсом, интересы каждого были бы соблюдены настолько, насколько это возможно, когда стране угрожает большое бедствие; кроме того, поступая таким образом, нынешние министры всего лишь последовали бы примеру правительства (в отношении компенсации) во время эпизоотии восемнадцатого века. Владельцы, которые таким образом получили бы не полную и абсолютную цену, но сумму, достаточно выгодную для их принесенного в жертву скота, помогли бы властям и тем самым послужили бы общим интересам, потому что их больной скот, ежечасно погибающий в их стойлах и сараях, больше не был реальным источником смущения и разорения. Им не пришлось бы везти их на рынок, чтобы получить от них все, что можно, и освободиться от бремени. Таким образом, была бы предотвращена наиболее активная причина заражения.

После того как была сделана такая поправка на самые насущные опасности, внимание следовало бы затем направить на вопрос не менее важный — мы имеем в виду лечение этой болезни; ибо мы никогда не допустим, что Англия могла откатиться назад на столетие, и что в то время как эти просвещенные люди — Малькольм Флемминг и Лейярд — предлагали и пытались вылечить и предотвратить бычий тиф в 1757 году, мы в 1865 году были вынуждены прибегнуть к ужасной альтернативе, отвратительному варварству, всеобщему и неизбирательному истреблению зараженного скота.

В то время как, следовательно, лечение тифа изучалось бы на месте и были бы приняты самые срочные меры для противодействия распространению этого зла, они бы основали в нескольких милях от Лондона и на северной стороне, в направлении большого рынка крупного рогатого скота, несколько больниц или санаториев и, насколько это возможно, в парке. Эти больницы, построенные из дерева, содержащие, помимо конюшен и сараев, бойню, жилые помещения для обслуживающего персонала, лабораторию, оснащенную всеми необходимыми физическими и химическими приборами, и т.д., были бы за две-три недели достаточно подготовлены для приема определенного количества скота.

При наличии этих преимуществ и возможностей была бы создана постоянная стадия эксплуатации, на которой можно было бы проводить испытания и эксперименты со всеми шансами на плодотворные результаты. В этих санаториях, например, наиболее практичные врачи и ветеринары могли бы начать систематический курс лечения, разделив пациентов-коров на классы в соответствии с периодом их заболевания, возрастом и т.д.; и испробовать какой-нибудь особый способ лечения, какое-нибудь средство, признанное эффективным, попеременно на каждом из этих классов зараженного скота. Эти эксперименты, проведенные при столь благоприятных обстоятельствах, позволили бы факультету создать медицинскую базу, которая, если и не была бы непогрешимой, то была бы относительно эффективной и могла бы спасти большое количество зараженных животных.

Сосредоточив таким образом свое внимание на излечении больных животных, эти экспериментаторы должны были тщательно изучить и практиковать профилактическое лечение путем прививки, используя как советы и рекомендации Лейарда, так и практические знания, приобретенные медицинской экспедицией в степи, которая к тому времени вернулась бы со своей миссии. Они бы отобрали животных, пораженных настоящим тифом, брюшнотифозной и кишечной формой, в *третьем периоде*, когда со слизистых оболочек выделяются гнойные и критические выделения; они бы собрали вирус из источников инфекции, или из его гнойных подкожных отложений, или из сыворотки крови.

С другой стороны, они могли бы выбрать четырех телок хорошего телосложения и быть здоровыми и подготовить их, согласно совету Лейарда, к прививке с помощью специальной обработки, а также гигиенических и медицинских забот. У некоторых из них прививка была сделана около хвоста, в соответствии с подкожным процессом, ланцетом, заряженным вирусом брюшного тифа; у других критический надрез или поперечный разрез был сделан на головке. Но, по правде говоря, мы не можем придумать ничего лучше Лейарда, чье изобретательное лечение, при всем уважении к одному ветеринару наших дней, заслуживает совсем другого эпитета, чем "забавное".^[7] Лейард говорит:—

"Чтобы не было упущено ничего, что в какой-либо форме могло бы способствовать успеху прививки, должное внимание следует уделять конституции и состоянию животного, в этой практике на крупном рогатом скоте не меньше, чем на людях. Несомненно, молодые, здоровые и сильные чаще претендуют на хорошее потомство, чем старые, болезненные и немощные; каждая из этих различных конституций требует особого лечения, даже в методе подготовки; и каким бы незначительным это ни казалось многим — настоящая необходимость подготовки, — я осмелюсь утверждать, что я видел превосходные результаты, возникающие в результате

рациональной подготовки, и фатальные события из-за отсутствия подготовки. Я также был свидетелем неблагоприятных поворотов событий, просто из-за неразумной подготовки.

"Животным-сангвиникам требуется умеренное кровотечение; у тех, у кого есть лишь небольшая доля крови, ее не должно быть. Сильных необходимо, помимо умеренного кровотечения и очищения, поддерживать на легкой диете, а их тело должно быть открытым. Таким образом, ошпаренные отруби, смешанные с сеном и мякиной, остудят их. Ослабленных животных и тех, кто склонен к шелушению, следует содержать на сухом корме и давать им горох и фасоль для укрепления сил. К ним очень подойдет солодовая каша или кварта теплого эля с небольшим количеством специй.

"Какими бы болезнями ни был поражен скот, если позволит время, их следует устранить в первую очередь.

"Подлежащий прививке скот сначала хорошо моют, насухо натирают, а затем натирают карри, чтобы удалить всю грязь с шерсти и кожи. Затем их следует поместить в просторный сарай или конюшню, где воздух умеренный и к ним не может проникнуть холод. Там их следует готовить в соответствии с уже данными указаниями, кормить хорошим сладким сеном и поливать чистой родниковой водой; и если чумка не близка, их можно выпустить на воздух, рядом с сараем или конюшней, и они могут оставаться там несколько часов в середине дня.

"Когда выясняется, что скот совершенно здоров, свободен от какой-либо инфекции или другого заболевания, бодр и резвый, не капризничает, не чистит и не жует свою жвачку, тогда операцию можно проводить безопасно, и с этого момента он должен находиться в сарае.

"Поскольку наблюдается наибольший поток заразных и гнилостных частиц, отделяемых из крови, везде, где инфекционное вещество вначале производит впечатление, необходимо соблюдать особую осторожность, чтобы не проводить инокуляцию вблизи таких жизненно важных частей, как сердце и легкие, а также вблизи матки, если прививается корова с телятком; ибо, хотя гребни должным образом наносятся в подвздошные складки, чтобы удалить заразную влагу из груди, и в других случаях животных часто гребут по бокам, — все же при этой операции, поскольку вещество вводится через эти каналы". попадание в соседние сосуды, эти жизненно важные органы или матку, может стать основным очагом заболевания, и событие может оказаться фатальным.

"Чтобы предотвратить подобные несчастные случаи, людям были сделаны прививки на руках и ногах, и теперь руки признаны достаточными. Я бы рекомендовал делать прививку крупному рогатому скоту примерно посередине плеч или ягодиц, с обеих сторон, чтобы иметь преимущество от двух дренажей. Кожу нужно разрезать вдоль на два дюйма, достаточно глубоко, чтобы пошла кровь, но не сильно. В этот разрез нужно вложить кусочек пакли, обмакнутый в вещество полностью созревшего фурункула, вскрытого на спине молодого теленка, выздоравливающего от чумы. Возможно, не лишним будет зашить рану, подержать паклю внутри и оставить ее на сорок восемь часов. Затем швы нужно разрезать, паклю вынуть и смазать рану желтой мазью базилика или мазью, приготовленной из скипидара и яичного желтка, нанесенного на кусочки пакли. Эти перевязки следует продолжать в течение всей болезни и до выздоровления животного, чтобы ускорить выделение; а затем рану можно залечить цератом каламинариса или любым другим.

"На третий день после прививки изменение цвета раны, губы которой кажутся серыми и опухшими, будет признаком того, что прививка прошла успешно; но животные, как сообщает нам профессор Свенке, заболели только на шестой день, что в точности соответствует наблюдениям, ежедневно проводимым при прививке детей. Тем не менее, профессор добавляет, что на третий день появилось ощущение уюта, которое было устранено путем введения каждому телятке трех унций английской соли.

"Как только появляются симптомы тяжести и тупости, на животных следует набросить легкое покрывало, а на ночь неплотно застегивать его. Их нужно растирать утром и вечером и натирать карри, пока не начнут подниматься фурункулы; необходимо обильно давать теплую сенную воду и уксусную сыворотку. Если животным требуется больше корма, можно предложить сухое мясо, например сено, небольшим количеством отрубей. Мне следует быть очень осторожной, давая молочную похлебку, даже после того, как все фурункулы и прыщи сойдут, из-за боязни вызвать раздражение. Однако это предостережение уместно: всякий раз, когда подают молочную похлебку, уксусно-сывороточную смесь следует по очевидным причинам не добавлять. В случаях несчастного случая при заболевании прививкой следует соблюдать такое же внимание, как и при естественном способе, и рекомендуемые лекарства те же, которые я бы использовал; но при прививке редко возникает необходимость в каких-либо прививках, настолько благоприятно чума протекает через несколько стадий.

"После того, как кризис миновал, будет уместно провести чистку скота, постепенно проветривать его и соблюдать при обращении с ним те же правила, что изложены в главе о методе лечения".

Вирус брюшного тифа настолько заразен и ядовит, что все привитые первыми животные погибли бы; было бы необходимо последовательно привить несколько животных вирусом, полученным в результате первой прививки, и передать его от привитого животного здоровому, в результате чего они заразились бы вирусом первого, второго, третьего поколения и так далее. Эти прививки всегда делались одновременно четверем животным; у двух из них болезнь была бы предоставлена течению своим чередом, чтобы экспериментаторы могли наблюдать за ее прогрессом и развитием, а двое других предоставили бы вирус для прививки.

В третьем или четвертом поколении вирус, модифицированный и ослабленный по своим инфекционным принципам, уже не был бы смертельным по своим последствиям, как показал опыт России. Тогда привитые животные, помещенные под контроль гигиенических процедур и нескольких слабительных и тонизирующих препаратов, перешли бы из стадии выздоровления в стадию выздоровления. Ослабленный таким образом вирус мог бы обеспечить практическую прививку в больших масштабах всем здоровым животным.

Действуя таким образом, они, более того, последовали бы методу, принятому в те периоды эпидемий и эпизоотий, когда свирепствует оспа. В таких случаях мы подвергаем наших больных пациентов вакцинации или ревакцинации; мы прививаем натуральную оспу нашим овцам, которым угрожает заражение; мы проводим тот же курс в случаях эпизоотии, перипневмонии. И действительно, то, что разумно сделать в одном случае, может быть обобщено и применено к большему числу.

Предложенный нами эксперимент, возможно, был бы долгим и трудным, более того, даже дорогостоящим, но через определенное время мы должны были разработать рациональный

метод этого профилактического лечения и распространить его по всей стране. Ветеринары создали бы в определенных районах свой операционный центр, в котором мог бы быть произведен профилактический вирус, и они могли бы переходить от фермы к ферме, чтобы вакцинировать весь находящийся в них скот.

Из этих фактов и наблюдений, сделанных врачами, были бы извлечены ценные документы; и если бы, вопреки всем ожиданиям, успех не оправдал всех надежд, мы бы завещали будущим поколениям факты и опыт, которые были бы для них наиболее полезными и полными поучений. Таким образом, наука продвигается вперед, и прогресс совершается.

Если бы все, что мы только что указали как осуществимое, было сделано, Англия, по сути, подала бы в этом, как она часто делала в других случаях, благородный пример для подражания и приобрела бы новый титул, вызывающий восхищение других наций.

Но, к сожалению, этого не произошло: красноречие в Ратуше сменилось молчанием, а собрания в Особняке сошли на нет. То, что состоялось 27 сентября, скорее всего, станет последним из них.^[U]

Подписки, которые, несмотря на все похвальные усилия и серьезность лорда-мэра, не достигли *2000 фунтов стерлингов*, были возвращены подписчикам, так что все попытки централизовать руководство различными мерами оказались безуспешными. План создания санаториев, а также план выплаты компенсаций владельцам крупного рогатого скота потерпели крах.

Что мы можем думать о таком положении вещей, когда видим, как бычий тиф распространяет свои опустошительные действия на овец, и должны опасаться, что болезнь распространится на другие виды животных? Какие серьезные размышления это вызывает в наших умах, и какие ужасные последствия мы могли бы из этого вывести! Но какая от них была бы польза?

Добавим, однако, что Франция, за исключением признанного принципа возмещения убытков и более быстрого уничтожения своего зараженного скота, продемонстрировала тот же недостаток средств лечения, что и Англия; в то же время мы утешаемся тем, что приписываем это бессилие этой страны тому факту, что вспышка эпизоотии произошла во время парламентских каникул.

Следовательно, именно институтам, а не отдельным людям мы должны приписывать невозможность преодолеть трудности, с которыми столкнулись и которые в любое другое время, возможно, не помешали бы ходу вещей. Поэтому мы далеки от того, чтобы обвинять в безразличии великих людей, известных своим ревностным продвижением общественных интересов, своим милосердием и неистощимой филантропией, чьи бесчисленные приюты были открыты для любого несчастья, которые поддерживают так много больниц и общественных благотворительных организаций своими добровольными пожертвованиями и которые в стольких бедствиях видели, как какая-нибудь преданная героиня выходила из своего уединения, чтобы утешить их. Ибо, если Крымская война породила свою благодетельницу в лице Флоренс Найтингейл, все мы должны признать, что, если бы другие последовали примеру мисс Бердетт Куттс, которая в некотором смысле в одиночку выстояла против бури благодаря предоставленным ею средствам лечения и экспериментов на пораженном тифом скоте, грозное бедствие могло бы быть остановлено в самом центре.

III.

Лечебное средство.

Мы могли бы приобрести средства противодействия общим причинам, вызывающим сыпной тиф; мы могли бы остановить его распространение, мы могли бы даже предотвратить его, сделав прививку здоровым животным, и все же, тем не менее, было бы необходимо искать средства его излечения; ибо, как и в случае с оспой, профилактическое лечение которой нам известно, в болезнью возникли бы определенные обстоятельства, которые вынудили бы нас лечить ее. И поскольку мы далеки от того, чтобы противостоять порождению и распространению этого бедствия, жертвами которого становится почти столько же, сколько и страдальцев, важно сообщить, какое лечение мы можем противопоставить функциональным нарушениям, к которым оно приводит.

Как мы уже говорили, этот сыпной тиф, когда организм впитывает свои гнилые и инфекционные миазмы, вызывает последовательность расстройств, которые становятся в некотором роде временными функциями; он проходит свои фазы, свои периоды; и поскольку функциональные нарушения в эти несколько эпох отличаются от развития болезненных явлений, курс медицины, который используется для их купирования, не всегда может быть одинаковым. Исходя, следовательно, из практических данных, мы рассмотрим болезнь в ее постепенном развитии, то есть в ее отдельные периоды, а затем объясним некоторые преобладающие симптомы, которые в силу своей важности также должны привлекать внимание внимательного терапевта.

Следует помнить, что мы выделили четыре периода в обычном течении тифа:

- 1-й - период инкубации;
- 2-й - период инициации;
- 3-й - период продолжительности;
- 4-й - период упадка.

Но, во-первых, перед началом лечения каждый фермер, или скотовод, или скотовладелец, который держит определенное количество крупного рогатого скота, должен разделить свое стадо на несколько категорий, чтобы упорядочить и систематизировать уход за больными.

Таким образом, он сформирует первый класс, включающий животных в здоровом состоянии, не имевших сношений, ни прямых, ни косвенных, с зараженным скотом, и которых он будет немедленно тщательно изолировать и держать отдельно.

Второй класс должен быть сформирован из тех животных, которые, хотя еще и не поражены чумой, тем не менее, были более или менее непосредственно подвержены ее заражению в результате проживания с ними и общения с ними, или в результате их контакта с другими животными, либо на ярмарках или рынках, либо в кораблях и вагонах для перевозки скота по железной дороге во время их транспортировки из одного места в другое. Крупный рогатый скот, относящийся к этому последнему классу, должен находиться под тщательным наблюдением и подвергаться профилактической обработке с момента появления первых признаков работы инкубатора.

Должен быть сформирован третий класс, состоящий из крупного рогатого скота, действительно пораженного чумой.

Расселение и разделение этих групп животных таким образом уменьшит трудозатраты и стоимость лечения, а также вероятность распространения заболевания, особенно когда эпизоотия начинает терять свою вирулентность.

Первый период — инкубационный.

Мы говорили, что инфекционные заболевания, когда организм однажды подвергнулся воздействию ядовитых миазмов, продолжали свое фатальное течение, и что, вообще говоря, после такой инфекции было невозможно остановить ее развитие. Мы говорим в целом, поскольку сыпной тиф в начале своего появления на девственной почве иногда проявляет себя благоприятным образом, затем он становится более разрушительным, постепенно его пагубные свойства снижаются, и он в некотором роде выходит из себя. Можно было бы сказать, что эпизоотия, как и те, кого она поражает, также имеет свои особенности, свой период зарождения, продолжительности и упадка. Как следствие, существуют определенные времена или эпохи, в течение которых больные предоставляют больше возможностей для наших средств воздействия; в данный момент ослабленный вирус, утратив большую часть своего смертельного действия, перестает вызывать смерть, и это снижение является реальным источником поразительных успехов, достигнутых определенными средствами против эпизоотии.

Если верно, что болезнь в период ее продолжительности и в самый критический момент невозможно обуздать, то у нас не должно быть оснований утверждать то же самое в отношении периода инкубации. Более того, мы сами убеждены, что если когда-нибудь эта болезнь и застрянет в колесе, *если когда-нибудь будет открыто специфическое средство от нее, то это произойдет в период инкубации*, когда экономика начнет бороться с первыми проявлениями отравления. Как бы то ни было, мы не можем в эпизоотический период слишком серьезно предписывать владельцам крупного рогатого скота подвергать своих животных строгому и тщательному осмотру, чтобы при появлении первых признаков инкубации они могли изменить обычный рацион животного и атаковать болезнь при ее зарождении, чтобы сделать ее абортивной, если это возможно.

В этот период мы должны попытаться прийти на помощь Природе, мы должны встряхнуть экономику, мы должны избавиться от болезненных функций, которые стремятся овладеть нами, и тогда жизненная сила, которую таким образом призывают и стимулируют, может иногда бороться с преимуществом. Чтобы сделать это эффективно, если животное атонично и предрасположено к адинамии, если его внутренние органы расслаблены, мы будем укреплять его, ежедневно давая стимулирующий напиток. Если он прикован к стойлу, мы дадим ему доступ к открытому воздуху и позволим ему пастись в полях; что само по себе является лечением для больного животного, настолько живителен чистый воздух простонародья и так сильно отличается от атмосферы, которая царит в его стойле. Если животное сильное, похотливое, пышущее здоровьем, дайте ему продышаться один или два раза, причем слабительное следует давать с интервалом в двадцать четыре часа. (Мы приведем медицинскую формулу в главе, адресованной фермерам, скотоводам и т. Д.)

Более того, это очищение будет соответствовать теории тех авторов, которые рассматривают эвакуацию как надлежащее средство избавления экономики от впитавшихся инфекционных миазмов.

Если животное полнокровное, иногда следует прибегать к кровотечению, особенно в жаркие и сухие сезоны, подобные тому, через который мы недавно прошли.

Эти стимулирующие и истощающие препараты не могут не быть благоприятными для животного, поскольку они предвосхищают лечение, которому оно должно быть подвергнуто несколько дней спустя, когда болезнь заявит о себе.

К этому лечению в качестве какой-либо профилактики должен быть приложен *противомиазматический* напиток, либо *перманганат калия*, либо раствор *хлората калия*, либо *мышьяковистой кислоты* в порошке, смешанный с каким-либо ароматизированным напитком, либо раствор *мышьяковистой соды*. Прием этих противотифозных напитков необходимо прекратить в те дни, когда проводится чистка больного скота.

Вряд ли нужно говорить, что в течение этого периода инкубации необходимо строго следить за кормлением крупного рогатого скота и что животное должно получать необычный гигиенический уход.

Второй период, или период Посвящения.

В этот период прежде всего необходимо тщательно изучить конституцию и темперамент больного скота, чтобы полностью установить, какие из них являются *лимфатическими*, какие *нервными*, а какие *сангвиническими*. Мы должны учитывать возраст, пол, состояние беременности и принимать во внимание любые предшествующие жалобы, которым мог быть подвержен любой из заболевших коров. Ибо если бы, подобно некоторым системщикам, мы свели лечение всего зараженного скота к одной и той же математической формуле лечения, то есть либо к кровотечению, либо исключительно к очищению, мы, безусловно, увеличили бы число жертв.

На этой стадии заболевания нам приходится бороться с нарушениями кровообращения и секреции. Лихорадка обычно интенсивная, кровь воспалена или испорчена, слизистые оболочки пересыхают; возникают озноб, чередование холода и жара и т. Д. Затем мы должны смягчить эти болезненные явления либо путем кровотечения, либо промывания. Кровотечение должно быть более или менее обильным, в зависимости от силы животного. Ибо не следует забывать, что нам предстоит пройти несколько критических фаз, и если мы истощим животное, слишком сильно обескровив его, мы можем лишиться успеха лечения. Если кровотечение считается ненужным, немедленно очистите пострадавшего, введя *либосульфат магнезии* (*английская соль*), либо *сульфат соды* (*Глауберова соль*). Эти очищающие средства следует принимать ежедневно, в течение двух или трех дней, в зависимости от того, как они действуют. Вместо них можно давать льняное масло, подмешанное в какой-нибудь теплый напиток, или смесь ревеня и каломели, или даже отвар сенны. Предпочтение следует отдавать солевым

растворами слабительным, поскольку сильнодействующие слабительные, такие как алоэ или халапеньо, иногда концентрируют воспаление в узких отделах пищеварительных каналов.

На этой второй стадии — периоде инициации — аппетит обычно пропадает, жажда становится чрезмерной; так что, конечно, необходимо отказаться от полноценного питания.

Что касается напитков, то они должны быть холодными, состоящими из воды с добавлением достаточного количества муки для отбеливания и небольшого количества уксуса или серной кислоты для подкисления. Отвар хорошего сена с добавлением небольшого количества морской соли или нитрата калия; отвар пеллитного или настенного сусла, молотого плюща, или молочной сыворотки, или пахты, также подкисленные и к которым очень пристрастен крупный рогатый скот, во всех отношениях подойдут для их употребления. Если жар кожи уменьшается, и если кажется, что в легких оседают застойные явления, напитки следует давать теплыми, состоящими из отвара листьев огуречника, мальвы, алтея и пелит. В этих случаях тело необходимо защитить от озноба, накрыв его одеялами, чтобы как можно больше крови оставалось на поверхности и сдерживать тенденцию к нагрузке на внутренние органы.

Следуя этим предписаниям, мы выполним все условия лечения во время второго периода. По правде говоря, в процессе кровотока мы уменьшим жар лихорадки и предотвратим слишком большой приток крови к нервному, легочному или пищеварительному центрам. Промывания окажут аналогичное действие; и, более того, они очистят *первичные сосуды* и облегчат кровообращение в брюшной полости. В конце концов, напитки помогут унять буйство лихорадки. Мытье, которое должно быть произведено влажной губкой, проведенной по носу, рту и глазам, а затем по коже, которую затем необходимо вытереть насухо, будет как полезным, так и приятным для больного животного. Это очищение поддержит важные функции кожи в должном порядке.

Некоторые люди считают наиболее эффективной в этот период гидротерапию, или лечение водой, в форме теплых и холодных омовений, паровых ванн и т. Д. Это лечение, столь бодрящее своим отталкивающим действием и мощное влияние которого мы наблюдали в течение нескольких лет в учреждении, которым мы руководили в Бель-Вю, недалеко от Парижа, могло бы оказаться полезным при бычьем тифе, особенно в виде паровой ванны; но оно требует такой большой практики и такого постоянного и бдительного ухода, что необходимо, чтобы за процессом наблюдал опытный врач.

Мы должны отметить, кроме того, что общее состояние животного и его тяга к пище покажут степень строгости и сдержанности, которые необходимо соблюдать при регулировании его рациона. Мы должны руководствоваться его инстинктом; и если ему нравятся напитки, которые становятся питательными благодаря добавлению отрубей, овсянки, ячменной муки или даже растертых семян травы, мы должны в некоторой степени потакать его желаниям, чтобы поддержать его силы.

Третий период, или Период продолжительности.

На этой стадии болезни мы должны наблюдать за сопутствующими ей симптомами и шаг за шагом следовать им, чтобы прийти к их облегчению.

Все выделения возобновили свое течение; со слизистых оболочек появляются обильные выделения, сначала серозные, затем густые и слизисто-гнойные; дыхание может быть затруднено, понос частый; воздух проникает под кожный покров. Лихорадка иногда непрерывная, иногда перемежающаяся. Мы должны утолить жажду жизненных сил, употребляя те же напитки, что и в предыдущий период. Мы далеки от того, чтобы контролировать диарею, как советуют некоторые, мы должны регулировать эвакуацию с помощью слабительных средств, таких как тартрат калия, сульфат магнезии или сульфат соды. Действительно, очень важно, чтобы слизистые оболочки пищеварительных каналов были свободными и не раздражались при контакте с твердыми пищевыми веществами или желчными выделениями.

Если диарея слишком частая или вызывает раздражение, мы должны делать больному на ночь и утром клизму, состоящую из воды с отрубями.

В этот период мы будем следовать советам, которые снова и снова давали все врачи прошлого столетия, и применять прижигающие средства раскаленным железом или фиксировать один или два сетона либо на подвздошной области, либо на шее, либо на бедрах, и эти проблемы должны оставаться открытыми с помощью мази базиликон. Несомненно, чрезвычайно важно стимулировать все отделяемые выделения у животных, клеточная ткань которых забита жиром и лимфой. Поправились только те, у кого бег был регулярным и обильным, а истощение плоти прогрессировало.

Если лихорадка не является регулярной, необходимо дать две таблетки сульфата хинина, каждая из которых содержит один грамм, одну таблетку утром, другую в течение дня, чтобы предотвратить приступ, который обычно возникает вечером. Если в этот период наступает состояние атонии, адинамии, необходимо дать *ацетат аммиака* в количестве от одной до шести унций на пинту воды, то же самое следует принимать в два приема; следует прекратить только кислые или щелочные напитки, иначе ацетат аммиака будет разлагаться при попадании в пищеварительные каналы. Наконец, глаза, ноздри и рот необходимо часто промывать настоем ромашки или какого-либо другого ароматического растения.

За сетонами нужно следить очень тщательно. Если больному животному нравятся питательные напитки, дайте ему отвар из хлеба, риса, ячменя или овса.

Четвертый период, или период упадка.

На этой стадии заболевания, при которой преобладает адинамия, все должно быть направлено на поддержку организма. Напитки должны быть горькими и возбуждающими; можно давать пиво с большим количеством хмеля с добавлением измельченной перуанской коры или сульфата железа; или отвар этой коры с корнями горечавки, листьями золототысячника и хмелем; или, опять же, на ночь и утром можно пить напиток, приготовленный из териакума ветеринарного, экстракта можжевельника и спирта; или, наконец, настоем ароматических растений.

Если понос кровавый и зловонный, делайте животному вечером и утром клизмы, состоящие из отвара коры иезуита, добавляя к нему ложку толченого древесного угля, растертого в мельчайший порошок и тщательно пропущенного через сито. Если кровотечение

прекращается, необходимо вызвать его возобновление, впрыснув в ноздри ложку грудинного уксуса или нюхательной соли. Наконец, необходимо вскрыть гнойные фурункулы и смазать их стимулирующей мазью.

В этот завершающий период, который, как мы говорим, определяет судьбу болезни, наблюдается тенденция отчаиваться в излечении. Видя фатальный исход большинства атак, мы падаем духом, смерть кажется неизбежной, и мы отдаем ее добычу его клыкам. Но не будем отчаиваться; давайте помнить, что при этих лихорадочных инфекционных заболеваниях, прежде всего, явления почти всегда должны доходить до последней стадии истощения жизненных сил, чтобы сделать возможным излечение. Некоторые пациенты, пораженные брюшным тифом или холерой, обязаны своей жизнью неустойчивому упорству в борьбе *in extremis* между жизнью и смертью.

Я все еще вижу перед собой больного холерой, которого во время эпидемии 1849 года я оставил утром в десять часов, перейдя в холодный период. В пять часов я вернулся навестить его; вся семья была в слезах, а на голову пациента была брошена простыня, как будто он уже испустил свой последний вздох. В то осеннее время года время было для меня дорого, и я уже собирался уходить на покой, когда приложил палец к запястью страдальца и почувствовал слабую пульсацию с большими интервалами. Я сразу же сбросил пальто, попросил принести фланель и эфирное масло с горчицей, которые прописал еще утром. Я подал пример, и тут же вся семья помогла мне растирать пациента во всех направлениях. Через четверть часа сердце забилось быстрее и ожило, а еще менее чем через полчаса кровообращение восстановилось; к концу часа этой упорной борьбы начал проявляться жизненный жар — одним словом, пациент был спасен.

Поэтому мы не должны прекращать соревнование до тех пор, пока смерть пострадавшего не будет полностью установлена; и такую же настойчивость следует проявлять в отношении животных, пораженных тифом. Если кровообращение ослабевает, если кожа становится холодной, возьмите кусочек шерсти, намажьте его смягчающей мазью и разотрите ею животное, особенно вдоль позвоночника. Затем дайте ему сердечный напиток и помажьте чресла *изюмом*. Все эти приспособления помогут стимулировать нервную систему и возродить истощенные жизненные силы.

Если, наконец, нам повезет настолько, что мы преодолеем глубокую адинамию, которая полностью истощила организм, нам придется поддерживать больного животного, давая ему мясные отвары с добавлением морской соли или сульфата железа, или легкий бульон, приготовленный из мяса и хлеба.

Травоядные животные, переведенные на плотоядную диету, обычно, конечно, не перенесли бы этого; но некоторые из них скорее склонны к елейным напиткам и даже к вареному или сырому мясу. Всем известно, что некоторые тренеры дают скаковым лошадям небольшую порцию мяса, особенно перед скачками, чтобы повысить их характер и силу.

Мы помним овцу, которую видели в Школе Альфор во время наших исследований сравнительной патологии и кожных заболеваний домашних животных, которая проявляла большую любовь к мясу и даже ела его с жадностью обжоры.

В период выздоровления животное должно быть выведено на открытый воздух, в какое-нибудь загон, огороженное решетками; его нужно каждый день выводить на пастбище, с каждым днем

увеличивая время, которое ему разрешается кормить, и постепенно он сможет вернуться к своему обычному режиму. Но все же следует отметить, что при этой чумке выздоровление происходит долго, медленно и очень обманчиво. Слишком обильное кормление часто вызывает воспаление кишечника, вызывая раздражающие, еще не зажившие язвы, и не одно животное, которое считалось вылеченным, погибло во время выздоровления из-за недостатка бдительного внимания.

Следовательно, травоядные животные склонны к животной пище и переваривают ее; следовательно, мы должны давать больным быкам мясные бульоны, чистое молоко или молоко с водой. С ними нужно смешать мелко нарезанную пшеничную солому, так как сено или даже овсяная солома разбухнут и раздуют желудки.

Сыпной тиф в этой эпизоотии не является регулярным по своему ходу и развитию. Часто преобладают нервные или легочные явления, когда лечение, подобное тому, которое мы только что объяснили, должно быть модифицировано. Мы также должны иметь в виду, что природа не делит болезнь на периоды, подобные тем, которые мы приняли, чтобы сделать наше изложение симптомов более понятным, а само лечение - более методичным.

Если преобладает нервная форма заболевания - если у животного чередуются вялость и беспокойство - если давление на позвоночник очень болезненно - прежде всего, если, например, у быков наблюдается полнокровие, следует усилить кровотечения и очищения, чтобы уменьшить нервный эретизм. В такой форме жестокость нападения обычно уносит зверя прочь. Однако, если и будет какой-то шанс спасти его, то только с помощью этого лекарства, которое одновременно вызывает отвращение и истощение, несмотря на хорошо известный факт, что кровотечения не только не успокаивают нервную систему, но иногда усиливают ее раздражительность.

Вотчаянных случаях можно попробовать общее омовение холодной водой. Затем животное должно быть немедленно хорошо растерто и покрыто шерстью, чтобы вызвать всестороннюю реакцию.

При легочной форме сыпного тифа, но только в острой стадии, напитки должны быть теплыми и смягчающими, состоящими из отвара успокаивающих веществ с мальвой и т. Д.; Или из льняного семени, к которому следует добавить немного оксимеля сквилла и опиума.

Слабительные средства не должны быть стимулирующими; и рвотные средства, например, в хорошо разведенном виде, будут очень полезны.

В третьем и четвертом периоде этой легочной формы заболевания применяйте лечение, назначенное при кишечном сыпном тифе.

Мы могли бы значительно расширить список фармацевтических средств, но чем богаче лечение лекарственными средствами, тем беднее оно в лекарствах. Мы выбрали самое простое и безопасное из всех средств, рекомендованных опытными специалистами, принимая во внимание трудности, связанные с количеством животных, способом применения, стоимостью и т.д., Всегда принимая во внимание жизнь животного, которое необходимо спасти, и интересы владельцев крупного рогатого скота.

Мы считаем, что лечение с помощью прививки могло бы предотвратить сыпной тиф в очень значительной степени и что лечебные препараты могли бы спасти многих инфицированных коров в наихудший период эпизоотии.

Итак, таковы результаты, которые однажды будут получены, когда мы сможем отказаться от варварского процесса всеобщего истребления, приняв рациональное лечение, основанное одновременно на науке и практическом опыте.

IV.

Гигиенические меры, которые необходимо принять против распространения инфекции — Акты и распоряжения, касающиеся санитарных правил полиции.

При обсуждении различных планов лечения я намеренно пренебрег определенными мерами, которые необходимо принять с целью противодействия распространению инфекции. Меморандум, опубликованный по этому вопросу Тайным советом и составленный доктором Тудичаком, настолько полон и ясен, что мы не можем найти ничего лучшего, чтобы сказать. Я рекомендую его прочтение всем, у кого есть рогатый скот и у кого есть возможность отправить его на любое расстояние. Крайне важно следовать этому разумному совету, поскольку общие интересы будут здесь представлять собой защиту финансовых интересов каждого в частности. Я добавляю к этому меморандуму о гигиенических мерах сводные и измененные акты и приказы, опубликованные под заголовком "Санитарная полиция". Таким образом, заинтересованные лица будут иметь перед глазами все, что им важно знать, как с медицинской, так и с юридической точки зрения.

Меморандум о принципах и практике дезинфекции, применимых к нынешней эпидемии заболеваний крупного рогатого скота. Автор: Дж. Л. В. Тудичум, доктор медицины

I. Принципы дезинфекции.

I. Принципы дезинфекции.

1. Определение дезинфекции.

1. Термин дезинфекция означает удаление и деструкцию, или уничтожение и последующее удаление продуктов деструкции, всех веществ, фактически являющихся или содержащих продукты заболевания, способные вызывать заболевание у других животных.

2. Может включать специальную очистку и дезодорацию.

2. Если те же процессы и средства, которые используются для этой цели, применяются для очистки и дезодорации мест и вещей, которые на самом деле не инфицированы, но могут или

подозреваются в заражении, то эти профилактические меры практически и надлежащим образом подпадают под определение дезинфекции.

3. Репродукторы и первичные носители инфекции.

Инфицированные части мертвых животных.

3. Переносчиками инфекционного вещества или заразы являются все виды крупного рогатого скота из племени быков, которые также в настоящее время являются в этой стране единственными животными, подверженными его специфическому воздействию. Вполне вероятно, что инфекция с особой настойчивостью прикрепляется ко всем выделениям больных животных. По этой причине фекалии или помет, моча, пережеванная пища, все выделения из рта, носа и глаз, а также любые воспаленные участки поверхности больных животных должны рассматриваться как основные переносчики инфекционного вещества или чумного яда. Также вероятно, что многие части тела животных, погибших от чумы крупного рогатого скота или умерщвленных на поздних стадиях болезни, являются заразными, некоторые из них потому, что они изначально заражены, другие потому, что они контактировали с ней после смерти животного. Поэтому со шкурами, перепонками, шерстью, рогами, и копытами всегда следует обращаться с осторожностью. Вероятность заражения через мясо, жир, очищенные кишки и кровь, возможно, более мала, но ее нельзя упускать из виду.

4. Особую опасность представляют экскременты.

4. Чума крупного рогатого скота, хотя и поражает каждую часть тела животного, наиболее широко проявляет свои видимые эффекты в кишечном канале. Считается, и, по-видимому, на веских основаниях, что кишечные выделения являются основными возбудителями, от распространения которых в основном зависит распространение заболевания.

5. Перечисление зараженных вещей и мест.

5. Из вышеизложенного следует, что все предметы, находившиеся в контакте с больным животным, или любые его выделения, в особенности фекалии, способны переносить инфекцию в течение неопределенного времени и должны рассматриваться как действительно заразные для других здоровых животных. Такие стеллажи из дерева или утюг; по запросу предоставляются колыбели или кормушки из дерева, железа или камня; изделия, используемые для крепления животных; кожаные ошейники и ремни, цепи и веревки; всех проводов любых животных, используемых для рисования, и все телеги, телеги и экипажи, которые они на самом деле были рисования, торговых палаток или навесов, при помощи которых животные были стоя; всей длины желобов и водостоков, через которые моча течет; по всей поверхности, над которой их навоз был составлен, и все орудия удаления осуществленавсю навозной куче, на которой зараженный навоз был поставлен, и жидкое содержимое навозную яму или специальный сосуд для мочи; дворов и сараев, в которых крупный рогатый скот продолжал наступать вниз длинную соломинку, и весь такой из соломы и навоза, а также земля под ними; тропы и дороги, на которых больной скот, ходил или исполнено; поля и луга, на которых они пасли; все телеги, экипажи, грузовые автомобили и железнодорожные вагоны, в которых больные скот были переданы, и все платформы, перила, мосты, и доски, на которой они были перемещены к ним; также, как и все приборы, которые использовались, чтобы ручка, галстук, лифт, улов, ниже, и исправить их; одежду, а особенно обувь и сапоги, и железо-заостренные палки водителей и их собак; одежда всех быдло-стада

или бабок, особенно их ботинки и сапоги; ботинки и сапоги всех лиц, посещающих места, где больной скот или стоя; и, в общем, одежда всем лицам посещения зараженных мест, корабли, и все части платформы, ступени, лестницы и мосты, лебедки и грузоподъемных кранов, используемые для посадки и высадки животные, рынки, и все сараи и загоны, и орудий, используемых в контакте с крупным рогатым скотом; боев, и все лица и реализует в них, которые были использованы при больной скот, а также мелких деталей или органов, которые поступают от больных животных, убитых в бойнях; живодеры' дворов, грузовиков и телег, лошадей, людей, и предметы, которые были использованы в распоряжении больных или мертвых животных; колодцы и пруды, из которых больной скот пил, или в которых любая часть своих экскрементов, имеет возможность пропускать, напрямую или косвенно; во всех кормов, травы, сена, соломы, клевера и т. д. и, в частности, остатки корма, на котором больной скот кормили; и, вообще, всех людей, животных, мест, зданий и движимые вещи, которые были в контакте с вопросом, исходя из больной скот, или с такой больной скот сами. К вышеупомянутым местам и предметам, возможно, придется применять любой из процессов и агентов, перечисленных и описанных ниже.

II. Практика дезинфекции.

II.—Практика дезинфекции.

A. Дезинфекция земель.

1. Захоронение животных и т.д.

A. Дезинфекция Землей. 1. Захоронение.—Все предметы, которые можно зарыть так, чтобы они оставались покрытыми толстым слоем земли, безвредны. Земля, выбранная для такого погребения, должна быть сухой. Самый быстрый, дешевый и надежный способ дезинфекции животного, умершего от чумы, - это закопать его целиком.

2. Захоронение навоза.

2. Помет, а также всю солому и другие загрязненные им вещества также можно закопать в землю, где их вряд ли потревожат в течение длительного времени. Места, с которых был удален такой помет, подлежат очистке и дезинфекции, как будет описано ниже.

3. Зараженные кучи навоза и компоста.

3. Навозные кучи и вытоптаный навоз на скотных дворах, если они были заражены даже небольшим количеством помета больного животного, следует осторожно перенести на подходящий участок земли и там превратить в компостные кучи. Слой навоза толщиной в один или два фута должен быть полностью покрыт шестью дюймами сухой земли, золы и минерального мусора; поверх этого можно положить еще один слой навоза, а затем снова слой земли и так далее, пока весь навоз не будет уложен; все это должно быть покрыто сплошным слоем земли толщиной от шести дюймов до одного фута. Если навозную кучу или дворовый навоз невозможно сдвинуть с места, ее можно засыпать на месте слоем сухой земли, после чего всех животных следует держать подальше от нее.

4. Удаление фурункула, инфицированного вымачиванием.

4. Если пол любого сарая или стойла, в котором находился больной скот, не сделан из специального водонепроницаемого материала, следует предположить, что он заражен на глубину не менее шести дюймов. Поэтому этот грунт следует удалить вместе со всеми камнями, тротуарами или деревянными изделиями, которые могли соприкасаться с ним, перевезти на участок сухой земли и закопать. Полусгнившая древесина является особенно благоприятным переносчиком инфекции. Строительный раствор, кирпичи, суглинок или любую другую облицовку стенок загона, в котором находилось больное животное, следует выломать и закопать.

В. Дезинфекция огнем.

1. Горящий.

Б. Дезинфекция огнем. 1. Горящий.—Все зараженные изделия небольшой ценности или изготовленные из негорючих материалов можно продезинфицировать, подвергнув их воздействию тепла, которое приведет к обугливанию органических веществ. К этому классу предметов можно отнести стойки из дерева или железа; колыбели или ясли из дерева, железа или камня; кожаные ошейники и ремни, веревки и цепи; сухой навоз, остатки корма, которым питался больной скот; и все подобные мелкие предметы небольшой ценности, которые можно легко заменить новыми. Цепи могут подвергаться воздействию тусклого красного жара; все остальные изделия можно нагревать над огнем из угля, хвороста или соломы до тех пор, пока они хорошо не прогорят. Все новые железные изделия следует покупать оцинкованными, чтобы предотвратить образование ржавчины, скопления которой образуют удобные места для заражения, и с той же целью желательно, чтобы железные изделия, которые были продезинфицированы нагревом, как указано выше, впоследствии были либо оцинкованы, либо, по крайней мере, в горячем виде обработаны смолой, чтобы покрыть их долговечным лаком, либо были покрыты лаком или окрашены.

С. Дезинфекция хлористой известью. Общие замечания.

С. дезинфекция хлоридом извести.—Хлорид извести, или отбеливающий порошок, является самым мощным, дешевым и наиболее простым в обращении из всех искусственных дезинфицирующих средств. Его можно получить везде и в любое время, и в количествах, достаточных для любой цели. Его следует, насколько это возможно, наносить в растворе, крепость которого несколько варьируется в зависимости от конкретной цели, для которой он будет использоваться; и после того, как ему будет позволено воздействовать на поверхность или вещество, подлежащее дезинфекции, в течение разумного времени, его следует смыть вместе со всеми продуктами разложения. Поскольку хлористая известь уничтожает не только инфекционные вещества в смеси, но и все органические вещества без различия, она неприменима к большим количествам веществ, таким как навоз крупного рогатого скота, навозные кучи и т.д., поскольку для их эффективного уничтожения и дезинфекции потребовалось бы вдвое или втрое больше хлористой извести по весу. Кроме того, он неприменим ко всем веществам, богатым аммиаком, особенно к гнилой моче, поскольку разрушает аммиак и выделяет большое количество газов, некоторые из которых имеют отвратительный запах и, возможно, не совсем безвредны. Но для дезинфекции поверхностей

вещей и мест в настоящее время науке не известно лучшего или более подходящего средства, чем хлористая известь.

D. Особые указания по дезинфекции конюшен, сараев и т.п., грузовых автомобилей, судов и т.п.

1. Особые указания.

D. *Особые указания по дезинфекции конюшен, сараев, фургонных, железнодорожных вагонов и судов для перевозки крупного рогатого скота, [V] а также людей и вещей, связанных с ними.*

1. После того, как такое место было очищено механическими средствами, соскобом и т.д., насколько это возможно, и весь навоз и

Стирка.

Чистка.

Вся вода для мытья должна быть продезинфицирована.

после тщательного закаливания грязи вся поверхность, которая была загрязнена или может быть загрязнена, должна быть покрыта слоем хлористой извести в порошке. Порошок следует растереть щеткой до равномерного распределения. Он предназначен для дезинфекции воды, которая будет использоваться в процессе стирки, который сейчас начнется. Чистую воду из шланга, в который она течет под давлением, или из принудительного насоса, садовой машинки, или из больших лейок или бидонов для воды, или свободно льющуюся из ведер, теперь должен наносить на всю поверхность один человек, в то время как другой в то же время моет всю поверхность; и особенно все щели, стыки и неровности. Затем промывочная вода и хлористая известь стекают по желобам в раковины, выгребные ямы или естественные водотоки. Ни в коем случае нельзя допускать попадания промывочной воды из любого зараженного места или предмета в выгребную яму, мочеиспускательник, навозную кучу, пруд, канализацию или естественный водоток без предварительного смешивания с большим количеством хлористой извести. Когда место таким образом будет вымыто до тех пор, пока вода не стечет чистой, оно готово к эффективной дезинфекции.

2. Фактическая дезинфекция.

Раствор хлористой извести.

Как применяется.

Как долго это будет продолжаться.

2. Для этой цели готовят раствор хлористой извести в воде в пропорции один фунт порошка на один галлон воды. Для логова одного животного должно быть подготовлено от шести до десяти галлонов такой жидкости. Теперь эта жидкость распределяется по всей поверхности, подлежащей постепенной дезинфекции, путем разбрызгивания из шприца, или прокачивания с помощью принудительного насоса, садовой машинки, или путем полива из лейки или баллончика с мелко нарезанной розой. Все изделия из дерева, камни, кирпичи, цемент, строительный раствор, все приспособления из любых материалов следует хорошо смочить раствором и немедленно протереть жесткой щеткой. Пол и потолок также моют, и все это

оставляют во влажном состоянии, покрытым раствором хлористой извести, по крайней мере, на один час, в течение которого следят за тем, чтобы ни одна деталь не высохла.

3. Смывается после дезинфекции.

Покраснел.

Меры предосторожности в отношении направления подачи чистой воды.

3. Поскольку хлористая известь и продукты ее разлагающего действия на инфекционные вещества могут быть вредны для крупного рогатого скота, эти вещества необходимо тщательно смыть второй и последней промывкой. Для этого нельзя использовать слишком много воды и слишком интенсивную очистку. Следует соблюдать осторожность, чтобы всегда наносить чистую воду на верхние части, чтобы она стекала оттуда к нижним частям, и смывать отходы с нижних частей, прежде чем наносить свежую воду на верхние части.

4. Следите за тем, чтобы не заносить грязь обратно метлами, ботинками и т. Д.

4. Следует также позаботиться о том, чтобы промыть каждую щетку, которая смыла осадок и отходы с нижних частей в желоба и водостоки и вытекла через них, прежде чем снова наносить ее на чистые верхние части. Следует также следить за тем, чтобы работающие люди не переходили с грязных или частично очищенных мест на чистые, поскольку этого может быть достаточно, чтобы занести инфекцию обратно в продезинфицированное место.

5. Дезинфекция рабочих и инструментов.

5. Наконец, все лица, занятые на этой работе, подметая и промывая сточные канавы с той же тщательностью, что и берлоги, собираются вместе со всеми механизмами и инструментами, которыми они пользовались, как можно ближе к раковине или месту окончательного слива воды из помещения и там дезинфицируются, как будет описано ниже.

Инструменты.

Инструменты, такие как крюки, вилки, лопаты, мотыги, тачки и т.д., протирают вышеуказанным раствором хлористой извести, а затем поливают водой до тех пор, пока они не станут чистыми; затем их многократно смачивают раствором, и после того, как он успеет продезинфицировать всю их поверхность, их дочиста моют и складывают или развешивают сушиться.

Рабочие.

Дезинфекция обуви.

Дезинфекция тел, рук рабочих и т.д.

Смена и дезинфекция одежды.

Сжигание малоценных предметов.

Затем рабочие, закончив дезинфекцию и промывку всех предметов и поверхностей, проводят собственную дезинфекцию следующим образом: — Они самым тщательным образом моют свои ботинки хлористой известью и водой, соскабливая подошвы и прочищая швы там, где подошвы соединяются с верхней кожей. Они моют руки, а также с помощью чистых тряпок или губок

удаляют брызги со своей одежды. После этого они идут в дом, снимают всю одежду с головы до ног, моют свое тело, особенно руки, лица, волосы и ступни, большим количеством мыла и воды и надевают свежую одежду и белье. Снятые с них одежда и белье должны быть обработаны как зараженные, немедленно замочены в кипящей воде, а затем продезинфицированы, или в воде, содержащей две унции хлористой извести на галлон раствора, или содержащей четыре унции перманганата калийной жидкости Condyl's red в растворе; или одежду и белье следует поместить в котел и прокипятить, а затем постирать. Все малоценные предметы, которые сильно загрязнены, следует сжигать на ярком огне.

Е. Дезинфекция живого скота.

1. Скот может переносить инфекцию двумя способами.

Е. *дезинфекция живого скота*. -1. Живой крупный рогатый скот может переносить инфекцию двумя способами: во-первых, сам будучи зараженным чумой и воспроизводя яд; и, во-вторых, случайно перенося яд от других животных, находящихся в состоянии покоя, на какую-либо часть своей поверхности, на шерсть и особенно на ноги. Следовательно, эти последние животные могут заражать других, не будучи сами подвержены чуме. Поэтому все лица, приобретающие новых животных, должны продезинфицировать их, прежде чем пускать в свои помещения. Аналогичным образом, если в стойле произошел случай чумы, все здоровые или внешне здоровые животные должны быть продезинфицированы.

2. Способ и средства обеззараживания живого скота.

Согревающий и освежающий напиток.

Заперт в карантинном сарае.

2. Способ, при котором живые животные могут подвергаться дезинфекции, заключается в промывании их дезинфицирующими растворами такой силы, которая уничтожит инфекцию, не травмируя поверхность животного. Раствор двух унций хлористой извести в галлоне воды является подходящим раствором для мытья шерсти животных. Смесь из четырех унций калийной жидкости Condyl's red с перманганатом калия и одного галлона воды также является подходящим дезинфицирующим раствором. Для полноразмерных коров, бычков и т.д. следует использовать несколько галлонов любого из этих растворов. Следует соблюдать особую осторожность, чтобы раствор не попадал в глаза, ноздри, рот и нежные части тела. Когда вся поверхность вымыта и продезинфицирована, все дезинфицирующее средство удаляется путем нанесения большого количества чистой прохладной воды на все детали. Животному дают согревающий и освежающий напиток, и уборщик отводит его в чистое карантинное помещение. Там он должен получать корм, как сухой, так и зеленый, и сено, и много чистой холодной воды, и быть насухо натертым пучками соломы и сена.

Ф. Карантинный сарай.

1. Объекты.

Требуются как карантин, так и поверхностная дезинфекция.

Ф. *карантинный сарай*. -1. Карантинный хлев предназначен для раздельного содержания нового и подозреваемого крупного рогатого скота в течение не менее десяти дней, чтобы

обеспечить уверенность, которую можно получить только путем наблюдения, в том, что он на самом деле не заражен чумой. Таким образом, в то время как дезинфекция поверхности крупного рогатого скота устраняет один вид опасности, другой, который не может быть устранен, может содержаться только в ограниченных пределах или в загоне, и это делается в карантинном сарае. Но содержание крупного рогатого скота в карантинном сарае не приведет к надежной дезинфекции его поверхности даже в течение гораздо более длительного периода, чем десять дней; следовательно, дезинфекция поверхности не может обеспечить меры предосторожности в карантинном сарае, а строгий карантин не может обеспечить эффекта поверхностной дезинфекции. Обе меры предосторожности необходимы для обеспечения полной безопасности, хотя любая из них, без учета другой, устраняет определенный вид и степень опасности.

2. Управление карантинным помещением.

2. Карантинный сарай должен располагаться в изолированной части помещения. Весь навоз и моча из него должны стекать и переноситься в определенное место, отдельное от общей навозной кучи, и закапываться ежедневно.

Чистота.

Лицам, ухаживающим за здоровым поголовьем, не посещать карантинный сарай, и наоборот.

В сарае должна соблюдаться предельная чистота. Все инструменты, ведра, щетки для карри и т.д., используемые в этом сарае, должны использоваться исключительно в нем и нигде больше. Лицу, посещающему карантинный загон, не следует разрешать заходить в загон, где содержится здоровый скот, или приближаться к здоровому скоту. Никому из лиц, ухаживающих за здоровым скотом, не должно быть разрешено приближаться к карантинному скоту, а также приближаться к карантинному сараю или заходить в него. Но, к сожалению, если для выполнения обеих обязанностей будет доступен только один человек, этому человеку должно быть разрешено приближаться к карантинному скоту только в защитной одежде, которая должна быть немедленно описана.

Г. Защитная одежда.

1. Описание.

Г. Защитная одежда. -1. Она состоит из прочных водонепроницаемых ботинок длиной до колен, хорошо смазанных маслом; непромокаемого плаща, застегнутого наглухо спереди и плотно облегающего шею и запястья. Голова должна быть покрыта шапочкой, которая хорошо впитывает волосы.

2. Лица, которые должны пользоваться защитной одеждой.

Для дезинфекции перед выходом из подозрительного или зараженного помещения.

2. Каждый человек, имеющий возможность посетить сараи, в которых находится больной скот, или крупный рогатый скот с подозрением, или карантинный скот, должен быть обеспечен вышеуказанной одеждой, надевать ее при входе в помещение, снимать при выходе из помещения и немедленно подвергать дезинфекции. Эта мера предосторожности должна строго соблюдаться всеми инспекторами, всеми ветеринарами или другими лицами, вызванными для ухода за больным скотом, всеми торговцами и мясниками, заходящими в сараи, во дворы или на

луга с целью продажи или покупки, и всеми другими лицами, приходящими на территорию по делам, связанным со скотом.

3. Посторонним не входить в сарай, кроме как в продезинфицированной защитной одежде.

Владельцам крупного рогатого скота следует соблюдать меры предосторожности.

3. Владельцы скота не должны допускать посторонних лиц в свои сараи, во дворы или на луга, кроме как в продезинфицированных защитных костюмах; и в случае, если это вызовет трудности, им следует иметь под рукой один или два таких защитных костюма и заставить всех лиц, чьи дела вынуждают их входить в свои сараи, оставить свои собственные ботинки и надеть длинные сапоги, непромокаемый плащ и специальную шапочку. Только таким образом они могут надеяться исключить все обычные и очевидные шансы заражения в своих ранее здоровых сараях, дворах и лугах.

Н. Меры, которые необходимо принять при появлении чумы.

Убийство и захоронение больных животных.

Дезинфицирую жилые помещения и конюшни.

Н. Меры, которые необходимо принять в помещениях, где действительно появилась чума.-1. Когда чума действительно появилась в каком-либо сарае, дворе или другом месте, больное животное должно быть немедленно удалено со всеми надлежащими мерами предосторожности. Безусловно, безопаснее всего сразу зарубить животное шестом и закопать его целиком, а затем продезинфицировать конкретное логово, как описано выше, очистить конюшню или сарай, продезинфицировать все это и все оборудование, а также всех животных, и пускать животных в сарай только после того, как оно полностью подсохнет.

2. Больничный сарай.

Ситуация из.

2. Если, однако, владелец желает оставить больное животное, поскольку его болезнь не выглядит серьезной или смертельной, он должен поместить его в отдельный сарай, который не должен совпадать с карантинным сараем или находиться рядом с ним, удаляться от всех здоровых животных и располагаться так, чтобы преобладающий ветер не дул от этого больничного сарая в сторону здорового или карантинного сарая. Вода также не должна вытекать из этого больничного сарая в другие помещения, или во двор, или на какой-либо луг, а должна быть тщательно слита и отведена за пределы помещения через специальную раковину.

3. Предотвращение распространения фекалий.

3. Чтобы предотвратить распространение фекалий у инфицированных животных (а также у животных с подозрением на диарею и у всех животных, страдающих диареей), их хвосты должны быть привязаны к одному или другому из их рогов таким образом, чтобы защитить их от загрязнения кишечными выделениями и предотвратить распространение ими таких выделений путем непрерывных движений, характерных для этих органов. Разбрызгивание фекалий следует предотвращать, насыпав большое количество грубой соломы с небольшим количеством песка, опилок или золы позади и под животным. С соломой и фекалиями следует обращаться так, как

было описано. Животных, пораженных чумой или диареей, не следует вести по улицам, большим дорогам и тропинкам, так как они наверняка будут выделять инфекционные фекалии, которые затем будут распространяться по всей длине этих дорог через ноги людей и животных, а также колеса транспортных средств.

4. Особое управление больничным сараем.

Лица, подлежащие найму.

4. Больных животных следует многократно дезинфицировать; их загоны следует многократно чистить и дезинфицировать в течение болезни. Это должны делать лица, либо защищенные защитной одеждой, либо — и это безопаснее всего — те, кто не может вступать в контакт со здоровым скотом или вынужден заходить в здоровые сараи. Все инструменты, ведра, корма и т.д., которые будут использоваться в больничном сарае, должны храниться только для этой цели и никогда не использоваться со здоровым, карантинным или только подозреваемым скотом.

5. Дезинфекция частей тела мертвых животных.

5. Если владелец какой-либо павшей части крупного рогатого скота, независимо от того, умерла ли она естественной смертью или была убита, решит расчленить ее вместо того, чтобы хоронить целиком, и после использования шкуры, рогов, копыт, жира и костей, он должен продезинфицировать кожу, рога и копыта, замачивая их на один час в крепком растворе хлористой извести, содержащем один фунт порошка на каждый галлон воды, а затем промыть их. Жир должен быть густо посыпан хлористой известью и отправляться непосредственно в котлы. Его нельзя кипятить ни в одной посуде, используемой на ферме. При любых обстоятельствах желательно, чтобы это расчленение мертвого и павшего скота он производил на живодерне.

6. Плоть и т. Д., подлежащая погребению.

6. Не следует продавать мясо, кровь, кишки, легкие и кости головы инфицированных животных, поскольку их нелегко продезинфицировать. Они всегда должны быть похоронены.

I. Дезинфекция лугов, полей, дорог и т.д.

1. Луга.

I. *Дезинфекция лугов, полей, дорог и т. Д.* -1. Луга, зараженные больным скотом, следует тщательно очистить от всего навоза, закапывая каждый навозник на том месте, где он лежит, вырезая круглый кусок дерна с навозом на нем и переворачивая его вверх дном. Затем траву на всем лугу следует скосить и сжечь. Затем его следует оставить без содержания скота как минимум на месяц, включая как минимум два дождливых дня.

2. Дорог и т.д.

2. Все дороги, тропинки, улочки городов или деревень должны тщательно и часто очищаться от мусора. Все тележки, фургоны или фуры, используемые для перевозки навоза, должны быть водонепроницаемыми, конопатыми и окрашенными, и не должно допускаться просачивания их жидкого или полужидкого содержимого на дорогу, по которой они движутся. В качестве меры

предосторожности их следует содержать в чистоте и дезинфицировать с помощью описанных выше процедур.

III. Общие рекомендации.

III. Общие рекомендации.

В заключение следует обратить внимание фермеров, молочников и всех лиц, на попечении которых находится крупный рогатый скот,

Что те же самые масштабные меры, которые, как известно, поддерживают и восстанавливают здоровье людей, будут также поддерживать и восстанавливать здоровье крупного рогатого скота.

Чистый воздух; сухие, просторные, хорошо проветриваемые и хорошо дренируемые чистые сараи; чистые и сухие луга; много чистой воды; частое вычищение и мытье; предотвращение развития путем уничтожения микробов внутренних и внешних паразитов, особенно энтозоа; правильное питание в подходящих количествах и в надлежащее время; защита от ненастной погоды; предельная чистота при удалении навоза; хранение навоза на большом расстоянии от хлева для скота и, кроме того, самое добросовестное соблюдение вышеуказанных мер предосторожности и дезинфекции. описанные выше меры и средств в совокупности обеспечат максимально возможное здоровье скота и процветание земледельца и молочника. Но пренебрежение любым из них приведет к тому, что поголовье будет подвержено заражению, и тем более, чем больше пренебрегаются некоторыми или всеми сопутствующими условиями здорового существования животных. Следовательно, нерадивый человек наверняка проиграет, причинит вред своему ближнему, пренебрегая его предосторожностями, и нанесет ущерб обществу; но бдительный и кропотливый человек будет вознагражден не только сохранением своей собственности, но особенно сознанием того, что она была сохранена его собственной заботой и вниманием и что тем самым он также принес пользу государству.

Это объединяет прежние Приказы и вносит в них изменения.

(Копия.)

В Зале Совета, Уайтхолл, 22-го дня сентября 1865 года.

Лордами Достопочтенного Тайного совета Ее Величества.

Присутствующий.

Лорд-президент.

Герцог Сомерсет.

Граф Кларендон.

Эрл де Грей и Рипон.

Г-н госсекретарь Кардуэлл.
г-н Х. А. Брюс.

В то время как законом, принятым в сессии одиннадцатого и двенадцатого года представит Ее Величестваправления, глава сто семь, ручной метод всегда трудно справиться "Акт о предотвращении до 1-го числа сентября 1850 года, и до окончания следующей сессии парламента, распространению заразных или инфекционных заболеваний среди овец, крупный рогатый скот, и другие животные," и которое с тех пор время от времени продолжал водолазами последующих актов, и, наконец, законом, принятым в сессии двадцать восьмой и двадцать девятый годы правления Ее Величество настоящей главы, сто девятнадцать, он (среди прочего) принято, что он должен быть законным для лордов и других из Ее Величества Тайного совета, или любые два или более из них, время от времени, чтобы сделать такие приказы и постановления, как им может показаться, что это необходимо для целей, запрещающие или регулирующие удаления или из таких частей или местах, поскольку они могут назначить в таких приказа или распоряжения, овец, крупного рогатого скота, лошадей, свиней или других животных, или мяса, шкурок, шкур, рогов, копыт, ни других каких-либо животных, или сена, соломы, фуража, или другие статьи, скорее всего, для распространения инфекции; а также для очищения любого двор, конюшня, флигель, или другое место, или любой колесницы, телеги, кареты, или другими средствами; а также в целях перенаправления, как животные умирают в болезненном состоянии, или любые животные, части животных, или другие вещи, изъятые в соответствии с положениями указанного закона, должны быть утилизированы; а также в целях причинения уведомления о появлении каких-либо расстройств среди овец, крупного рогатого скота или других животных, и сделать любые другие распоряжения или нормативные акты с целью реализации положений указанного закона, и снова отменять, изменять или изменять любые такие распоряжения или постановления; и то, что все положения для любых целей, означенных в любой такой приказ или приказы, содержащиеся имеет такие же силу идействие, как если бы в этом была включена в Закон; и чтобы все лица, нарушающие указанные закон для каждого преступления неустойки и заплатить любую сумму, не превышающую двадцати фунтов, или меньшей суммы, как сказал лордов или другим из Ее Величества Тайного совета в любом случае такой порядок наводить:—

И принимая во внимание, что в настоящее время среди крупного рогатого скота Великобритании преобладает заразное заболевание, которое обычно обозначается как "чума крупного рогатого скота" и может быть распознано по следующим симптомам:—

"Сильное угнетение жизненных сил, частый озноб, шатающаяся походка, холодные конечности, быстрое и прерывистое дыхание, опущенная голова, покрасневшие глаза с выделениями слизистого характера из них, а также из ноздрей; воспаленные участки на внутренней стороне губ и неба, диарея или дизентерийные выделения":

И принимая во внимание, что несколько Распоряжений, датированных соответственно 24 июля, 11, 18 и 26 августа 1865 года, были изданы на основании указанных Актов лордами Тайного совета Ее Величества с целью сдерживания распространения указанного беспорядка:

И принимая во внимание целесообразность объединения и внесения изменений в указанные Приказы:

Итак, лорды Тайного совета Ее Величества настоящим, на основании и в осуществление полномочий, данных указанным Законом, с изложением вышеизложенного, приказывают следующее:

1. Настоящий Приказ распространяется на все части Великобритании.
2. Указанные Приказы, датированные соответственно 24 июля, 11, 18 и 26 августа 1865 года, отменяются, за исключением той части указанного Приказа, которая от 24 июля 1865 года уполномочивает Секретаря Тайного совета Ее Величества назначать инспекторов в пределах Столичного полицейского округа, при условии, что такой отзыв не повлияет на любое произведенное назначение, или любое совершенное действие, или взыскиваемое наказание в соответствии с любым отмененным настоящим Приказом.
3. В этом Порядке слово "животное" должно означать любую корову, телку, быка, тельца, теленка, овцу, ягненка, козу или свинью; и слово "Инспектор" должно включать любого Инспектора, назначенного в соответствии с этим Приказом или в соответствии с любым из упомянутых отмененных Приказов.
4. Всякий раз, когда местные власти, как определено ниже, должны быть уверены в существовании указанного беспорядка в районе, на который распространяется его или их юрисдикция, или иметь основания опасаться его приближения, для таких местных властей должно быть законным, если они сочтут нужным, время от времени назначать одного или нескольких ветеринарных врачей или Хирургов или другое лицо или лиц, обладающих надлежащей квалификацией, Инспектором или Инспекторами с целью введения в действие правил, установленных настоящим Приказом, в районе, для которого он или они должны быть назначены. И тот же орган власти может время от времени отменять такое назначение.
5. С учетом полномочий, закрепленных настоящим за Секретарем Тайного совета Ее Величества, местной властью в Лондонском сити и его свободами является лорд-мэр; в любом муниципальном районе Англии или Уэльса - мэр; в любом мелком сессионном округе Англии или Уэльса (исключая то, что относится к юрисдикции Инспектора той части указанного округа, которая находится в пределах муниципального района, для которого был назначен инспектор), судьи, действующие в таком Мелком сессионном округе и от его имени. Местным органом власти в любом городе Шотландии, который подпадает под юрисдикцию проректора или другого Главного магистрата, является проректор или такой Главный магистрат; и в любом другом месте Шотландии, не входящем в юрисдикцию такого Проректора или другого Главного магистрата, судьи графства собираются на сессии.
6. Каждый инспектор должен время от времени сообщать местным властям, которыми он назначен, о шагах, предпринятых им для введения в действие правил, предписанных настоящим Приказом; и местные власти должны удостоверять таким образом, какой может быть указан одним из главных государственных секретарей Ее Величества, количество дней, в течение которых такой Инспектор фактически выполнял свои обязанности, и количество миль, пройденных им за это время.
7. Каждый Инспектор обязан предоставлять лордам Совета такую информацию относительно указанного беспорядка, какая может время от времени потребоваться их светлостям.

8. Каждое лицо, имеющее в своем владении или под своей опекой какое-либо животное, страдающее указанным заболеванием, должно немедленно уведомить об этом инспектора округа, в пределах которого проживает такое лицо, или, если инспектор не был назначен для округа, в пределах которого проживает такое лицо, то Должностных лиц, указанных ниже, в соответствии с местом жительства лица, обязанного уведомлять; то есть: в пределах Столичного полицейского округа - упомянутому клерку Тайного совета; в пределах Лондонского сити и его свобод - лорд-мэру; в любом другом районе, в соответствии с местом жительства лица, обязанного уведомлять. бург или город, находящийся под юрисдикцией мэра, проректора или другого Главного магистрата, такому мэру, проректору или другому Главному магистрату; в других местах Англии - Клерку судей, действующему в Мелком сессионном отделе и от его имени; и в других местах Шотландии - Клерку Мирового судьи графства.

9. Каждый инспектор должен иметь право входить и осматривать любое помещение или место, в котором может быть обнаружено какое-либо животное или животных в пределах округа, для которого он назначен, и осматривать любое животное в пределах такого округа, когда и где он сочтет это необходимым.

10. Каждый инспектор должен иметь право в пределах своего округа изымать и забивать, или приказывать изымать и забивать, а также хоронить, как указано ниже, в любом удобном месте любое животное, страдающее указанным расстройством.

11. Каждый инспектор должен иметь полномочия в пределах своего округа обеспечивать очистку и дезинфекцию любым способом, который он сочтет целесообразным, любых помещений, в которых находились или могут находиться животные, страдающие указанным заболеванием, и обеспечивать дезинфекцию и, при необходимости, уничтожение любого корма, навоза или отходов, которые, по его мнению, могут способствовать распространению указанного заболевания. И каждый владелец или занимающий такое помещение обязан подчиняться любому приказу, отданному таким Инспектором с этой целью.

12. Каждый инспектор должен иметь полномочия в пределах своего округа предписывать, чтобы любое животное, которое, по его подозрению, страдает указанным заболеванием, содержалось отдельно от животных, свободных от указанного заболевания. И каждое лицо, имеющее в своем распоряжении или под своей опекой такое животное, обязано подчиняться любому приказу, отданному таким Инспектором с этой целью.

13. Каждое лицо, имеющее в своем владении или под своей опекой какое-либо животное, страдающее указанным заболеванием, должно, насколько это практически возможно, содержать такое животное отдельно от всех других животных и не должно, если животное находится в районе, для которого назначен Инспектор, вывозить его со своей земли или помещений без лицензии Инспектора.

14. Никто не должен отправлять или привозить на какую-либо ярмарку или рынок, или выставять на продажу, или отправлять или перевозить по какой-либо железной дороге, или на каком-либо корабле вдоль побережья, или размещать на каком-либо шоссе или его обочинах, или водить по ним любое животное, страдающее указанным заболеванием.

15. Ни одно лицо в каком-либо округе, для которого был назначен Инспектор, не должно без лицензии Инспектора отправлять или привозить на рынок или с рынка, или убирать со своей земли или помещений любое животное, которое находилось в том же сарае или конюшне, или

было в том же стаде, или было в контакте с любым животным, страдающим указанным заболеванием.

16. Никто не должен размещать или содержать какое-либо животное, страдающее указанным заболеванием, на какой-либо общей или неогороженной территории или, если животное находится в районе, для которого был назначен Инспектор, на каком-либо поле или пастбище, где, по мнению Инспектора, такое животное может с высокой вероятностью распространять указанное заболевание.

17. Все животные, умершие от указанного заболевания или забитые из-за него, должны быть похоронены вместе со шкурами и с достаточным количеством негашеной извести или другого дезинфицирующего средства, как только это практически возможно, и должны быть засыпаны слоем земли не менее пяти футов или, в районах, для которых был назначен Инспектор, с согласия владельца, должны быть утилизированы иным образом; по указанию Инспектора.

18. Во время продолжения "чумы крупного рогатого скота" в указанном Лондонском сити или в той части Столичного полицейского округа, которая находится под юрисдикцией Столичного управления работ, ни одно животное не должно приводиться или отправляться на Столичный рынок крупного рогатого скота или любой другой рынок в указанном Городе или в указанной части Столичного полицейского округа, за исключением цели продажи там для немедленного убоя; и каждое такое животное, как только оно будет продано, должно быть помечено для убоя способом, которым крупный рогатый скот обычно маркируется для убоя на Столичном рынке крупного рогатого скота.

19. Всякий раз, когда какой-либо местный орган власти, как определено выше в настоящем документе, заявляет посредством уведомления, опубликованного в любой газете, распространяемой в пределах его или их юрисдикции, что целесообразно, чтобы животные, как определено выше, или какое-либо их конкретное описание были исключены из любого указанного рынка или ярмарки в пределах этой юрисдикции, на время, которое будет указано в таком уведомлении, настоящим предписывается, что после публикации такого уведомления для любого лица не должно быть законным привозить или отправлять таких животных или их описание на такой рынок или ярмарку: при условии, что этот пункт настоящего Приказа не будет, если он не будет продлен законом. следующий Приказ вступает в силу по истечении трех календарных месяцев с даты настоящего Приказа.

20. Каждое лицо, нарушающее этот Приказ, в соответствии с указанным Законом за каждое такое правонарушение подлежит штрафу в размере любой суммы, не превышающей двадцати фунтов стерлингов, которую судьи, перед которыми оно будет осуждено за такое правонарушение, сочтут целесообразным назначить.

(Подпись) Артур помогает.

СНОСКИ:

[R] С тех пор, как эти строки попали в руки печатников, французское правительство предложило другим странам принять коллективные меры для предотвращения того, чтобы паломничество в Мекку продолжало оставаться причиной распространения холеры. Мы спешим отдать должное этой благоразумной инициативе. Но почему бы не принять против тифа те же меры, которые признаны необходимыми против холеры?

[S] Тиф, вспыхнувший пятнадцать дней назад недалеко от Рубе, во Франции, на границе с Бельгией, где свирепствует эпизоотия, по-видимому, был подавлен в очаге в результате мгновенного истребления всего стада, в котором он себя проявил.

[T] "Забавно читать авторов прошлого века о лечении этого заболевания. Они были гораздо более уверены в своих силах, чем мы, беспомощные создания, притворяемся. Приведенные указания полны и отчетливы, и в главах, смело озаглавленных "Лекарство". Животному нужно пустить кровь, вымыть, а горячий уксус и воду с ароматическими травами можно поместить в стойло, чтобы привести скот в чувство. Животное необходимо растирать в течение четверти часа, как утром, так и вечером, а мешочки дойной коровы следует утром и вечером смазывать теплым маслом. Гребень делается в подвздошье из мотка пеньки, пакли или скрученной вьючной нити длиной в фут и толщиной с большой палец человека. *Рецепты очень забавные.* Они могут послужить развлечением для тех, кто в настоящее время хочет излечиться, и по этой причине я привожу одно или два". — *Гэмджи, Письмо от 21 августа.*

[U] Доктор Летеби сообщил, что на прошлой неделе на городских рынках было продано 12 916 фунтов, или более пяти тонн мяса, как непригодного для употребления в пищу. Оно состояло из 64 овец, 4 телят, 7 свиней, 142 четвертинки говядины и 361 сустава и куска мяса; 5377 фунтов. были больными или от животных, умерших от болезней, а остальное было гнилым. Все это было уничтожено. Вчера подкомитет Столичного комитета по борьбе с чумой на заседании в Мэншн-Хаусе по предложению мистера Брюстера единогласно принял резолюцию, рекомендующую, чтобы, поскольку возникли неожиданные и непреодолимые трудности при выполнении целей, для которых они были назначены, уже внесенные деньги были возвращены подписчикам после вычета, *пропорционально*, уже понесенных расходов.

[V] О дезинфекции железнодорожных вагонов и судов для перевозки крупного рогатого скота см. Специальный меморандум.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Фермерам и скотоводам.

У вас были бы все основания упрекнуть меня в недостатке здравого смысла, если бы я заставил вас прочесть книгу из двухсот страниц и потерять время в поисках совета, который вам понадобится, если чума крупного рогатого скота посетит ваши стойла и стада, вместо того чтобы сразу обратиться к вопросу, который вас беспокоит. Я специально взялся за перо, чтобы быть полезным вам; это моя главная обязанность, которую я сейчас собираюсь выполнить, суммировав на нескольких страницах наиболее важные факты, которые были описаны в двух первых частях этого труда.

Чума крупного рогатого скота, которая недавно поразила рогатых зверей, несомненно, является чумой; но существуют разные виды чумы, и необходимо, чтобы вы знали, что эта болезнь возникает в результате поглощения семян и микробов, которыми пропитан воздух, и которые всасываются животными в их тела при вдыхании окружающего воздуха. Когда эти микробы, эти инфекционные яды проникают в легкие и кровь животных, эти зародыши инфекции остаются там от восьми до двенадцати дней, не производя никаких заметных эффектов; но по истечении этого времени зараженное животное впадает в уныние, теряет аппетит, его охватывает лихорадка, затрудненное дыхание и диарея, что в совокупности с нарушениями здоровья быков, коров и т.д. получило название *тифа*; или, поскольку эта чума в высшей степени заразна, ее также называют *заразный тиф*.

Вы можете сравнить эту болезнь, чтобы составить о ней более точное представление, с оспой, которой иногда болеют ваши дети, или с брюшным тифом. Эти жалобы, которые знакомы большинству из вас, имеют некоторое сходство с бычьим тифом. Только при натуральной оспе, которая заразна и которая редко поражается более одного раза, как, например, тиф, болезнь локализуется на коже; в то время как при чуме крупного рогатого скота основным очагом болезни являются внутренние органы.

Это сравнение сразу покажет вам, что чуму крупного рогатого скота, или, скорее, сыпной тиф крупного рогатого скота, можно вылечить только тогда, когда болезнь пройдет полным ходом, как вы наблюдали у человека, зараженного оспой; так что вашей задачей должно быть помочь больному животному переносить его болезнь до конца или пока оно не выздоровеет; и вы не должны пытаться остановить это насильственными средствами, ибо, сделав это, вы ускорили бы смерть, которую вы хотите предотвратить. Вы также поймете, что если болезнь — а это, безусловно, так — не поражает одно и то же животное дважды, было бы очень полезно сделать животному прививку, пока оно здоровое, всякий раз, когда это бедствие угрожает — как в настоящее время — поразить весь крупный рогатый скот. Возможно, вам скажут, что прививка, предотвращающая оспу у человека, не может быть применима к крупному рогатому скоту; что все животные, которым был сделан прививку от вируса тифа, умерли от последствий операции и так далее. На все эти возражения вы ответите с присущим вашему классу здравым смыслом, что *Природа не может иметь двух весов и двух мер*; и что если прививка от тифа убивает животных, в то время как прививка от оспы спасает людей, и обе болезни подчиняются одним и тем же законам, то это объясняется неопытностью врачей, а не самой операцией.

Одним словом, посеять вирус - значит пожать его; но есть много способов посеять его, и один человек соберет богатый урожай, в то время как другой не соберет ничего, кроме плевел. Пусть эти неверующие говорят, что им угодно, и поверьте мне на слово, что однажды мы будем лечить

тиф так же часто, как мы лечим оспу, прививая его, а когда он появится, несмотря на этот курс, леча его медикаментозно.

Это заразное заболевание очень распространено в некоторых странах, главным образом в России и Венгрии, на берегах великих рек, впадающих в Черное море. В этих отдаленных странах, когда сезоны либо слишком дождливые, либо слишком жаркие — а вы знаете, каким было лето 1865 года, — на пастбищах образуются чумные яды тифа, скот впитывает эти разрушительные вещества и умирает от них.

Но поскольку стада крупного рогатого скота в этих странах разводятся для продажи и отправляются с этой целью в другие страны, во Францию, Италию, Англию и т. Д., животные, у которых был зародыш болезни, переносят его с собой, куда бы они ни отправились. Таким образом, несомненно, что несколько быков, завезенных из России и Венгрии, где часто свирепствует тиф, принесли болезнь с собой в Великобританию в июне прошлого года; и поскольку болезнь передается от одного животного к другому, а затем на большие расстояния, она с большой скоростью распространилась по Англии и Шотландии. Ее заразная сила настолько велика, что часть скота, отправленного обратно из Англии, заразила в первую очередь Голландию, а затем Бельгию; и одно время опасались, что она заразит всю Европу.

Первым предположением было — и все склоняется к тому, чтобы подтвердить это мнение, — что тиф первоначально заразился из-за границы; но многие уважаемые авторитеты, видя грязное и отвратительное состояние стойл и коровников как в Лондоне, так и в других местах, переполненность животных и общее пренебрежение, которому они подвергаются, утверждали, что заболевание зародилось в Лондоне. Это, повторяем, маловероятно, но не является абсолютно невозможным; во всяком случае, не может быть никаких сомнений в том, что тяжелые условия, в которых некоторые из ваших братьев содержат свой скот, способствовали распространению чумы независимо от других причин.

Более того, необходимо сообщить вам, что овцы и крупный рогатый скот являются наиболее чувствительными к воздействию инфекционных заболеваний из всех ныне живущих животных. Каждый год вы видите примеры этого факта на своих собственных полях и лугах. Все вы знаете, что ваши овцы легко заражаются оспой, глистными болезнями как на коже, так и внутри тела; у ваших быков афтозные заболевания, расстройства крови и легких, струпья и карбункулы - болезни, которые все более или менее заразны и которые обычно вызываются недостатком ухода и, прежде всего, неправильным кормлением: из этого вы видите, насколько страдания скота и тяжелые потери для вас, которые следуют за ними, зависят от вас самих, и их можно избежать. Кроме того, эти бедные создания, с которыми некоторые из вас обращаются так жестоко, чрезвычайно восприимчивы, и удары, которые они получают, могут легко повлиять на всю их массу крови. Поэтому вы должны, ради вашего же блага, относиться к ним более доброжелательно и щадяще.

Следовательно, сыпной тиф, который был завезен из России в Англию, обнаружив ваш скот в таких ужасных условиях чистоты и здоровья, распространился среди них со страшной быстротой. Как только болезнь распространилась в ваших сараях и стойлах, самым мудрым решением было бы немедленно забить больной скот или лечить его медикаментозно, тщательно воздерживаясь от перегона на рынок любого из ваших животных, подвергшихся заражению. Но, к сожалению, вы действовали не так; многие из вас не могли терпеливо мириться со своими потерями, и, руководствуясь только своими личными интересами, в ущерб

общему благу, вы продавали своих больных коров и быков и сеяли заразу по стране и на рынках, вскоре бедствие распространилось во всех направлениях, так что вместо того, чтобы подавлять болезнь при ее зарождении, было сделано все, чтобы распространить ее.

Теперь, если мы добавим, что микробы этого тифа проникают повсюду, что для передачи инфекции достаточно перевозить больной скот по дорогам общего пользования и, таким образом, проезжать вблизи ферм и лугов, где содержится здоровый скот, что эти вредные микробы пропитывают вашу собственную одежду, овечью шерсть и каждый предмет, орудие труда и транспортное средство, используемые в сельском хозяйстве, вы не можете не видеть, как часто, хотя и неохотно, вы, должно быть, распространяли зло повсюду.

Микробы, миазмы болезни, проникают не только в животных и людей, но и заражают своим вирусом траву на полях, стены стойл и конюшен и каждый сельскохозяйственный инвентарь. Каждое зараженное животное разносит болезнетворные микробы не только с воздухом, которым оно истекает, но и со своим пометом, а после смерти — со своими бренными останками — шкурой, рогами, внутренностями, плотью - всем тем, что разносит смертоносные микробы в атмосферу, которая впоследствии разносит их во всех направлениях.

Микробы этой опасной чумы, без сомнения, поразили часть крупного рогатого скота, который казался в наилучшем состоянии, как у богатых, так и у бедных; но точно так же, как холера поражает главным образом больных, плохо откормленных, нечистых, тех, кто живет в переполненных жилищах и плохо проветриваемых комнатах, так и тиф выбирает своих жертв среди стойл и стойловищ тех скотоводов, которые годами держат своих коров привязанными к стойлу, не давая им ни воздуха, ни физических упражнений, и не давая им пищи, не на той диете, которой требует их здоровье, а на тех продуктах, которые добавляют в их молоко и увеличивают их плоть. Из этого, конечно, следует, что большее количество этих коров, более или менее выведенных из строя этим длительным курсом пагубного лечения, и многие из которых умирают от чахотки после того, как их испорченное молоко заразило людей семенами болезней, должны стать легкой добычей тифа, *переносить который их, по-видимому, почти специально приучили.*

Поэтому очень важно, фермеры и скотоводы, чтобы вы могли распознать этот бычий тиф; во-первых, чтобы вы могли принять необходимые меры для предотвращения его заражения; и, во-вторых, чтобы вы могли применять лечение, которое будет вам рекомендовано.

Вы должны всегда, но прежде всего, когда свирепствует заразная болезнь, внимательно следить за своим скотом. Если вы заметили в их походке, во взгляде, вокруг ушей какие-либо необычные признаки; если они кажутся вам менее нетерпеливыми, менее активными, менее бдительными, если они оставляют какую-либо часть своего рациона, находясь в конюшнях, или если, находясь в поле, они больше не пасутся с той постоянной готовностью, от которой иногда их трудно отвлечь, будьте настороже и опасайтесь вспышки жалобы. Если к этим незначительным изменениям добавляется действительно менее острый аппетит, если размышления становятся менее регулярными, если животное выглядит печальным и удрученным, если у него непривычный мрачный вид, если его свинцовый взгляд продолжает оставаться неподвижным, удивленным, будьте уверены, что внутри происходят болезненные изменения, и это жестокое расстройство распространяется по всему его телу.

Постепенно животное все больше и больше теряет аппетит; размышления становятся короче и реже; оно опускает голову, его уши опускаются; оно скрежещет зубами. Затем, как с коровами: их молоко, которого и без того было мало, внезапно иссякает совсем, и та подавленность духа, которая была заметна несколько дней назад, переходит в оцепенение. Если в это время вы дотронетесь до их рогов, конечностей, шкуры в любой части, вы обнаружите, что все эти разные части иногда теплые, иногда холодные. С этого дня вы будете наблюдать одно за другим чередование нарушений в здоровье животного: частичную дрожь при соединении передних и задних конечностей, громкое, прерывистое дыхание с легким кашлем, скудную и густую мочу, твердый помет и запоры и, наконец, общую чрезмерную теплоту. Если вы надавите на спину, давление будет болезненным, и проявятся все признаки сильной лихорадки.

Эти признаки уже раскрыли природу болезни, с которой вам приходится иметь дело; но на смену им приходят другие, более значительные, которые устраняют все сомнения. Дыхание становится более учащенным и сдавленным, более отечным; из глаз, ноздрей и рта выделяются выделения, которые, поначалу жидкие и раздражающие, вскоре становятся густыми и гнойными, со зловонным запахом. Понос сменяет запор; половые органы коровы красные и воспаленные, испещренные багровыми прожилками. Крупный рогатый скот становится все худее и меньше, некоторые из них в этот период погибают. Если они все еще продолжают, понос становится более частым, более зловонным, а иногда и кровянистым; газы образуются под кожей, вдоль позвоночника, где они образуют широкие плоские опухоли, которые хрустят при надавливании пальцами. Наконец, слезь, стекающая с головы, становится еще гуще и зловоннее; клейкая пена закупоривает рот; глаза, наполненные весельем, проваливаются в орбиты; тепло тела уменьшается, животное мотает головой справа налево, становится бесчувственным, холодным; его голова сваливается набок, и оно умирает, тяжело дыша, от истощения и асфиксии, на десятый или двенадцатый день после подтверждения заболевания.

Туша имеет отталкивающий вид; шкура сухая, изъеденная и потрескавшаяся; она прилипает к костям, которые имеют форму скелета, и гниlostное разложение, начавшееся еще до смерти, быстро захватывает все ткани.

Течение болезни не всегда одно и то же. Иногда животное поначалу возбуждено, и все жизненные функции настолько нарушены, что смерть наступает в течение двух-трех первых дней. В других случаях легкие поражаются сильнее, чем другие внутренние органы; кашель становится более интенсивным, дыхание учащенным и затрудненным, избыток слизи препятствует прохождению воздуха в грудную клетку.

Когда вы однажды увидели это заболевание, его невозможно спутать ни с каким другим, если только это не заболевание грудной клетки, называемое перипневмонией, которое также является заразным. Но при этом заболевании, как говорится в Отчете Королевского сельскохозяйственного общества, приступ обычно протекает незаметно; глаза сохраняют свою живость, а аппетит не пропадает до конца дня. Короткий, сухой кашель проявляется сразу после вспышки и не проходит. Дыхание частое и болезненное; при ударе пальцами по бокам грудной клетки раздается твердый звук полного ствола, при этом перкуссия болезненна. Из глаз, носа и рта не выделяются те гнойные выделения, которые наблюдаются при сыпном тифе; понос наступает только в конце, он менее частый и зловонный. У дойных коров количество молока уменьшается, но не полностью уменьшается. Тепло рогов и нижних конечностей сохраняется. Одним словом, перипневмония протекает более регулярно и уносит животное примерно на

четвертой неделе. Таким образом, будет видно, что эти две чумы сильно различаются по своим симптомам.

Каждое животное, умирающее от заразного тифа, несет на своих пищеварительных органах следы болезни, более или менее ярко выраженные. На третьем и четвертом отделах желудка и кишечника появляются красные или багровые пятна, а иногда и изъязвления.

Чума крупного рогатого скота - безусловно, самая грозная болезнь, которая может поражать животных. Когда ее предоставляют самой себе или лечат без разбора, она уносит девяносто голов крупного рогатого скота из ста. Во время предыдущих нападений, особенно в 1750 году, когда в Европе было истреблено шесть миллионов рогатых животных, Англия потеряла от трехсот до четырехсот тысяч; и мы можем предположить, что количество скота, павшего с июня прошлого года, превышает шестьдесят тысяч.

Лечение очень сложное из-за заразного характера заболевания, и это вызвало много дискуссий. В некоторых странах правительства, считая чуму неизлечимой, стремятся лишь искоренить ее, где бы она ни проявлялась. Они забивают весь больной скот и даже тех, кто оказался рядом с ними, выплачивая компенсацию в размере половины стоимости животного. Эта мера не всегда оказывалась успешной, несмотря на то, что болезнь иногда распространялась по всей стране, защищенной таким образом от ее распространения.

Англия, защищенная морем и которая была пощажена в течение столетия, была захвачена несколько врасплох, так что в мерах, принятых для прекращения ее течения, наблюдалась некоторая неопределенность. В некоторых округах заинтересованным сторонам хватило здравого смысла сформировать страховые фонды; и очень жаль, что такой же план не был принят для метрополии.

Но мы ничего не можем поделать с тем, что было сделано; поэтому давайте примиримся с прошлым и посмотрим, что лучше всего сделать в будущем в интересах всех. Каково нынешнее положение дел? Определенное количество округов, как в Англии, так и в Шотландии, все еще не заражены тифом; в других районах болезнь, как правило, распространяет свои разрушительные действия.

Те округа, которые до сих пор были обойдены вниманием, должны учредить страховые фонды и принять все меры предосторожности, чтобы обезопасить себя от этого бедствия. Во Франции, Бельгии и даже в Великобритании некоторым местам удалось в 1750 году успешно защитить себя, запретив ввоз любого иностранного скота. Теперь эти превентивные меры могут быть приняты с некоторыми шансами на успех в определенных частях страны. Ирландия, которая, благодаря опубликованным Распоряжениям Совета, по-видимому, до сих пор избежала заражения, демонстрирует нам эффективные результаты этих санитарных мер.

Что касается уже зараженных районов, крайне важно больше не отправлять зараженных животных на различные ярмарки и рынки, иначе чума будет распространяться бесконечно: непроданный крупный рогатый скот, овцы, свиньи, которые находятся всего в нескольких ярдах друг от друга, обязательно должны разносить заразу повсюду. В настоящее время было бы даже необходимо не собирать быков и других животных вместе на одних и тех же рынках; мы настоятельно призываем все государственные органы обратить внимание на этот важнейший вопрос.

В любом случае, фермеры и скотоводы, которые после всех полученных ими предостережений, всех опубликованных приказов и всех опасностей, которым они были явно подвергнуты, все еще будут упорствовать в том, чтобы выгонять свой скот из мест его обитания, заслуживают порицания и должны быть сильно оштрафованы. Лучшее, что они могут сделать, поскольку заражение предотвратить не удалось, - это подвергнуть свой скот лечению, которое мы сейчас им подробно объясним.

Многочисленными обвинительными приговорами различных полицейских судов было убедительно доказано, что мясо серьезно заболевшего крупного рогатого скота продавалось потребителям, что наносило огромный ущерб общественному здоровью; и если холера, которая неуклонно и уверенно приближается к нам, смешивает свои смертельные микробы с микробами бычьего тифа, мы все должны ожидать плачевных последствий, если мясники продолжат продавать мясо зараженных быков, как это было в течение последних трех месяцев.

Каждый фермер или скотовод, который полностью удостоверится в том, что сыпной тиф быков проник на его ферму или в его конюшни, должен немедленно прибегнуть к необходимым мерам предосторожности, с помощью которых он может ограничить его пагубное влияние и предотвратить распространение инфекции на другой свой скот, который все еще здоров. Пусть он немедленно разделит свое поголовье животных на три класса или партии — первый класс должен состоять из здорового скота, не имевшего прямого контакта с зараженными животными; второй класс должен содержать тот скот, который, хотя еще и не заболел, может заболеть из-за контакта с зараженными; третий класс будет состоять из крупного рогатого скота, пораженного тифом.

Здоровый скот, составляющий первый сорт, должен быть выведен с фермы и перегнан в поле отдельно, какой-либо другой дорогой, на разные пастбища и только после рассеивания утреннего тумана. Тех, кто привык оставаться у стойки, необходимо выводить два раза в день с двойной целью - заниматься полезными физическими упражнениями и чистить их стойла и навесы.

За их кормлением необходимо следить с особой тщательностью; рационы тех, кого откармливали, должны быть уменьшены, и их следует продать мяснику для употребления в пищу как можно скорее. Пусть к их ежедневному рациону питания будут добавлены следующие продукты:

Толченые овсяные хлопья	4 фунта.
Толченые ягоды можжевельника	1 фунт.
Молотая горечавка	1 унция.
Сульфат железа	2 драхмы.
Карбонат соды	2 драхмы.

Пастух, который ухаживает за скотом во время пастбы в полях, должен ежедневно его чистить: он будет тщательно мыть и скрести его; он не позволит ему пить из прудов или из любого стоячего и мутного ручья.

Лица, относящиеся ко второму классу, должны получать такой же укрепляющий и тонизирующий рацион по утрам; и дважды в день одно из следующих противоинфекционных

средств: либо раствор *хлората калия*, либо *перманганата калия*; две драхмы любой из этих солей растворяют в восьми унциях теплой воды, затем смешивают с галлоном настоя шалфея или иссопа, непосредственно во время подачи напитка.

Или вы можете использовать для той же цели раствор мышьяковистой соды — две крупинки растворяют в четырех унциях воды и таким же образом смешивают с их напитком. Вряд ли вам нужно говорить, что эти дозы должны быть уменьшены наполовину, когда вам приходится лечить теленка или нетельку, и что такое же уменьшение будет справедливо в их случаях для всех других лекарственных средств. *Употребление этих противомикробных напитков имеет первостепенное значение; я настоятельно рекомендую вам изучить их действие и продолжать принимать их даже после того, как болезнь пройдет.*

Эти напитки, не имеющие неприятного вкуса, как правило, нравятся скоту; если же дело обстоит наоборот, подавайте их в бутылках, как умеют делать все мужчины-владельцы крупного рогатого скота.

Если состояние здоровья любого из этих животных, среди которых предполагается вспышка тифа, окажется ниже нормы, вы должны назначить слабительное тем, у кого кишечник работает плохо, и даже прибегнуть к кровотечению в исключительных случаях.

Во время отсутствия скота, проходящего профилактическую обработку, позаботьтесь о гигиенических условиях его стойл и сараев; ибо нельзя упускать из виду ни одно обстоятельство, если мы надеемся противостоять распространению столь грозной болезни. Будьте осторожны, вынося мусор каждый день, мойте пол и очищайте его от пометов, тщательно проветривайте помещение, окуривайте его жженой серой или ароматическими растениями, такими как ягоды можжевельника, шалфея, розмарина, приправленные нитратом калия и мышьяковой кислотой; чтобы способствовать горению и усилить его дезинфицирующие свойства. На ночь в конюшне можно оставлять камфару, деготь, нафталин, креозот или даже йод для рассеивания их паров; все эти меры очень эффективны для очистки воздуха.

Давайте теперь посмотрим, что нужно делать по отношению к самим больным животным.

Как мы уже говорили, тиф, однажды заразившись у быка или коровы, обычно продолжает свое смертельное течение до последнего периода излечения; обычно только смерть может остановить его распространение. Кроме того, нарушения, которые эта болезнь вызывает в различных функциях организма, неодинаковы на разных этапах ее течения. Так, например, лихорадка вначале вызывает сильное возбуждение, но позже приводит к истощению. Не будучи врачом, человек может понять, что лечение, применяемое к этим различным состояниям, не должно быть одинаковым. Более того, мы должны отметить, что тиф - это самая трудная для лечения болезнь из всех известных. Это требует от врача определенной квалификации, практического опыта, бдительности, решительности и уверенности в руках, которыми ни один человек не может обладать при первой вспышке эпизоотии.

С другой стороны, организм быка, столь легко изменяемый, за две недели претерпевает все те потрясения, которым человек, страдающий брюшным тифом, был бы подвержен за месяц. Явления сменяют друг друга с потрясающей быстротой, едва оставляя время ни нам самим, ни лекарствам для действия. Поэтому не удивляйтесь большой смертности среди вашего скота и моим неоднократным рекомендациям по профилактическому лечению с помощью прививки.

В начале заболевания вы должны уменьшить силу лихорадки, предотвратить расстройства, связанные с нервными центрами, утолить жажду, опорожнить желудок и кишечник, которые будут основным очагом жалобы, и иногда пускать кровь.

Но как вы добьетесь этих результатов? Путем отмены прикорма, что легко сделать, поскольку животное потеряло аппетит. Давайте ему пить три или четыре раза в день по половине ведра отвара хорошего сена, добавляя к нему щепотку соли; или отвар сусла с драхмой нитрата калия; или воду, добеленную отрубями и мукой, или сыворотку с небольшим количеством уксуса. Если у животного есть склонность к простуде, если оно кашляет, если его дыхание затруднено, дайте ему теплое питье, состоящее из настоя листьев мальвы и огуречника, или же легкий отвар ячменя и овса, и тепло укройте тело животного.

Теперь, что касается слабительных средств: давайте животному на ночь и утром, в зависимости от произведенного эффекта, 6 или 8 унций английской соли (сульфата магнезии) или равную дозу глауберовой соли (сульфата соды), растворенных в двух пинтах воды цвета меда; или 12 унций льняного масла в каком-нибудь теплом напитке; или отвар листьев сенны и чернослива с добавлением унции сульфата соды.

Мы могли бы указать на большее количество слабительных средств, но воздержимся от этого. Те, которые мы только что прописали, не раздражают кишечник и являются лучшими из тех, которые можно использовать.

Если животное очень беспокоит, если у него попеременно возникают приступы уныния, ступора и сильного возбуждения, вы должны прибегнуть к кровоточению, особенно местному, путем вскрытия мелких вен головы. Если возбуждение не проходит, вы должны добавлять на ночь и утром в один из его напитков по 2 грана экстракта белладонны или пол-унции измельченных листьев белладонны. Если лихорадка поначалу нерегулярна и имеет тенденцию к злокачественному развитию, вам следует прибегнуть к сульфату хинина, 20 гран утром и столько же в течение дня.

Когда болезнь в основном локализуется в легких, добавьте в один из напитков для грудничков 4 унции оксимеля сквиллса и 2 крупинки опиума, что дает также рвотное средство — 5 крупинок винного камня-рвотное средство на 4 пинты воды — и принимайте четыре раза с интервалом в два часа.

Пока это лекарство применяется к внутренним органам, позвольте животному проявлять необычный уход за ним; мойте ему голову несколько раз в день уксусом и водой.

Таков курс лечения, который следует проводить в течение первых трех-четырех дней. Конечно, этому нужно следовать методично, наблюдая за знаками природы и повинаясь им.

Слабительные нельзя давать в те дни, когда больному животному пускают кровь, и дозы должны варьироваться в зависимости от эффекта, который они производят.

С четвертого по седьмой день симптомы изменяются, проявляется диарея, появляется насморк из носа, рта и глаз; затем вы должны продолжить прием слабительных, но доза должна быть слабее. Те, что упомянуты выше, подходят во всех отношениях. Напитки также остаются прежними. Иногда в этот период болезни животное совершенно подавлено, ничто не может вывести его из оцепенения: он лежит целый день; в этом случае вы даете ему ацетат аммиака, от

1 до 6 унций, в пинте воды, постепенно увеличивая дозу от 1 до 2 унций в день, в зависимости от произведенного эффекта; а пока следует давать простые не кислые напитки.

На этой стадии болезни правильно помогать разрушительной работе природы. Это достигается введением сетона в шею, и выделение этого выделения поддерживается с помощью такой мази, как базиликон с порошкообразными кантаридами. Наконец, необходимо очень часто промывать рот, нос и глаза настоем ромашки и шалфея.

В последний период чумы животное впадает в состояние общего истощения; кажется, что его жизнь почти угасла из-за чрезмерной слабости. Теперь вы должны поддерживать его в бодром состоянии всеми возможными способами; давайте ему горькие и возбуждающие напитки, пиво, разбавленное водой, добавляя к нему немного порошка перуанской коры или сульфата хинина. Его готовят путем замачивания в 8 пинтах кипятка коры перуанской, корня горечавки, листьев и цветков золототысячника и хмеля, по 1 унции каждого; или же приготовьте напиток, состоящий из ветеринарной патоки, экстракта можжевельника, по 1 унции каждого, растворенных в 2 унциях спирта, а затем смешанных с 3 пинтами воды.

Когда диарея становится зловонной и кровавистой, делайте на ночь и утром клизмы, состоящие из отвара перуанской коры и чайной ложки толченого древесного угля из тополя, хорошо просеянного. Если кровотечение из носовых отверстий начинает прекращаться, вы должны ввести в носовые отверстия несколько ложек стернетического раствора, приготовленного таким образом—

Испанский перец	1 унция.
Скипидарная эссенция	1 унция.
Камфара	2 драхмы.
Уксус	2 пинты.

Если на коже образуются какие—либо язвочки или они возникают в результате вскрытия гнойных отложений, обработайте их следующей мазью—

Ацетат меди	½ драхмы
Кальцинированные квасцы	20 зерен.
Нашатырный спирт	20 зерен.
Камфора	½ драхмы.
Обычная мазь	½ унции.

Если естественная температура сильно спадает, если холод достигает окороков и кожи, три раза в день натирайте животное шерстью, смоченной следующей мазью —

Лавровое масло	½ унции.
Зеленое мыло	½ унции.
Эфирное масло лаванды	½ драхмы.
Раствор нашатырного спирта	½ драхмы.

Одновременно с вышесказанным дайте следующий ликер, который следует выпить двумя глотками —

Корица	½ унции.
Экстракт горечавки	1 унция.
Красное вино	2 пинты.

Если животное впадет в состояние летаргии, вы должны прибегнуть к ударам огня в соответствии с хирургическими методами.

Это заболевание должно распространиться до крайней степени тяжести, прежде чем оно продвинется к своему излечению; поэтому вам не нужно отчаиваться до последнего момента. В этот период истощения от вышеупомянутых напитков отказываются или добавляют к ним питательные напитки, такие как чай с говядиной, жирные супы, молоко и мучные напитки.

Если животное держится и к нему возвращается аппетит, о чем свидетельствует опущение ноздрей, возвращение размышлений, привычка животного смотреть направо и налево, задавать вам вопросы определенным образом, добавляйте нарезанную соломку в его питательные напитки: каждый день выводите его на открытый воздух, и пусть он постепенно возвращается к своему обычному питанию. Но чрезвычайно важно следить за функциями кишечника; уменьшать количество пищи и менять ее, если диарея возвращается; поскольку такие рецидивы часто приводят к смерти животного, считающегося вне опасности.

Итак, фермеры и скотоводы, вот какое лечение следует противопоставить бычьему тифу: оно простое в отношении средств, и я решил, что так и должно быть, чтобы прописанные лекарства были доступны повсюду и по цене, которой бедняк мог бы распоряжаться так же хорошо, как и богатый. Болезнь изменчива, она не всегда одинаково смертельна; и наступает момент, когда в некотором роде она излечивается сама по себе, с небольшой помощью и наблюдением. Главное - быть осторожным и бдительным, прислушиваться к природе и инстинктам страдающего скота и отдавать себя на откуп и тому, и другому.

Я не могу воспроизвести здесь инструкции, данные Тайным советом по защите вашего скота от инфекции и, прежде всего, по недопущению ее распространения, но я отсылаю вас к *Меморандуму* доктора Тудичама, страница 257. Это изложение слишком полно, чтобы нуждаться в моих дополнениях; изучите его хорошенько; пусть оно будет вашим наставником и руководством; перечитывайте его снова и снова; ваши собственные интересы и интересы всей страны зависят от того, как вы отнесетесь к этому замечательному предупреждению.

При этом заболевании, как и при любом другом, существуют непредвиденные разновидности и осложнения, такие как те, которые вызываются вынашиванием и абортom коров, и те, которые являются следствием предшествующего заболевания; на случай этих несчастных случаев вы предоставите. Более того, такую страшную чумку можно лечить только по совету профессионального человека. Тогда позовите его, следуйте его советам и предписаниям со строгой точностью и не пытайтесь делать лучше, чем он; и, прежде всего, вооружитесь против коварных притязаний шарлатанов и шарлатанов, какую бы мантию они ни надевали, чтобы скрыть свое невежество.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Предложения об улучшениях, которые необходимо внести в изучение медицинской науки, чтобы мы могли быть в состоянии противостоять болезням в целом, но эпизоотическим и эпидемическим заболеваниям в частности.

Эпизоотия тифа крупного рогатого скота, которая в настоящее время распространяет свои неограниченные опустошительные действия на этот остров и которая приобрела масштабы всеобщего бедствия, естественно, взволновала общественное мнение. Вдумчивые и серьезные люди не могли равнодушно наблюдать за постоянно прогрессирующим шествием бедствия; но каждый наблюдатель, в соответствии со своими средствами и квалификацией, стремился найти средство для противодействия злу. Таким образом, мы видели, и с почтительным интересом наблюдали за джентльменами из прессы и другими литераторами, экономистами, научными работниками и, прежде всего, врачами, которые изодня в день публикуют в газетах статьи и письма замечательного достоинства по всепоглощающей теме этой эпизоотии. Возобновление работы медицинских колледжей предоставило опытным профессорам во главе с ними своевременную возможность рассмотреть эту ужасную болезнь в соответствии с воззрениями общей патологии и медицинской философии, и они сделали это с несомненным талантом и способностями. Тем не менее, кое-что еще предстоит сказать по этому важному вопросу, и поскольку я, как и другие, взялся за перо, я хочу объединить свой голос с голосом моих собратьев и спросить, не пришло ли время более полно, чем мы это делали до сих пор, воспользоваться великими открытиями точных наук, которые, по отношению к медицине, являются инструментами ее прогресса. И моя цель при этом состоит в том, чтобы мы могли, насколько это возможно, подняться до уровня испытаний, которые, возможно, уготованы нам в будущем.

Медицина - это одновременно искусство и наука. Искусством это было во все времена и в каждую эпоху цивилизованного человека; но наукой это стало только тогда, когда человеческие

знания достигли определенного расширения; когда природные явления были проверены и объяснены; когда математика, физика, химия, ботаника, общая анатомия, общая патология позволили пытливому врачу с важными результатами изучать все, что относится к его теме; понимать последовательную цепь и связь тел друг с другом в минеральном, растительном и животном царствах и исследовать их непреложные законы. Мочевая кислота, как мы видим под микроскопом, всегда будет кристаллизироваться в виде ромбоэдров в соответствии с установленным законом; растительная клетка, прорастающее семя, должна подчиняться и всегда подчиняется врожденным и неразрушимым силам, присущим им. То, что верно в растительном мире, верно и в животном, в том, что касается предустановленного порядка, который регулирует и контролирует явления жизни. Эти законы, управляющие развитием органических явлений, будучи неизменными и вечными, позволяют разным поколениям, сменяющим друг друга на нашем земном шаре, строить на прочной основе, что свидетельствует о медленном и трудоемком, но непреодолимом ходе человеческого прогресса.

Медицинская наука, будучи на самом деле лишь приложением других положительных наук к сохранению здоровья и излечению болезней, продолжает, подобно им, непрерывно совершенствоваться; но все, что она может сделать, - это следовать за ними на расстоянии и никогда не может надеяться достичь степени их превосходства.

Это истины, которые мы давно признали и прочувствовали. Поэтому мы обратились за помощью к открытиям естественных наук: физика, химия в наших руках стали эффективными средствами наблюдения и анализа; и мы, в наш век, получаем за пятьдесят лет больше знаний, чем наши предки за несколько столетий, ибо тогда они были скорее художниками, чем учеными. Одним словом, медицинская наука или биология конституирует саму себя, и если она полностью осознает свое бессилие в случае многих болезней, она также осознает свое прогрессивное улучшение. Оно стремится занять самое высокое место среди социальных институтов, и, возможно, настанет день, когда оно его получит, ибо тогда нации будут обязаны нам своим здоровьем и жизнью, то есть своим земным счастьем.

Законы, которыми регулируются органические явления, как мы уже говорили, вечны; мы можем также заявить, что они являются общими. Один из этих законов, общих для растения, для раковины, для каждого вида позвоночных, вновь проявляется в человеке, организация которого включает все функции, разделенные между другими органическими царствами. Организация человека не только подчиняется законам, управляющим жизненными явлениями других животных; он не только обладает их органами и функциями, но и является приверженцем их болезней. Так что знание законов, влияющих на функции и болезни тех существ, которые находятся ниже его по шкале животных, должно быть первой основой всех медицинских исследований.

Эти истины слишком очевидны, чтобы быть новыми; они написаны и исповедуются повсюду, и каждый из нас получил общие представления о сравнительной анатомии и физиологии в начале своего курса обучения. Но давайте признаем, что эти понятия лишь расширили круг наших знаний и идей, и что мы редко или никогда не применяем их в практике нашего искусства. Все было бы совсем по-другому, если бы в начале нашего медицинского посвящения мы получили не только теоретические и книжные, но практические и экспериментальные представления об анатомии, физиологии и, позвольте мне добавить, о *патологии всех животных*. Предположим на мгновение, что перед тем, как приступить к изучению

человеческих болезней, перед нами была поставлена задача наблюдать строение растений и животных, подвергать их ткани микроскопическому исследованию и химическому анализу; экспериментально изучать все их функции и болезни и признать, что, если бы это было так, анатомия, физиология и патология человека были бы гораздо лучше поняты и что большинство трудностей, с которыми мы сейчас тщетно боремся в своей беспомощности, могли бы быть легко преодолены.

Сравнительная анатомия и физиология являются первыми условиями любого серьезного медицинского обучения; по этому вопросу не может быть никаких сомнений, но поскольку данные, возможно, не столь очевидны в отношении сравнительной патологии, поэтому не будет бесполезно остановиться на более подробных деталях по этому предмету.

Мы не знаем, пытался ли кто-нибудь когда-либо проследить первопричину наших болезней в животном царстве, но это, несомненно, было бы исследованием, представляющим большой научный интерес. Что касается нас, то мы с радостью верим, что человек, созданный для того, чтобы быть полновластным хозяином земли, изначально не был подвержен всем органическим заболеваниям, которыми, как мы видим, он поражен. Нам кажется вероятным, что он был создан здоровым телом и разумом, но его жизненные силы, способности и таланты неодинаковы, поскольку социальные функции разнообразны и непохожи друг на друга, а также он подвержен физическим и моральным недостаткам. Мы считаем вероятным, что растения и животные, из которых со временем сформировалась субстанция человека, передали первопричины, зародыши некоторых органических заболеваний, которыми они сами были поражены. Мы видим в этой передаче болезней животных человеку связующее звено, которое представляется нам условием гармонии, порядка, мира и счастья среди всех живых существ. Нам кажется, что первым предписанием законодателя должно быть — *любите других животных, как самих себя*; ибо если бы человек следовал этому правилу, он логично применил бы то же самое к своим собратьям; и, без сомнения, руководствуясь такими принципами, прошлые поколения не завещали бы нам бесчисленных бедствий, о которых нам пришлось сожалеть.

Мы думаем, что переносим некоторые из их болезней от животных, потому что факт очевиден; таким образом, у них есть паразитарные заболевания, такие как фавус, тения, псора, трихинеллез, которые они передают нам. Они также поражены оспой, брюшным тифом и тифом; и при определенных условиях они могут передать их нам. Они умирают от чахотки и рака, и вполне вероятно, что они передают нам через свое молоко и плоть микробы этих болезней. Наконец, у нас есть свои эпидемии, как и у них есть свои эпизоотии; и здесь мы ограничим наши примеры такого взаимодействия.

Несомненно, что изучение этих заболеваний у животных стало бы для нас источником точных знаний, которые, будучи хорошо понятыми и объясненными, часто приводили бы к их профилактическому лечению. Это то, что произошло в случае с оспой; это то, что однажды произойдет с брюшным тифом во время эпидемии, как и с некоторым количеством других общих или местных заболеваний.

По правде говоря, некоторые заболевания, которые сейчас считаются присущими человеческому виду, изначально были ему чужды; большинство паразитарных заболеваний относятся к этому классу. Таким образом, у человека нет *псоры*, или *зуда* — болезнь по праву принадлежит не ему; паразит, вызывающий ее, не взращен в нем, он всегда передается ему

животными. То же самое происходит с *tænia*, или ленточным червем, с *trichina*, или тонким волосяным червем.

Медицинская наука, основанная на сравнительной патологии, сделала бы изучение болезней у животных не побочным, а главным объектом своих исследований. Он применил бы себя для лечения низших животных; и, научившись лечить их, он обеспечил бы излечение человеческих болезней.

Если это так, может ли кто-нибудь поверить, что лечение диатезных и наследственных заболеваний было бы, как и сейчас, неразрешимой проблемой; и что врач испытывал бы страдания, видя, как уничтожается, на его беспомощных глазах, большая часть населения, обреченная неизбежно умереть от чахотки и рака? Был бы ли бы каждый человек, пораженный гидрофобией, безвозвратно приговорен к смерти? Несомненно, это было бы не так.

Мы признаем, что врач должен был быть сведен к болезненной необходимости признаваться в своей нехватке средств, когда медицина могла быть не более чем искусством; но теперь, когда наука выросла и достигла совершеннолетия, общество имеет право требовать от него того, чего в прошлые века от него нельзя было ожидать. Короче говоря, мы считаем, что пришло время, объединив сравнительную патологию с анатомией и физиологией, построить одно из оснований треножника, на котором должна будет покоиться медицинская наука. Успех, который уже был достигнут в этом направлении, является определенной гарантией для тех, на кого мы можем надеяться в будущем.

Таково наше глубокое убеждение, и, возможно, у нас есть некоторое право решительно высказаться по этому вопросу, поскольку мы уже давно подкрепили наши заповеди реальными доказательствами.

Убежденные в течение многих лет, что сравнительная патология открывает трудолюбивым людям новую жилу, богатую ценными жилками для разработки, мы несколько раз пытались исследовать это плодородное поле. Но, к сожалению, наши методы действий не соответствовали нашим оптимистичным ожиданиям, и мы неоднократно были вынуждены приостанавливать наши занятия, пока, наконец, не нашли в Высшей школе искусств Альфор благоприятную возможность и необходимые условия, которых мы так долго искали.

Огорченный нашей беспомощностью противостоять разрушительному воздействию легочной чахотки, я однажды принял решение изучить это расточительное заболевание у животных, чтобы обнаружить или, по крайней мере, поискать необходимое лекарство. С этой целью я поместил в темный, холодный и сырой подвал несколько животных для занятий: птиц разных видов, кроликов, обезьяну, собаку и так далее. Этим животным я раздавал недостаточное количество пищи. Обезьяна, как и следовало ожидать, пострадала первой, поскольку в нашем климате все они умирают от чахотки. Следующим, и по той же причине, настала очередь попугая; затем умерли цыплята и утки; за ними кролики; короче говоря, по прошествии четырнадцати месяцев выжила только собака. Все остальные умерли от чахотки, и у них появились бугорки в разных органах — в легких или брыжейке.

Затем необходимо было найти противоположное доказательство: поместить вторую группу животных в те же условия, снова вызвать заболевание и попытаться его вылечить. Но первый эксперимент был долгим, и я был вынужден отказаться от исследования, которое, к тому же, было мне в тот период не по средствам.

В другом случае мне показалось странным, что мы вынуждены вскрывать мочевой пузырь пациентов, страдающих от камней, или подвергать их литотриту, что также сопряжено с определенными опасностями. Природа, сказал я себе, образует камни, объединяя органические элементы, кристаллизуя их и цементируя пузырьной слизью. Но разве нельзя было бы вылечить болезнь, используя противоположные средства — растворяя камни в мочевом пузыре с помощью постоянных инъекций, изменяя химические вещества в соответствии с составом камней и добавляя к этому действие гальванического тока?

После этого я продолжил свое исследование в этом направлении. В течение нескольких месяцев я изучал химический состав камней, исследуя их в растворенном состоянии; и я увидел, что камни, в которых преобладали щелочные основания, подвергались воздействию разбавленного раствора винной кислоты, который не повреждал мочевой пузырь, через некоторое время крошились; что камни с избытком кислоты также подвергались воздействию щелочного раствора; в конце концов, камни, состоящие только из оксалата извести, казалось, сопротивлялись действию этих химических растворов. Но хорошо известно, что иногда они не поддаются никаким литотритовым инструментам и вынуждают нас прибегать к помощи ножа.

Эти предварительные эксперименты закончились, необходимо было перейти к их применению, а для этого провести эксперименты на некоторых животных. Предпочтение было отдано виду собак, всеядному, как и мы сами. Для практики были отобраны суки; поскольку их мочевыводящие пути шире и гибче, это позволило мне ввести в мочевой пузырь фрагменты уже проанализированных конкрементов, которые должны были послужить зародышами камней, которые они должны были образовать.

Эту вторую группу животных, загнанных отдельно друг от друга, кормили по-разному: одних сажали только на мясную диету, других - на мучную, а третьих - на смешанное питание. Эти эксперименты регулярно продолжались, когда по прошествии шести месяцев важное и непредвиденное событие вынудило меня отказаться от них. Бедные животные были уничтожены, но у всех них, как я и предполагал, образовались камни различного химического состава.

Эти незавершенные исследования по сравнительной патологии, прерванные таким образом вопреки моей воле, могли бы, если бы обстоятельства позволили им достичь цели, позволить нам провести у человека растворение камня в мочевом пузыре. И как бы это было осуществлено? Захватывая камень между двумя концами катетера двойным током и вводя пациенту серию хорошо пролонгированных растворителей, в то время как он удобно лежит в лежачем положении.

И это еще не все. Я полагаю, что они также пролили бы некоторый свет на органическое образование камней, на каменный диатез и особенности образования камней; и в некоторой степени привели бы нас к их профилактическому лечению, которое всегда превосходит лечебные средства.

В следующий раз я приступил к выполнению своей задачи при более благоприятных условиях. Я провел в Альфоре, совместно с профессором Делафоном, курс экспериментов по кожным заболеваниям животных в связи со сравнительной патологией, уже объезжая больницы, опубликовал работу "Энтомология и патология псоры у человека", которая была напечатана за счет Академии.

Эти расспросы и обследования в Альфорте продолжались в течение пяти лет и, как считалось, привели к очень удовлетворительным результатам в отношении общей патологии. Но я говорил об этих трудах в первой части своей книги.

Прости меня, читатель, и не думай, что тщеславие или какое-либо желание выставить себя напоказ побудили меня сослаться на эти эксперименты. Нет; моя единственная цель - показать, к каким результатам могли бы привести подобные исследования, если бы они проводились в больших масштабах и на всем животном мире; если бы вместо этих частичных усилий, предпринимаемых по милости, какое-нибудь специальное и соответствующее медицинское учреждение поощряло серьезных экспериментаторов, снабжая их без ограничений всеми необходимыми ресурсами и лучшими и совершеннейшими инструментами наблюдения.

Будет ли кто—нибудь отрицать, что если бы медицинская наука была основана на этом фундаменте пятьдесят лет назад, то есть с тех пор, как точные науки впервые начали предоставлять нам средства исследования, то сейчас она была бы настолько бессильна? Эпизоотии и эпидемии не стали бы так издеваться над нами, как они это делают; холера больше не была бы загадкой, а бычий тиф таким неизлечимым. Нет! сто раз нет! Медицинская наука не была бы беспомощной в наши дни, если бы наши предшественники были более внимательными и предусмотрительными.

Но вместо этого наука, за которую мы ратуем, проделала бы хорошую работу. Это сделало бы и подтвердило бесконечное разнообразие наблюдений над животным миром; это передало бы им наши болезни, как они передают свои болезни нам; это лечило бы эти болезни, и каждое такое излечение было бы новым триумфом, новой победой человечества.

Например, во время вспышки холеры эта наука была бы готова проводить различные эксперименты на людях и животных; она сначала передала бы холеру животным, а затем подвергла бы их различным экспериментальным методам лечения. Эта холера, которая не является инфекционной лихорадкой с ее регулярными и назначенными периодами, как тиф, и которой мы не обязаны страдать, чтобы протекать своим чередом, но которая, напротив, является нервным поражением, вызванным некими ядовитыми миазмами, токсическое воздействие которых в первую очередь поражает нервную систему, а затем, в особенности, большую симпатическую; судороги являются всего лишь результатом рефлекторного действия —*мы говорим, что эта холера должна быть излечима*, и разумные эксперименты выявили бы нужное нам средство от нее, и нам не пришлось бы долго ждать откровения.

Что касается меня, то я однажды предпринял отчаянную попытку в этом направлении. Это было во время холеры 1854 года. Во время вскрытия, как это всегда бывает, мы заметили, что слизистые оболочки желудка и кишечника, которые были в некотором роде парализованы, пострадали от того, что жидкие части крови просочились на поверхность. Отсюда причина этих рвотных позывов и водянистых и бесцветных поносов, которые ничто не может остановить, так что в определенный момент пациенты умирают, отравленные, конечно, но умирают в основном из-за недостатка кровообращения, когда кровь превращается в твердые частицы и больше не может циркулировать. Полагаясь на этот факт и полагаясь за неимением лучшего на побочные эффекты, я стремился восстановить в крови ее водную часть и, по возможности, восстановить кровообращение.

С этой целью я отправился в больницу Шарите, где меня снабдили всеми необходимыми инструментами. Больных холерой привозили туда каждый час. Поскольку эксперименты были новыми, рискованными и опасными, по мнению руководства больницы, мне разрешили оперировать только умирающего. Первой пациенткой, которая, как считалось, находилась в состоянии, достаточном для того, чтобы быть переданной мне, была женщина сорока пяти лет. Она была буквально без чувств и совершенно замерзла. На мгновение я заколебался, стоит ли проводить операцию в таких неразумных, нелепых условиях — почти на трупе. Лучевые артерии в руке перестали биться, и только сердце поддерживало слабое кровообращение в центральных отделах. Наконец я вскрыл вену, из которой не вытекло ни единой капли крови, и, приняв обычные меры для предотвращения доступа воздуха, я постепенно и медленно ввел две унции щелочного раствора, процесс инъекции продолжался двенадцать минут. Едва все закончилось, как пациентка приоткрыла веки и с удивлением огляделась; на несколько мгновений пульс стал ощутимым, и все присутствующие подумали, что она спасена. Мы задали ей несколько вопросов; пациентка не смогла нам ответить, но кивнула, как бы говоря "да", когда ее спросили, чувствует ли она себя лучше. Но это было все, что мы могли сделать в ее случае. Кровообращение снова остановилось, пациентка снова впала в бесчувственное состояние и умерла через два часа после инъекции.

Результат, полученный в данном случае, не оправдал наших ожиданий. Однако кровообращение на минуту или две возобновилось, и проблеск разума снова проявился.

Я подумал, что эксперимент следует повторить, и соответственно на следующее утро провел еще одну пробу. Пациентом на этот раз был рабочий-сапожник, тридцати восьми лет, точно в таком же запущенном, безнадежном состоянии, как и вчерашний пациент. В его случае внутреннее волнение, вызванное инъекцией, было более сильным; через двадцать минут после инъекции он смог видеть, понимать, говорить, поднять голову; но это жизненно важное выздоровление было, как и в первом случае, непродолжительным, и через два с половиной часа после операции мужчина скончался.

После этих экспериментов я препарировал оба тела, а затем, обнаружив, что их легкие пропитаны водой, я понял, что щелочной раствор не был усвоен, что он прекратил свое поступление в легочную паренхиму в ущерб функциям гематоза. Я также понял, что правильной инъекцией вместо дистиллированной щелочной воды была бы сыворотка крови, взятая в тот самый момент у какого-нибудь человека или животного.

Вывод, который я сделал из этих экспериментов, заключался в том, что различные операции, проводимые на разных стадиях заболевания, могут привести к благоприятным результатам, особенно если нам удастся передать холеру животным, поскольку это позволило бы нам протестировать большое количество лечебных средств и проводить методичный курс экспериментов.

Из всего, что я сказал, я делаю вывод, что жизнь, здоровье и болезни подчиняются одним и тем же законам во всем виде животных, поэтому врач, несомненно, должен обладать точными знаниями относительно организации, функций и болезней животных. Что, действуя таким образом, мы будем продвигаться от простого к сложному, от растения к животному и от животного к человеку. Что мы должны по необходимости выйти из того состояния, в котором мы сейчас находимся, основав в Лондоне Колледж естественных и медицинских наук. Каждый студент-медик мог бы провести два года в этом колледже, получая в нем экспериментальную и

практическую подготовку; он посвятил бы себя химическому анализу всех органов, физиологическим экспериментам и тестам любого рода без ограничений.

Я глубоко ценю множество трудностей и преград, которые могли бы помешать выполнению такого проекта. В наш цивилизованный век нации, похоже, скорее склонны к поиску средств истребления друг друга, чем к защите себя и животных от эпидемий и эпизоотий. Считается, что каждое первоклассное королевство в настоящее время тратит от 400 до 500 миллионов франков (от 16 до 20 000 000 *фунтов*) ежегодно на содержание своих сухопутных и морских сил, в то время как половина их населения живет в нищете и невежестве, среди болезней и коррупции. Еще не пришло время — увидим ли мы его когда-нибудь? — использовать жизненные силы народов для постоянного улучшения их социального положения. Возможно, по причине своей организации правительство этой страны не было бы уполномочено выделять 100 000 *фунтов стерлингов* или 200 000 *фунтов стерлингов* я предлагаю создать учреждение, подобное медицинскому колледжу, несмотря на его первостепенную необходимость. Но Англия имеет привычку совершать великие дела независимо от правительства. В таком случае, за неимением правящих сил позвольте мне воззвать к национальной инициативе, ибо, если бы зрелище, свидетелями которого мы сейчас являемся, не было в случае Англии одним из тех испытаний, которые ободряют народ благотворными поучениями, которые они приносят; если бы оно не побудило их принять какое-то энергичное решение, с помощью которого были бы спасены их интересы и увеличена их власть, это действительно было бы прискорбным знамением времени и заставило бы нас отчаиваться в его будущем.

Более того, чтобы показать срочность основания *Колледжа естественных и медицинских наук*, давайте добавим, что во всех других странах они стремятся объединить это незаменимое дополнение к медицинскому образованию. Немецкие университеты, парижский факультет, уже несколько лет включают курс сравнительной патологии в другие серии публичных лекций.

Мы предлагаем не просто Утопию, а расширение и усовершенствование, все части которого уже подготовлены. Если бы этот колледж мог открыться завтра, компетентные профессора были бы готовы по зову долга разработать программу этого обучения в течение двадцати четырех часов; а что касается самих профессоров, то их было бы достаточно, чтобы выбрать из большого числа талантливых ученых, которые делают честь стране.

Если нас правильно поняли, мы желаем видеть в Лондоне учреждение, которое позволяло бы создавать эквивалент того, что существует в Париже, в Музее и Коллеж де Франс, где читаются многочисленные курсы лекций по анатомии, физиологии, физике и химии. Только в Лондоне этот особый колледж был бы сформирован и организован в таком масштабе, чтобы отобрать пальму первенства у всех предыдущих учреждений того же рода; это было бы учреждение, не имеющее аналогов в мире, из залов которого однажды вышли бы анатомы, физиологи и патологоанатомы самого высокого уровня мастерства.—Но органическая материя не была бы единственным объектом этого наставления, ибо животное — это нечто большее, чем материя. Курсы истории медицины и философии, действительно общей патологии познакомили бы студентов с грандиозными явлениями природы, с великими законами, управляющими мирами и земным шаром; и, спускаясь с высот науки к наблюдению за бесконечно малым, они никогда не забывали бы важную часть жизненных сил и той неведомой силы, которую в разное время называли именами *πνεύμα*, *архетипического разума* и *души*.

Мы считаем, что Риджентс-парк был бы подходящим местом для этого колледжа, поскольку соседство с Зоологическими садами предоставило бы постоянные возможности для изучения болезней животных.

Более того, этот колледж не стал бы окопываться или каким-либо образом вмешиваться в те медицинские и ветеринарные учреждения, которые существуют в настоящее время; он объединился бы с ними и дополнял бы их, не более того. Обучение, полученное в этом "Колледже естественных и медицинских наук", было бы настолько полезным и необходимым, а также настолько привлекательным, что сыновья знатных семей приезжали бы туда, чтобы закончить свое обучение в колледже с великой пользой для страны. Другие молодые люди в значительном количестве стекались бы сюда из разных уголков мира. Основание такого института стало бы эпохой в истории науки и дало бы Англии еще одно право на уважение народов.

Итак, я заключаю с убеждением, что нация, обязанная лорду Бэкону, основателю экспериментальной философии, его нетленной книгой о *восстановлении, методе и преподавании наук*; Харви — кровообращением; Пристли - конституцией химии; Сиденхэму, современному Гиппократу, его трактатом о "Практической медицине"; Дженнеру - вакцинацией; и Чарльзу Беллу - открытием чувствительных и двигательных нервов, - это народ слишком великий и слишком просвещенный, чтобы отступить; и что, если эпизоотия бычьего тифа не привела к регрессу. обнаружив их поначалу неподготовленными и безоружными, они в конце концов превратят это бедствие в новый источник величия и силы.

Такова искренняя надежда, которую я лелею, и молитва, которую я возношу за счастье страны, которая в будущем стала моей собственной.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Примечание А.

Bremen, August 30.

Нижеследующий отчет, составленный двумя немецкими ветеринарными врачами о недавнем визите в Лондон для осмотра поголовья крупного рогатого скота, был предоставлен агентом северогерманской компании Lloyd's в Норденхамме:

"В среду, 9-го числа, нас, нижеподписавшихся, попросили прибыть в Норденхамм, по возможности, на следующее утро. По прибытии агент северо-немецкой компании Lloyd's, консультировавшийся с несколькими крупными экспортерами скота, попросил нас немедленно отправиться в Лондон на пароходе "*Шван*" в интересах экспорта скота с Везера. Целью нашей миссии было, во-первых, как можно тщательнее изучить эпидемическую болезнь крупного рогатого скота, свирепствовавшую в Лондоне и его окрестностях в течение некоторого времени в прошлом; затем тщательно наблюдать за обращением со скотом на судне во время рейса, по прибытии и во время высадки; наконец, использовать все средства, которые в наших силах, чтобы предотвратить создание препятствий для продолжения экспорта скота из этих портов в Англию.

Снабженные агентом северогерманского "Ллойда" рекомендательными письмами к торговцам скотом в Лондоне и необходимыми средствами, мы покинули Норденхамм на пароходе "*Шван*" капитана Кристенсена в 4 часа пополудни 10-го числа. На борту судна находилось 347 голов крупного рогатого скота, 2 теленка и 260 овец. Благодаря очень хорошей погоде мы прибыли в Темзу 12-го в 14:00. В начале путешествия животные вели себя довольно беспокойно, много топтались и вызвали значительное движение на корабле; однако через некоторое время они успокоились. На промежуточных палубах корабля легко ощущался резкий, проникающий запах, который быстро удалялся при появлении легкого бриза благодаря отличной вентиляции и многочисленным воздуховодам и вентиляционным шахтам. Животных несколько раз поили, и было легко заметить, насколько они освежились. Сено в стойлах, с другой стороны, было почти не тронуто.

"По прибытии в порт капитан представил нас двум ветеринарным врачам, работавшим здесь для осмотра скота, и мы стали свидетелями быстрой выгрузки груза, все они были полностью здоровы, ни один из них не пострадал. Выгруженный скот немедленно перегоняли на стоящие наготове повозки и перевозили в Лондон, где его очищали, а затем перегоняли на прилегающие поля.

Сделав все, что было в наших силах, чтобы достичь цели нашего путешествия, мы вернулись в порт, чтобы дождаться *Швана*, предварительно тщательно почистив одежду, которую носили во время осмотра заболевшего скота. *Шван* прибыл вскоре после нашего прибытия и выгрузил 256 голов крупного рогатого скота, 12 телят и 400 овец, все в хорошем состоянии. Мистер Филиппс, лондонский агент северогерманского "Ллойда", был на месте вместе с несколькими репортерами из газет, которые пожелали провести личное расследование, как и в каком состоянии привозят скот с Везера.

"Мы снова поднялись на борт "*Швана*" 19-го числа. Во время плавания команда была занята тщательной очисткой корабля. Погода стояла прекрасная, и 21-го числа мы благополучно прибыли в Норденхамм.

(Подпись) "Дж. Дж. Риппен,
Ветеринарный врач в Сифилде".

"Х. Фастинг,
ветеринарный врач в Швее".

Примечание В.

Профессору Саймондсу, имевшему такие возможности исследовать эти болезни в том виде, в каком они существовали в Англии и в других странах, которыми обладали лишь немногие англичане, может быть позволено предложить несколько наблюдений. Королевские сельскохозяйственные общества Англии и Ирландии назначили его отправиться на Континент в 1857 году, когда прошел слух, что болезнь, которая в настоящее время существует среди крупного рогатого скота в этой стране, распространилась в Мекленбурге. Консулы прислали депеши о том, что чума крупного рогатого скота в значительной степени преобладает, и правительство в качестве меры предосторожности закрыло порты для ввоза скота из Балтийского моря в эту страну. Однако из своих наблюдений за границей он обнаружил, что с 1817 года к западу от линии между Ревелем на Балтике и Венецианским заливом не было болезни такого рода, но к востоку от этой линии она существовала. Он придумал эту привязанность в Карпатах, где она бушевала в 1857 году точно так же, как бушует в Англии в настоящее время. Он не только существовал там, но и был завезен в глубь России обычным способом торговли скотом. Человек, имевший привычку покупать крупный рогатый скот, посетил ярмарку, купил несколько животных и отвез их на свою собственную ферму, и в течение десяти дней одно или двое заболели болезнью, и результатом стало постепенное распространение зла в этом районе. Это набирало силу до тех пор, пока правительство не ввело правила санитарной полиции, которые, хотя и были такими, которые в Англии сочли бы странными, были, по его мнению, абсолютно необходимы для искоренения чумы. Несомненно, верно, что ни в наших портах, ни на столичном рынке не было изъято ни одного иностранного животного; но в данном случае не было необходимости говорить о том, была ли болезнь иностранного происхождения. Перед ними стоял тот факт, что болезнь появилась в Англии только в июне месяце. Определенное количество животных появилось из зараженного района. У него были документальные свидетельства того, что животные были завезены из Ревеля и из района Эстонии. У него было доказательство того, что болезнь, которая сейчас свирепствует в Англии, свирепствует в этом районе. У них были доказательства того, что вскоре после прибытия этого скота в Англию болезнь проявилась и здесь. Он признал, что были трудности с проверкой ввоза иностранного скота. Правительство открыло глаза на этот вопрос, и он не считал возможным, чтобы правительство сделало больше, чем они сделали, или сделало быстрее то, что они делали. В данный момент половина поставок на столичный рынок поступала из-за рубежа, и он не хотел выражать никаких размышлений, говоря, что эта болезнь произошла из-за границы. Он признал бы, что животные из Германии и Венгрии прибывали в здоровом состоянии; но он не мог признать, что они прибывали из России, Польши или Галиции в столь идеальном состоянии, потому что тамошних правил было недостаточно для искоренения болезни. Правительство провело расследование относительно общего состояния здоровья крупного рогатого скота на Континенте. Они верили, что Франция, Бельгия, Голландия, Шлезвиг-Гольштейн, Ольденбург и большая часть Континента, поставлявшего скот в эту страну, свободны от болезней. Это свидетельствовало о том, что мы допустили заболевание не там, где

получали запасы мяса, а в каком-то другом районе. Тогда это должно быть связано с тем фактом, что вирус попал в эту страну, когда животные прибыли сюда из зараженного района в России. Животных из Германии и Венгрии часто перевозили и смешивали с другими животными из зараженного района. Поскольку болезнь возникла спонтанно, мы были свободны от нее в течение двадцати лет. В каком состоянии были наши коровники пятьдесят лет назад? Не были ли они в более грязном состоянии, чем сейчас? Таким образом, если бы болезнь была вызвана обычными причинами, она была бы здесь много лет назад. Было бы неуместно сказать, что огромное количество случаев можно проследить непосредственно на столичном рынке. Возьмем один случай, произошедший в Сассексе. Определенный скот был куплен на столичном рынке и развезен по домам. Через три или четыре дня они заболели, и у них появились симптомы этого заболевания. Еще через несколько дней коровы и телята были мертвы. В другом случае телята были куплены на Чичестерском рынке, куда их привезли из Лондона. Результатом стала гибель двенадцати коров и десяти телят. У людей на той же ферме был другой скот, и ни один из них его не забрал. Он мог бы также сказать, что люди, у которых было только одно животное, потеряли его из-за болезни. Как болезнь попала в Норфолк и Кент, если не через животных, которые продавались на столичном рынке? Он мог документально подтвердить, что это было так. Он мог показать, что не было ни единого случая, когда происхождение болезни нельзя было бы проследить до метрополии. Это было самое страшное зрелище, которое когда-либо видели в Англии. В Норфолке была принята система компенсаций, и если к этому собранию будет сделано что-то для исключения животных из зараженных районов, без сомнения, организаторы получат благодарность не только Лондона, но и страны в целом.

Мистер Гиббинс, Итак, если болезнь пришла из-за границы и больной скот был отправлен по другую сторону моря, то, без сомнения, путешествие привело бы к концентрации и обострению болезни. Однако правительственные инспекторы сообщили, что не было замечено ни одного случая такого заболевания иностранного скота, и ни один из них не был изъят и уничтожен в Лондоне или где-либо еще. Он не смог сказать, пришла ли болезнь из-за границы или откуда-то еще. Сэр Джордж Грей спросил его, обнаружил ли он какую-либо болезнь среди иностранного скота, поступавшего на рынок. Он сказал, что ни одного. У них, без сомнения, было много случаев заболевания коров, которых обычно называли дойными коровами, но которые не были дойными коровами, когда поступали на рынок, потому что одним из последствий болезни было лишение животного молока. Затем их отправляли на рынок и продавали как жирное сырье. Он мог только сказать, что у них не было случаев заболевания, за исключением коров, независимо от того, поступали ли они с молочных заводов в Лондоне или где-либо еще.

Примечание С.

М. Дембински, профессор аналитической химии и естественных наук, также направил сообщение лорд-мэру по этому вопросу. Распространенная чума крупного рогатого скота, по его словам, возникла в степях Подолии, откуда значительные стада крупного рогатого скота экспортировались через степи в Москву, Санкт-Петербург, Ригу и Ревель, а оттуда в порты Мемель, Кенигсберг, Данциг, Гамбург, Киль и Гаагу. *Лишенные подходящей пищи и чистой воды во время путешествия через степи, а затем прибывающие в болотистые земли,*

истощенные животные пили стоячую воду, которая в жаркую погоду вызывала заразную малярию и заразила их предрасположенностью к рассматриваемой эпидемии, которая переросла в своего рода лихорадку во время путешествия в Англию в условиях перенаселенности.

Примечание D.

Международный ветеринарный конгресс, Вена,
август 1865 г.

Что касается чумы крупного рогатого скота, то, возможно, будет уместно заявить, что Австрия оказалась в самом неблагоприятном положении, судя по готовности, с которой русский скот был допущен в страну в различных частях западной и южной границ. На открытии Конгресса эта трудность была особо отмечена советником министерства д-ром Веллом, который присутствовал от имени правительства, чтобы поприветствовать ассамблею и заверить, что ее дискуссиям будет уделено все то внимание, которого они заслуживают. Он особо упомянул тот факт, что законы, касающиеся профилактики заболеваний крупного рогатого скота, были полностью пересмотрены в 1850 году, но что степной скот продолжал ввозиться контрабандным путем в западные и южные провинции штата. Поэтому было необходимо попытаться более эффективно контролировать распространение столь пагубной болезни.

Герр Пабст приветствовал участников встречи от имени министра торговли. Он сказал, что стоимость крупного рогатого скота в австрийских владениях значительно превысила сто миллионов фунтов стерлингов (тысячу миллионов австрийских флоринов) и что эпидемия чумы крупного рогатого скота полностью остановила развитие той важнейшей отрасли сельского хозяйства, которая охватывает улучшение и увеличение поголовья скота в стране. Он заверил ассамблею, что будет сделано все возможное для улучшения существующего положения дел, выразил надежду, что они окажут большую помощь правительству в ходе предстоящих обсуждений и выводов, к которым они придут.

Между прочим, я могу заявить, что мнение, довольно широко выраженное некоторыми и стойко поддерживаемое другими, заключалось в том, что особое расположение некоторых австрийских подданных и существующее в Венгрии недовольство государственными мерами в значительной степени сделали закон неработоспособным. Исходя из личного опыта, я могу утверждать, что, хотя для борьбы с чумой крупного рогатого скота используются строгие и наиболее эффективные средства, и они дают наилучшие результаты в самой Австрии, исполнение закона в районах, где австрийское правление не соблюдается, сопряжено с большими трудностями. Действительно, на это ясно указывает способ, которым чума крупного рогатого скота проникает в Австрию, где законы аналогичны законам в королевстве Пруссия, которое долгое время было полностью защищено от вторжений этого беспорядка.

На заседании первого Международного конгресса, состоявшегося в Гамбурге в 1865 году, доктор Релл заявил, что из-за длительного действия карантина для русского скота на австрийской границе, стада крупного рогатого скота часто переправлялись контрабандой, и были созданы компании с целью страхования от конфискации властями. Таким образом, незаконный оборот осуществлялся с относительной безопасностью для дилеров, которым было

все равно, какое несчастье они навлекают на страну, лишь бы это служило их личным целям. Этот вопрос первым привлек внимание Конгресса на прошлой неделе, когда была предложена резолюция о сокращении периода карантинадля крупного рогатого скота из России в любую страну с двадцати одного дня до десяти. Дискуссия была оживленной. Однако было оговорено, что карантин должен проводиться самым строгим образом на всех участках границы, независимо от какой-либо породы крупного рогатого скота или других обстоятельств, которые могут быть выдвинуты в качестве исключительных причин для содержания животных на карантине. В комитет, назначенный для подготовки краткого отчета по данному вопросу, входили профессора Унтербергер, Зайфманн, Вернер, Заламаль, Хертвиг, Хаубнер и Релль; и комитет принял решение в пользу сокращенного карантина на следующих условиях: —Во—первых, когда создание карантинных учреждений осуществляется в соответствии с требованиями торговли и особенностями границы, особое внимание должно быть уделено возведению карантинных конюшен и т.д., где имеются возможности для обеспечения достаточного количества корма и воды. Второе — Животные должны содержаться под эффективным ветеринарным надзором везде, где они должны быть помещены на карантин. Инспекторы должны быть ветеринарными врачами соответствующей квалификации. Третье — Использование клейма для обозначения того, что животные находились на карантине. Четвертое — Эффективная дезинфекция животных путем мытья и другими способами при выходе из карантина. Пятое — введение подушной подати вдоль восточных границ и назначение соответствующих ветеринаров, которые будут следить за здоровьем скота вдоль границ. Шестое — Необходимо осуществлять тщательный надзор за торговлей скотом, где бы она ни происходила в стране. Седьмое — Наказание в полном объеме, предусмотренном законом, для всех, кто нарушает правила, касающиеся карантина или других средств профилактики чумы крупного рогатого скота.

Профессор Хертвиг из Берлина, к мнению которого в ветеринарных кругах всегда прислушиваются с большим уважением, изложил свои доводы в пользу принятия этих резолюций сейчас, тогда как в 1863 году он был против сокращения срока карантина. Он ссылаясь главным образом на важность того, чтобы торговцы скотом не создавали соблазна обойти закон, настаивая на необоснованных ограничениях. Настроения собрания были в значительной степени за то, чтобы избегать неприятных и дорогостоящих мер, которые могли бы сильно помешать использованию капитала в торговле скотом. Небольшое число профессоров, не более восьми или девяти, продержались в карантине двадцать один день.

Может быть также уместно заявить, что карантинные правила, которые считались почти бесполезными в предотвращении заболеваний человека из-за больших трудностей на пути их эффективного выполнения, признаны имеющими большое значение в борьбе с распространением чумы крупного рогатого скота. Можно контролировать передвижение стад, и правительства Центральной Европы сочли это абсолютно необходимым. Действительно, самые способные медики, выступавшие против введения системы карантина от оспы и холеры человека, такие как профессор Зигмунд из Берлина, признают ее ценность и абсолютную обязательность в отношении чумы крупного рогатого скота. Профессор из Галисии выступал за контроль перемещений людей везде, где появлялась болезнь, и, по-видимому, ни один факт не был установлен лучше, чем факт передачи чумы крупного рогатого скота от стада к стаду людьми. Профессор Ессен из Дерпта утверждает, что в России болезнь одно время быстро распространялась людьми, которые рассматривали гибель своего скота как милость Провидения и вызывали священника в свои конюшни, чтобы тот помолился вместе с ними о

прекращении эпидемии. Таким образом, болезнь быстро передавалась от фермы к ферме. В Венгрии многие вспышки являются результатом того, что люди разделяют туши и торгуют мясом, что, даже если люди не пострадали, смертельно опасно для крупного рогатого скота, когда вода, которой его промывают, разбрызгивается по дворам или мясо развешивается возле сараев с живыми животными.

Члены, присутствовавшие на Международном конгрессе, высказались за создание фонда, помимо правительственных субсидий, для выплаты пособий больным или инфицированным животным, которые должны быть забиты с целью предотвращения распространения чумы. Были предложены особые меры предосторожности в отношении передачи изделий, произведенных больными животными.

1. Идеально высушенные шкуры, обрезанные кончики рогов, как это часто делается в коммерческих целях, соленые и вяленые кишки крупного рогатого скота, топленый жир, шерсть, воловий волос и т. Д., Которые можно беспрепятственно пропустить незамеченными.
2. Целые рога, копыта и т.п., отделенные от мягких частей, но часто содержащие прилипшую мякоть и т.п., следует продезинфицировать хлористой известью.
3. Поскольку расплавленный жир часто перевозят в мешках, которые могут быть заряжены ядом, эти пакеты следует промыть раствором хлористой извести.
4. Свежие кости, свежая шкура и кишки, нерастопленный жир, сырое мясо и свежие овечьи шкуры не должны продаваться, если в округе существует чума крупного рогатого скота.

Согласно всем дошедшим до нас отчетам, иностранные наблюдения и резолюции могут оказать Англии существенную услугу. Члены Ассамблеи были проинформированы г-ном Эрнером о происхождении и развитии чумы крупного рогатого скота в Англии и были глубоко заинтересованы сообщением о неминуемой опасности, которой подвергаются многие страны, закупающие племенное поголовье на британских островах. Теории о спонтанном происхождении немало забавляют здешних ученых, поскольку они справедливо полагают, что мы не должны так сильно отставать от всех народов в знаниях о распространении такого заболевания, как степной мор.

Примечание E.

Итак, если бы болезнь пришла из-за границы и больной скот был отправлен по другую сторону моря, то, без сомнения, путешествие привело бы к концентрации и обострению болезни. Он не смог сказать, пришла ли болезнь из-за границы или откуда-то еще. Сэр Джордж Грей спросил его, обнаружил ли он какую-либо болезнь среди иностранного скота, поступавшего на рынок. У него не было ни одной. Он мог только сказать, что у них не было случаев заболевания, за исключением коров, независимо от того, поступали ли они с молочных ферм в Лондоне или где-либо еще. Насколько им было известно, ни один бык не был осужден. — Мистер Гиббинс, 18 августа, собрание в Особняке.

Самый первый сарай, в котором, должно быть, появилась чума в Лондоне, является образцом чистоты, и поголовье было великолепным, о чем свидетельствуют животные в сарае, на которые

болезнь не распространилась. Почти одновременно болезнь вспыхнула на Эссекских болотах, и в каждом случае мы прослеживаем более или менее прямое заражение чужеродными животными.

Примечание F.

Вена, август 1865 года.

28 августа около тридцати членов Конгресса приняли приглашение посетить известное сельскохозяйственное предприятие в Альтенбурге, Венгрия. После того, как посетители осмотрели стада и другие принадлежности этого учреждения, профессор Мааш, его директор, сообщил, что чума крупного рогатого скота появилась в Никольсдорфе, примерно в четырех немецких милях от Альтенбурга. Президент Конгресса знал об этом факте еще до того, как группа отправилась из Вены в Венгрию; но поскольку он опасался, что некоторые энтузиасты сначала увидят чуму, а затем осмотрят стада в Альтенбурге, он предпочел прибегнуть к хитрости передачи информации через профессора Мааша, после того как был осмотрен крупный сельскохозяйственный колледж Венгрии. Никольсдорф, где степной мураш появился 10 августа, представляет собой изысканно чистую деревню с хорошо выбеленными зданиями и широкими дорогами, составляющую центр процветающего сельскохозяйственного района. Его жители - типичные венгры, не слишком стремящиеся работать и, в целом, бедные; но они интеллигентны, несмотря на национальную склонность обрабатывать тысячу акров плохо, а не одну четвертую от общего количества. Их потребности невелики, и их мирская роскошь, помимо картофеля и шнапса, покупается на прибыль, полученную от больших стад крупного рогатого скота. Когда мы посетили деревню, только одно стадо пострадало от чумы крупного рогатого скота. Это стадо состояло из 1225 голов, разделенных на три партии. Пострадавшая часть насчитывала 450 животных — быков, предназначенных для работы и убоя, — в возрасте от трех до семи лет. Коровы и телки не пострадали. 450 животных, среди которых обнаружилась болезнь, содержались не менее чем в шестнадцати различных сараях в Никольсдорфе. Из каждого из этих мест были вывезены больные животные и либо забиты, либо оставлены умирать. 29-го мы убили четверых для вскрытия. Еще шестеро были убиты ранее, с них сняли шкуры и полностью похоронили тела; девять умерли, а двоих мы оставили при жизни, чтобы вскоре зарезать и избавиться от остальных. Окружной ветеринарный врач, постоянно находившийся при нем, был чрезвычайно активным и умным человеком, который распознал болезнь при ее первой вспышке и принял такие меры по разделению, уничтожению и захоронению, которые предотвратили распространение болезни так быстро, как это произошло в Англии.

Причиной вспышки было смешение скота торговцев скотом со стадом Никольсдорф; и хотя полностью отследить животных, которые были переносчиками, не удалось, считается, что они принадлежали мяснику, который приобрел их в Коморне, где свирепствует болезнь. Наблюдались единичные вариации проявляющихся симптомов, особенно при первом поражении животных. Во время вспышки в Никольсдорфе неизменно наблюдался инкубационный период в пять или шесть дней; затем появляется неистовство или бред: быки таращат глаза, режут, топают ногами, готовы напасть на людей, которые приближаются к ним, и, кажется, периодически испытывают головокружение. Они дрожат, их мышцы подергиваются,

вскоре из глаз начинают выделяться выделения, а слизь, которая течет изо рта, пенится. Пульс сначала медленнее, чем обычно, пока не появятся все симптомы лихорадки. Чаще наблюдается запор, чем диарея, хотя при осмотре обнаруживается, что все слизистые оболочки поражены именно таким образом, который так часто наблюдается в Англии во время нынешней вспышки. Различия в симптомах объясняются особенностями породы, состоянием стойл, пищей, на которой жили животные, и подобными обстоятельствами. Возможно, мы еще услышим об этих венгерских вспышках, но, скорее всего, ни в одной части Австрии мы не станем свидетелями массового опустошения, которое сейчас происходит в Великобритании.—*Международный ветеринарный конгресс.*

Примечание G.

В настоящее время скотоводы отправляют зараженных животных на рынок или на какую-нибудь бойню, где их могут зарезать. Считалось, что было большой опасностью позволять гонять по улицам зараженных коров. Если бы можно было отделить хороших животных от плохих и если бы последних можно было доставить в санатории, где врачи могли бы их оперировать, то это принесло бы большую пользу; и тогда, если бы животные умерли, их похоронили бы на месте. Все профессора были согласны с тем, что, если будет собран компенсационный фонд ипастуху будет сказано, что ему будет выплачено вознаграждение за его потерю, он немедленно сообщит властям, когда болезнь появится в его коровнике. Сарай за сараем теперь закрывались, и мужчины и женщины, которые еще вчера казались богатыми, на следующий день превращались в руины. Иллюстрации этого было бы достаточно. На прошлой неделе у скотника в Пимлико было 70 или 80 здоровых коров. В среду трое из них были найдены мертвыми. В четверг 42 из них были отправлены на рынок. Из этих 42 животных у трех проявились симптомы болезни, и затем все 42 животных пришлось зарезать, потому что болезнь была среди этих троих. Таким образом, бедняга был разорен. В прошлый понедельник он отправил на рынок еще девять коров, и их тоже пришлось зарезать. В настоящее время мужчина был абсолютно не в своем уме. Из его 70 голов скота у него не осталось ни одной. Некоторые люди говорили, что болезнь возникла из—за плохой воды, плохой вентиляции и плохих коровников; но в случае мисс Бердетт Куттс, у которой было 40 голов крупного рогатого скота, которые содержались самым тщательным образом — особенно с того момента, как она услышала, что болезнь среди них, — все исчезли, за исключением одной коровы; так что, была ли причиной этого нехватка воды или недостаточная вентиляция в других случаях, это был пример, когда было сделано все, что можно, и все же чума свирепствовала и за ней последовала смертность.—Мистер Бердетт Куттс. Гиббинс, *Встреча в Особняке.*

Примечание J.

Вчера утром доктор Джарвис, медицинский работник больницы Святого Мэтью в Бетнал-Грин, получил информацию о том, что у мистера Кастелла, крупного поставщика молока, за последнюю неделю погибло восемьдесят четыре коровы. Другие скотоводы в этом районе также понесли большие потери. Болезнь проявила себя с большей или меньшей

вирулентностью в больнице Святой Анны, Лаймхаус; Сент-Джон, Хакни: Сент-Мэри-ле-Боу, Сент-Джордж-ин-Ист, Сент-Джон, Уоппинг; Крайст-Черч, Спиталфилдс; Сент-Леонардс, Шордич; Сент-Мэри, Уайтчепел; Сент-Пол, Шедуэлл; деревушка Рэтклифф, Сток-Ньюингтон, Кингсленд и Тоттенхэм.

Г-н Гиббинс, председатель Комитета по рынкам Метрополитен, г-н Радкин, член комитета, г-н Тегг, ветеринарный врач на рынке, и г-н Болдри, клерк на рынке, вчера обратились к действующему магистрату полицейского суда Клеркенуэлла за повестками против владельцев коров за отправку больных коров на рынок. В течение текущей недели на рынке и ярмарках было изъято и осуждено не менее девятнадцати коров. Приказ был запрошен в соответствии с 8-м разделом недавнего Постановления Совета, в котором говорилось, что запрещается отправлять или привозить на какую-либо ярмарку или рынок, или отправлять или перевозить по любой железной дороге, или на любом корабле, или вдоль побережья, или размещать на любом шоссе или по его сторонам любое животное, страдающее болезнью, или водить его по нему. Изъятый скот не был осмотрен государственным инспектором, и владельцам не было выдано никакого свидетельства о том, что он пригоден для изъятия. Рыночные власти хотели, чтобы было известно, что по каждому делу, доведенному до их сведения, будет возбуждено судебное разбирательство. Мистер Кук заметил, что инспекторы имели право изымать и забивать или заставлять забивать и хоронить в любом удобном месте любое животное, пораженное болезнью. Было ли это сделано? Мистер Тегг сказал, что в некоторых случаях животные были забиты, а остальные будут забиты в течение дня. Повестки были удовлетворены.

Вчера повестки, выданные по просьбе мистера Фредерика Томаса Стэнли, члена Королевского колледжа ветеринарных хирургов, и одного из инспекторов, назначенных в соответствии с Постановлением Совета, были доставлены на слушание к мистеру Берчаму, магистрату полицейского суда Саутуорка. Повестка по первому делу была адресована Томасу Мередиту из конюшни "Флайинг" на Блэкмен-стрит, поскольку ответчик без разрешения указанного инспектора незаконно вывез из своего помещения несколько животных, страдающих от болезни крупного рогатого скота. Мистер Слей, проинструктированный мистером Гантом, по-видимому, поддержал повестку в суд, а мистер У. Эдвин - ответчика. Были представлены доказательства того, что обвиняемый был предупрежден о том, что коровы больны, но, несмотря на это, он их вывез. Дальнейшее слушание дела было отложено, как и другие повестки аналогичного характера.

Во исполнение полномочий, возложенных на него законодательным собранием штата Мэн, губернатор острова Мэн издал прокламацию, запрещающую ввоз крупного рогатого скота на остров. В соответствии с тем же законом его превосходительство имеет право подвергнуть весь крупный рогатый скот, ввозимый на остров, пятидневному карантину.

Примечание К.

Отслеживая, как мы это делали, продажу зараженного скота из-за границы еще 19 июня, мы обнаруживаем, что каждую неделю, пока болезнь была среди нас, заражался новый округ; и даже больше, если учесть, что Шотландия не избежала этого.

Примечание L.

Шотландия.—Чума крупного рогатого скота распространилась на север, в Абердиншир, и почти одновременно убила несколько животных на трех фермах, расположенных на расстоянии многих миль друг от друга. Владельцы скота в одном из округов и Королевская северная сельскохозяйственная ассоциация предпринимают или намерены предпринять резкие и оперативные шаги, чтобы остановить прогрессирование заболевания. Комитет ассоциации, собравшийся в пятницу, назначил инспекционную комиссию, организовал публичное собрание заинтересованных лиц и благосклонно отнесся к идее создания фонда взаимного страхования от жертв и убытков, к которым может привести распространение болезни. В пятницу в Стерлинге также состоялось собрание Генерального центрального союза, и был назначен комитет для обсуждения этого вопроса с директорами Хайлендского общества и представления доклада на другом собрании, которое состоится в следующую пятницу.—*Шотландец*.

Самое важное сообщение, полученное сегодня, пришло из Шотландии. Болезнь, несомненно, разразилась близ Келсо, четырнадцать голов крупного рогатого скота ввезены в Лондон и отправлены на север. Двадцать восемь животных были заражены этой болезнью в Вулвиче, и, как говорят, телята с лондонского рынка привезли болезнь в Хоршем и Гринстед.

Была получена информация о продаже по меньшей мере пятидесяти четырех больных животных на Столичном рынке крупного рогатого скота 3-го числа.

Примечание M.

Мистер Чарльз Пэнтер по просьбе графа Грэнвилла составил справку о состоянии коров на ферме, нанятой его светлостью в Голдерс-грин, на Финчли-роуд. Публикуя заявление, эрл Грэнвилл говорит: "Когда я месяц назад покидал Англию, в четырех сараях было около 130 дойных коров. В двух самых крупных и лучше всего управляемых хозяйствах вчера (4 сентября) я нашел только одну корову. Его королевское высочество герцог Кобургский сообщил мне на прошлой неделе, что, по его мнению, та же болезнь посетила Кобург в прошлом году. Никто не мог проследить ее происхождение, и никакое медицинское лечение не увенчалось успехом. Воздух и вода были их единственными лекарствами. Некоторые мужчины умерли от употребления мяса, убитого на определенной стадии болезни. Его королевское высочество видел, как за четыре часа умерла лошадь, убитая мухами, слетевшимися с туши коровы, которой позволили остаться над землей. Болезнь исчезла осенью так же таинственно, как и появилась. Я понимаю, что профессор Саймондс придерживается мнения, что болезнь, упомянутая герцогом Кобургским, не совпадает с той, от которой мы страдаем здесь, и что ее название — сибирский паразит ". Заявление мистера Пантера датировано 4 сентября и гласит: "13 июля я купил пять голландских коров на Столичном рынке и поместил их на карантин на ферме Чайлдс-Хилл, в миле отсюда. 22 июля у одной из них появились признаки слабости; последовал понос. Думая, что это всего лишь простуда, ей оказали соответствующее лечение, но состояние продолжало ухудшаться, и через пять дней она умерла. Еще двое подверглись аналогичному нападению, когда была вызвана ветеринарная консультация, но через пять дней

все они либо умерли, либо были забиты. Были приняты все меры предосторожности, чтобы предотвратить распространение инфекции здесь; мужчинам, ухаживавшим за больным скотом, не разрешалось находиться среди здорового скота, и *наоборот*. Но до этого, когда болезнь распространилась по лондонским коровникам, я принял меры предосторожности, такие как ежедневное обильное использование хлористой извести, вводил каждой корове по одной унции селитры на полпинты воды и небольшое количество дегтя, а также красил им носы дегтем. Но, к сожалению, 8 августа болезнь проявилась здесь, у жирной коровы, которая десять месяцев находилась в хорошо построенном, хорошо осушаемом и вентилируемом сарае. В течение девяти недель не добавлялось новое поголовье. Через несколько часов симптомы этого заболевания проявились еще у четырех коров. Я немедленно приказал всех их удалить и зарезать, а также провел *посмертное* обследование и обнаружил, что трахея находится в состоянии разложения, легкие раздуты, тонкие кишки красные и воспаленные, а мясо темно-желтого цвета снаружи и темно-красного внутри, которое я считаю непригодным для употребления в пищу после первой стадии. Болезнь ограничивалась вышеупомянутым загонем с сорока восемью коровами (которые теперь все исчезли) до 20 августа, когда она вспыхнула в другом загоне с тридцатью пятью коровами, примерно в десяти ярдах от первого, и продолжала свои опустошительные действия, унося от двух до четырех коров ежедневно, пока все они не исчезли, кроме двух, одна из которых не подверглась нападению; другая, у которой был тяжелый случай, вылечена и частично снова начала получать молоко. При первых симптомах я отделил ее от остальных животных и два дня не лечил, пока не начался понос; затем я дал ей бутылку бренди и четыре унции молотого имбиря в трех квартах старого эля. Она пролежала в каком-то оцепенении двенадцать часов, когда я заметил перемену в ней к лучшему. Я продолжал давать ей ежедневно четыре кварты каши, приготовленной из старого эля и двух унций имбиря. Через четыре дня она достаточно оправилась, чтобы есть немного сена и т.д. и обходиться без дальнейшего лечения. В другом случае вышеуказанное лечение не дало результатов, и животное умерло через три дня. В других случаях я разрешал лечить их любому, кто считал, что у них есть средство, как профессионалам, так и другим людям. Один настойчивый молодой ветеринарный врач приехал из Сомерсетшира и самым энергичным образом вылечил двух пациентов, но потерпел неудачу в обоих; один умер через четыре, а другой - через восемь дней. В других случаях были испробованы тонизирующие средства, стимуляторы, блистеры и ситоны, но все они оказались безуспешными. Всего из восьмидесяти одной пропавшей коровы была английской породы; у нас пока не было никаких потерь в двух других сараях, состоящих примерно наполовину из английских и наполовину голландских коров и стоящих примерно в сорока ярдах от зараженного сарая. Возможно, вашей светлости будет интересно узнать, что я приказал немедленно очистить хлев на ферме Чайлдс-хилл дезинфицирующими средствами, промыть горячей известью и т.д., Купил двенадцать свежих коров и поместил их туда 16-го числа, которые сейчас совершенно здоровы; а у соседа, расположенного на полпути отсюда к этой ферме, было двадцать три коровы, лежавшие в поле; чума унесла двадцать из них, и через три недели он заменил их новым скотом, который все еще здоров, так как они были у него месяц назад. У другого соседа, в миле от него, две недели назад на полях лежало прекрасное стадо из семидесяти двух коров (англичан). Среди них разразилась чума, и теперь у него осталось только восемь здоровых. Исходя из моего собственного опыта и из всего, что я могу узнать, я полагаю, что болезнь носит атмосферный характер и имеет тифозный характер. Первым симптомом у дойной коровы является почти полная потеря молока, затем потеря аппетита, водянистые выделения из глаз, ноздрей и рта, которые густеют по мере развития самой болезни; жевание прекращается, уши отвисают, глаза

отяжелели и ввалились, в экскрементах видны кровяные выделения, наблюдается сильная слабость, начинается диарея, и смерть наступает через от трех до девяти дней. Я читал о том, что железная вода является профилактикой болезни. Вся вода, которую выпили ваши коровы, проходит шесть миль по ржавым железным трубам".

Примечание N.

Загон скота в Холли Лодж.—27 июня в Буши, недалеко от Уотфорда, был куплен бык Олдерни и помещен с остальным стадом, которое тогда состояло из одиннадцати коров, пяти телят-сосунков, трех годовалых телок и одного быка. Бык был завезен из Олдерни в течение нескольких месяцев. Примерно через месяц после этого, а именно 29 июля, на теленка напали с необычными симптомами. Ее отделили от остальных; давали питательные напитки; но после отела она умерла через сорок восемь часов после появления первых симптомов. Это привело к предположению, что она умерла от болезни, которая затем начала преобладать. Эта корова паслась вместе с другими на поле, которое иногда использовалось для выпаса овец, которых отвозили на столичный рынок крупного рогатого скота и, если не продавали, возвращали обратно до следующего рыночного дня; овцы были отделены от коров железными заграждениями. Поместье Холли Лодж частично ограничено с востока маршрутом, по которому погонщики иностранного и другого скота идут на рынок и обратно, часть которого также иногда привозят обратно на соседние поля. Большая дорога образует западную границу в нескольких ярдах от коровников и пастбищ. Эти факты приведены для того, чтобы показать, что инфекция могла легко передаваться животным. Несколько дней спустя на трех телят напали холодная дрожь и подергивания мышц. Предыдущие ночи внезапно стали необычно холодными и влажными, и симптомы сначала приписывали этой причине. Хотя эти телята паслись отдельно от коровы, которая умерла первой, корову прогнали через поле, где лежали телята, к сараю, в котором она умерла, телят поместили в следующий сарай, где двое из них умерли 6 августа, безошибочно от чумы крупного рогатого скота. Третий теленок был отправлен в Королевский ветеринарный колледж, где он тоже умер. К 9 августа болезнь охватила четырех коров и быка настолько сильно, что было сочтено необходимым убить их после трехдневной болезни. 12-го числа также были уничтожены корова и телка, а 14-го умер один из телят-сосунков. Таким образом, из стада в девятнадцать животных двенадцать умерли в течение двух недель. Болезнь овладела ими так сильно и внезапно, что нельзя было применять никаких систематических средств лечения, кроме отделения, согревания, стимуляторов и лекарств, обычно назначаемых при простуде и лихорадке. 13 августа еще две коровы были признаны неизлечимыми двумя вызванными ветеринарными врачами; но по дальнейшему совету было решено испробовать на них метод лечения, который до сих пор не применялся. В кашницу добавляли одну драхму каломели, через четыре часа - пинту касторового масла и через три часа - кварту дрожжей. В кашницу из дрожжей и овсянки добавляли около двух кварт теплого портера и давали через определенные промежутки времени. Эти средства действовали наиболее эффективно, а в одном случае значительно ободрили. На следующий день корова начала есть сено, жевать жвачку и давать большое количество молока. Эти средства вместе с биксульфатом соды, который неизменно вызывал возврат молока, и хинином были затем опробованы на четырех других пациентах с переменным успехом. Но в конце концов все эти коровы умерли, как полагают, не от падежа крупного рогатого скота, а от истощения, вызванного действием

введенных им лекарств. Это убеждение было подкреплено здоровым внешним видом внутренностей первой коровы, над которой проводились такие эксперименты, после того, как ее частично препарировали после смерти. Оставшаяся обработанная таким образом корова все еще жива. Невозможно не поверить, что если бы врач, который любезно уделил свое внимание этим животным, был лучше знаком с телосложением животного или если бы те, кто ухаживал за ними, имели какие-либо познания в медицине, три коровы, обработанные таким образом, могли бы и, вероятно, выздоровели бы; и даже когда животные умирали, последствия были менее серьезными, вирулентность яда была удалена — по крайней мере, это было незаметно для тех, кто их препарировал. В течение двух недель, когда свирепствовал мор, одна корова с телятком и один теленок, по-видимому, оставались совершенно здоровыми, пока обе не были схвачены с интервалом в день друг от друга; их всегда держали отдельно от больных животных, и за ними ухаживали другие люди. Теленок умер, и корова была уничтожена из-за того, что симптомы были настолько сильными. В этом случае было дано очень мало каломели. Поскольку, возможно, стоит упомянуть все подробности, здесь можно указать, что люди, ухаживавшие за животными, были обеспечены одеждой и что было сочтено желательным давать определенное количество стимуляторов — бренди, кофе и крепкого супа — для предотвращения тошноты и других неприятных ощущений, от которых страдали люди. Все указания относительно захоронения животных, изданные Тайным советом, были строго соблюдены; одежда и т. д. Были сожжены, хлористая известь (дезинфицирующее средство Макдугалла) использовалась вместе с другими средствами для уничтожения насекомых и мух, с большим количеством побелки. Мужчинам было рекомендовано использовать в качестве ополаскивателя для рта манганат калия. Первый урожай травы на поле, где лежал скот до болезни и во время нее, также был уничтожен; предполагается использовать какое-нибудь дезинфицирующее средство, такое как древесный уголь или известь, для посева по полю. Мисс Б. К. настолько убеждена, что можно найти какой-то способ лечения, который облегчит, если не спасет жизнь, что она решила нанять джентльмена-врача, который любезно предложит свои услуги, а также воспользоваться советом хорошего коровника или ветеринарного врача и испытать действие различных средств в некоторых коровниках, где люди будут рады провести такие эксперименты; и она также намерена просить Тайный совет разрешить одному из правительственных инспекторов оказывать помощь и сообщать о случаях. Возможно, будет не совсем неважным добавить, что состояние атмосферы, по-видимому, оказало некоторое влияние на здоровье животных, поскольку в тех случаях симптомы были наиболее выраженными во время разразившихся тогда гроз. Вернувшееся молоко оказалось довольно водянистым, а сливки имели странный вид. Сначала свиньи отказались от него, и было сочтено нецелесообразным продолжать давать его вообще каким-либо животным примерно в течение недели. Сейчас он совершенно хорош.

Примечание О.

В сообщениях из Голландии, датированных Гаагой 6 сентября, говорится: "В настоящее время заболевание крупного рогатого скота наблюдалось в приходах Кетель, Дельфсхафен, Мурдрехт, Уардинген, Аверши, Квалинген, Ньюверкерк на Исселе (в двух часах езды от Роттердама), Спикениссе, Схидаме, Херрянсдаме, Маасланде, Соммельсдике и Зевенхейзене. Больше всего он распространился в Кетеле, где впервые вспыхнул среди груза крупного рогатого скота, не

допущенного в Англию. В других приходах на 1 января было заражено около шестидесяти животных. Посмертное обследование больных животных показывает аномальные проявления, которые были обнаружены при заболевании в других местах, *т.е.*, опухшие слизистые оболочки с красными пятнами, своеобразные выделения в четвертом отделе желудка и кишечника и т.д. Медицинская комиссия объявляет болезнь *контагиозным тифом крупного рогатого скота* современной ветеринарной хирургии и рекомендует лечить инфицированных животных от трех до четырех драхм соляной кислоты, смешанной с шестью унциями патоки и отваром льняного семени. Говорят, что отвары перуанской коры и ивовых пилингов с добавлением серного эфира также полезны для ослабленных животных. Особенно настоятельно рекомендуется избегать любых контактов животноводов с зараженными животными, а также проветривать и содержать в чистоте стойла. Рынки крупного рогатого скота и ярмарки приостановлены до дальнейших распоряжений, а на пароходах и железных дорогах приняты чрезвычайные меры по дезинфекции".

Примечание Р.

Следующий документ был получен в Министерстве иностранных дел от агента ее Величества и Генерального консула в Бухаресте:-

(Перевод из официального "Монитора", № 173, 8-20 августа 1865 г.)

Общее руководство санитарной службой.

С 1 по 15 июля вспыхнула эпизоотия тифа среди крупного рогатого скота в районах Ильфов, Яссы, Болград, Фальчин, Бузео и Роман, которая все еще продолжается, но идет на убыль. Руководство, в связи с этим, публикует вышеизложенное для сведения заинтересованных лиц.

Генеральный директор,
(Подпись) Д. Глюх.

2-14 августа 1865 г.

Примечание R.

14августа.

Вопрос об инфекции.— Вчера днем мистер Альфред Эбсворт, проживающий по адресу: Саутуорк, Тринити-стрит, 11, медицинский работник прихода Святой Марии, Ньюингтон, предстал перед действующим мировым судьей, чтобы сделать заявление относительно состояния прихода в результате наплыва заболевшего скота и способа, которым от него избавились. Обращаясь к мировому судье (г-ну Бернхэму), г-н Эбсворт сказал, что в то утро он, в качестве медицинского работника прихода Святой Марии в Ньюингтоне, получил приказ оказать профессиональную помощь человеку, который был серьезно болен на Кент-стрит, в пределах прихода. Во время посещения пациента его внимание было привлечено к состоянию

бойни на другой стороне улицы, где, как ему сообщили, находилось пятнадцать коров, которых правительственный чиновник приказал уничтожить на Оружейном складе каменщиков, а затем похоронить. Животные были соответственно уничтожены людьми, нанятыми мистером Джорджем Николлсом, владельцем данного скотного двора; и от мистера Николлса он узнал, что вместо захоронения туш животных их везли на телегах через приход Сент-Джорджес в Митчем, где их отваривали и возвращали обратно через приход Сент-Мэри в Ньюингтоне в виде кошачьего мяса. Он (мистер Эбсворт) счел своим долгом обратиться к мировому судье с этой жалобой, особенно когда чума крупного рогатого скота была столь широко распространена. Он имел право поинтересоваться, на каких основаниях туши не были утилизированы на месте, где они были забиты, вместо того, чтобы быть перевезенными через приход, который он представлял, способом, рассчитанным на распространение инфекции. Он не мог не рассматривать это как в высшей степени несправедливое разбирательство и присутствовал при нем, чтобы предотвратить повторение подобной практики. Мистер Фредерик Т. Стэнли представился и сказал, что является членом Королевского колледжа ветеринарных хирургов. Он был назначен инспектором крупного рогатого скота согласно приказу Тайного совета. В округе не было средств для захоронения туш больных и обреченных животных, и в упомянутом случае они не могли быть захоронены в коровнике. Похоронить трупы в лондонских районах было невозможно, и поэтому их отправили на живодерню, где, как предполагалось, от них избавятся. Мистер Эбсворт: И это, ваша милость, то, на что я жалуюсь. Мистер Берчем: Вы думаете, что практика, на которую вы обратили мое внимание, рассчитана на распространение болезни. Мистер Стэнли заявил, что шкуры были продезинфицированы по его специальному распоряжению. мистер Берчем заметил, что животные были доставлены на бойню не для того, чтобы их забили и похоронили, а для того, чтобы с них сняли шкуры и продезинфицировали. Почему их должны были отвезти в Митчем? Мистер Стэнли заявил, что болезнь не могла быть передана от мертвого животного, и она передавалась только путем прививки или через дыхание живого животного на мертвом теле больного быка. Мистер Берчем: Я не согласен с вами в этом мнении. Я считаю, что инфекция может передаваться через мертвое животное. мистер Эбсворт сказал, что таково его мнение, и, принимая во внимание 28 000 пациентов в приходе, он счел своим прямым долгом обратиться с этой жалобой. Мистер Берчем придерживался того же мнения и считал, что такой товар нельзя допускать к перевозке по общественным улицам в открытых тележках. Как раз перед тем, как магистрат собрался подняться, мистер Стэнли представил его преосвященству профессора Саймондса, и между ними завязалась долгая беседа (наедине). По окончании лекции профессор Саймондс удалился, а мистер Берчем сказал: "Я хочу заявить, что хотел убедиться в том, что мистер Стэнли сделал все, что было возможно в тех обстоятельствах, которыми он был окружен, в разгар больших трудностей. У меня была беседа с профессором Саймондсом, и он сообщил мне, что существуют величайшие трудности, если не невозможность, в поиске каких-либо мест близ Лондона, где можно было бы захоронить трупы больных животных. В рассматриваемом мной деле эти животные были забиты на Оружейной станции каменщиков, а затем отправлены на бойню на Кент-стрит, полагая, что владелец бойни располагает средствами для их варки. По-видимому, у него не было такого оборудования, и поэтому он счел необходимым отправить туши в Митчем, ближайшее место, где, по его мнению, туши можно было закопать и утилизировать, а окрестности тем самым продезинфицировать. Профессор Саймондс совершенно уверен, что это мясо при варке ни в коем случае не может вызвать распространение инфекции. Было возможно, но маловероятно, что инфекция могла быть занесена тушами больных животных по пути к месту, где их должны были вываривать; но из того, что я только что услышал, мне кажется, что были приняты все меры

предосторожности для предотвращения такого происшествия. Похоже, что власти не могут найти место на разумном расстоянии, где можно было бы закопать туши, и, следовательно, они вынуждены прибегнуть к их варке в качестве единственной альтернативы. Справедливо, что я должен добавить, что поведение мистера Стэнли, инспектора, полностью соответствовало полученным им указаниям, не только в соответствии с Распоряжениями Совета, но и санкционированным сегодня в моем присутствии профессором Саймондсом. Я надеюсь, что это заявление выбросит из головы мистера Стэнли любое неблагоприятное впечатление, которое у него могло сложиться; и я только добавлю свое мнение, что больной скот следует перевозить через эти густонаселенные районы в закрытых, а не открытых повозках. На этом беседа завершилась, и в необычно поздний час заседание суда было закрыто.

Больное мясо.— Вчера в полицейском суде Темзы Генри Фросту, пожилому мужчине, было предъявлено обвинение в том, что он разрешил разместить в занимаемом им помещении в задней части дома № 13 по Сидни-стрит, Степни, четыре четверти говядины, приготовленные для продажи и предназначенные для употребления в пищу, но непригодные для употребления в пищу человеком. Фрост занимался бизнесом зеленщика. Он утверждал, что сдал заведение другим мужчинам, которые и были настоящими преступниками. Было намекнуто, что администрация ризницы не намерена настаивать на суровом наказании. мистер Пейджет оштрафовал заключенного на 40 долларов. В Клеркенуэлле мистер Тегг, инспектор Столичного рынка крупного рогатого скота от городских властей, обратился к мистеру Д'Эйнкурту за приказом уничтожить некоторое количество зараженного мяса, которое он намеревался изъять. Мистер Д'Эйнкорт сказал, что мясо должно быть действительно изъято и осуждено на основании улики, прежде чем он сможет сделать заказ. В деле об изъятии 32 четвертаков говядины весом около 3000 фунтов, которые были обнаружены на территории мясокомбината в Плезант-гроув, Бель-Айл, г-н Д'Эйнкорт отклонил ходатайство, поданное против ответчика в соответствии с Законом об устранении помех. Выдвинутая защита заключалась в том, что мясо было признано убийцей испорченным сразу после забоя животных.

Примечание S.

Приказы Совета, казалось, только усложняли дело, и самым трудным вопросом было то, как эффективно бороться со злом. Одни говорили, что лучшим лекарством был нож, а другие предлагали отправить больных животных в санаторий. Уничтожить больной скот было невозможно, за исключением случаев, когда его владелец или инспектор обходили его стороной и получали постановление мирового судьи об их уничтожении. Последнее заседание было отложено, среди прочего, для того, чтобы комитет мог ознакомиться с мнением сотрудников правоохранительных органов по данному вопросу. Однако случилось так, что большинство сотрудников юридической службы Корпорации в настоящее время находились за городом. К счастью, был найден Простой сержант, и он дал заключение, которое подтвердило мнение комитета о том, что у них нет полномочий убивать и нет полномочий делать что-либо, кроме как в вопросе изоляции. Затем комитет принял решение о том, что следует сформировать другой комитет для сбора необходимых средств для выплаты компенсаций владельцам крупного рогатого скота и проследить за тем, чтобы эти средства были использованы должным образом, поскольку деньги предназначались только для борьбы с чумой крупного рогатого

скота и не предназначались для выплаты компенсации за плеввропневмонию или болезни ног. Другими словами, теперь они принимали законы только в отношении чумы крупного рогатого скота. Он жил в Далвиче и обнаружил, что в соседних деревнях много коров, и никогда в жизни он не видел более прекрасных коров. Ни одна из них не была поражена этой болезнью. В Пекхэме был пастух, у которого было 200 коров, и все они были в самом здоровом состоянии. В Брикстон-Хилл у человека было 30 коров в таком же отличном состоянии. В Далвиче почти все коровы были больны, но там хлев и другие помещения были в чрезвычайно плохом состоянии. В некоторых районах Пекхэм-Рай некоторые пастухи потеряли свой скот, но и там помещения плохо проветривались, а за коровами плохо ухаживали. Он считал, что болезнь можно предотвратить, если принять надлежащие меры предосторожности со стороны тех, кто больше всего заинтересован в поддержании своих коров в здоровом состоянии. Он также считал, что этот вопрос затрагивает весь столичный округ в той же степени, что и сам Город. В последнее время было изъято не менее 106 голов больного крупного рогатого скота; но, как он сказал ранее, они не могли быть убиты без приказа магистрата, а магистрат, естественно, испытал бы трудности, отдав приказ убить столько, сколько 106 голов. При таких обстоятельствах было необходимо, чтобы депутация явилась к министру внутренних дел и попросила его обеспечить средство правовой защиты, а также сообщить властям, что они должны делать в такой критической ситуации. Если, как теперь выясняется, инспекторы и комитет рынков забивали животных без разрешения, кто должен был оплатить расходы, если против них будет возбуждено судебное разбирательство? Профессор Саймондс, по-видимому, думал, что на следующей сессии будет внесен законопроект о возмещении ущерба, и, конечно, что-то в этом роде было признано необходимым, поскольку теперь сюда прибывал скот, который был передан А., В. и С., и тогда владельцев невозможно было найти, а без согласия владельцев больных животных нельзя было убивать. Следующая тема в отчете касалась бойен. Поскольку в настоящее время не было мест, куда крупный рогатый скот на начальной стадии заболевания можно было бы вывести из сараев, в которых он содержался, вместе с незараженным скотом, теперь было предложено открыть в Лондоне бойни для его приема. Затем возник вопрос, как перевезти животных из сараев на бойни? Многие придерживались мнения, что их следовало вывозить в фургонах, а не возить по улицам; но, как бы то ни было, в мегаполисе должны быть построены бойни, где зараженных животных можно было бы убивать. Затем возник вопрос, как вести себя с животным, впервые пораженным болезнью? Было предложено предоставить больницы или санатории, в которые следует отправлять животных. Но это был вопрос огромной важности, на который должно было быть направлено внимание назначаемого комитета и врачей. Если чума продолжится, она затронет все классы населения, как богатых, так и бедных, и вместо того, чтобы мясо продавалось по разумной цене, как сейчас, оно подорожало бы на 4г. или 6г. за фунт; но он надеялся, что болезнь удастся остановить, особенно потому, что профессора Саймондс и Гэмджи добились большего успеха в лечении, чем раньше.

Примечание Т.

31 августа.

Депутация в Министерство внутренних дел.— Вчера днем лорд-мэр проследовал из особняка в Министерство внутренних дел и имел беседу с мистером Уоддингтоном по поводу чумы крупного рогатого скота и желательности создания больниц или санаториев в столичных округах для приема и медицинского лечения заболевшего крупного рогатого скота. По этому случаю его светлость сопровождала следующая делегация от Комитетов по рынкам и борьбе с чумой крупного рогатого скота: мистер Гиббинс (председатель Комитета по рынкам), мистер Уэббер, мистер Гауэр, мистер Брюстер, мистер Радкин и доктор Джарвис (ответственный за здравоохранение Бетнал-Грин). Сэр Джордж Грей уехал из Лондона в Фаллоден.

Лорд-мэр представил депутацию мистеру Уоддингтону и при этом сказал, что их целью является получение разрешения правительства на создание больниц или санаториев в столичных округах, куда можно было бы доставлять заболевший скот из коровников, чтобы они могли там получать медицинскую помощь и, по возможности, восстанавливать здоровье. Он отметил, что подобные учреждения были созданы в Эдинбурге и других крупных городах и что было установлено, что они работают наиболее удовлетворительно не только в том, что отделяют больной скот от незараженного, но и в том, что предоставляют медикам возможность применять свои навыки и знания в условиях, более благоприятных для справедливого судебного разбирательства над обоими, чем они могли ожидать в переполненных коровниках, многие из которых были в грязном состоянии и плохо вентилировались. Он указал на прогресс, которого достигла и продолжает добиваться чума в метрополии, и на то, как ее влияние на высокие цены на мясо и молоко сказывается на всех классах общества. Трудности, по его словам, надлежащего удовлетворения потребностей дела в настоящее время очень велики, и некоторые из них заключаются в предполагаемой незаконности забоя больных животных без приказа мирового судьи, а также в незаконности перемещения больных животных из коровников в больницы, предполагая, что последние существуют. Но он надеялся, что правительство, которое, без сомнения, хорошо изучило вопрос такой огромной важности, быстро устранил эти трудности и окажет максимально возможную помощь Рыночному комитету и Столичному комитету по борьбе с чумой крупного рогатого скота, которые неустанно посвящают свое время и внимание смягчению последствий и, по возможности, прекращению этого зла. Однако в настоящее время цель депутации ограничивалась получением разрешения правительства на создание больниц или санаториев. Это была цель, получившая общее одобрение не только двух упомянутых комитетов, но и медицинской профессии, и он мог бы добавить, чтобы было отнюдь не маловажно иметь в виду, что сами скотоводы и продавцы на рынке крупного рогатого скота также поддерживали ее.

Мистер Гиббинс и несколько членов депутации подтвердили то, что услышал от лордамэра, и решительно выступили за необходимость скорейшего открытия больниц.

Мистер Радкин обратил внимание мистера Уоддингтона на тот факт, что накануне на бойне рынка крупного рогатого скота было изъято четырнадцать больных коров, которые были отправлены туда из коровников метрополии. Он утверждал, что это само по себе является доказательством того, что Приказ Совета в том виде, в каком он выполняется в настоящее время, недостаточен для предотвращения отправки больных коров из коровников их владельцами на забой для употребления в пищу людям.

Мистер Уоддингтон, который очень внимательно выслушал все заявления, сказал, что воспользуется первой возможностью, чтобы обсудить этот вопрос с сэром Джорджем Греем.

Однако в первую очередь он пожелал, чтобы делегация представила ему свои соображения в письменном виде, которые также будут переданы министру внутренних дел.

Делегация пообещала принять это предложение и поблагодарила мистера Уоддингтона за любезность, с которой он их принял, и за терпение, с которым он их выслушал.

Йоркшир.—Чума распространилась и на этот район. Однако зарегистрированных случаев крайне мало, и принимаются меры предосторожности, которые, как есть надежда, могут остановить дальнейшее прогрессирование заболевания. Во вторник в Лидсе состоялось собрание Йоркширского медико-ветеринарного общества, и этот вопрос обсуждался во всех его аспектах. Было заявлено, что четыре случая заболевания произошли в Лидсе, и болезнь также появилась в подразделении верховой езды Skyrack. Общим результатом обсуждения стало то, что членам общества было рекомендовано, когда поступал больной скот, не отдавать приказ о его забое, а помещать в санаторий для медикаментозного лечения; массовое уничтожение животных рассматривалось как пятно на профессии.

Примечание V.

Действительно, до нас дошла информация о заболевании, существующем в Дамфрисшире, но на этот счет есть некоторые сомнения. До тех пор, пока мы слышим о зараженном или, вероятно, зараженном скоте, который в больших количествах поступает с крупных рынков страны, мы должны иметь дело с распространением болезни. Ради благополучия этой страны мы глубоко сожалеем, что наше правительство не может решить этот вопрос так, как это делают континентальные власти. *С сожалением должен сказать, что некоторые наши соседи смеются над нами.* Они видят нас беспомощными из-за плачевного состояния наших законов по этому вопросу, и их немало забавляют теории спонтанного развития болезни, которые некоторые все еще отстаивают. Французский император прислал профессора Були, который все еще находится в этой стране и который по прибытии в первый раз, около десяти дней назад, телеграфировал, что порты Франции должны быть немедленно закрыты для британского скота. Это было сделано, и мы можем быть уверены, что французский народ не пострадает так, как мы должны пострадать сейчас.—Гэмджи, *Письмо от 24 августа.*

Примечание Y.

16августа.

Новые изъятия зараженного мяса.—Вчера мистеру Пэджету в ходе разбирательства в Полицейском суде Темзы сообщили, что в фургоне на прилегающем полицейском участке находилось большое количество мяса, которое было изъято в тот день мистером Дж. Стивенсом, санитарным инспектором Старого города Майл-Энда, и которое было охарактеризовано как непригодное для употребления в пищу. Инспектор заявил, что в результате получения информации о наличии большого количества зараженного мяса в магазине мистера Фроста, мясника, Сидней-стрит, Старый город Майл-энд, он отправился туда

в то утро и нашел четыре четвертинки говядины (две передние и две задние четвертинки), которые принадлежали больному животному. Он изъял их и услышал, что животное было прислано человеком по имени Стивенс, скотоводом, занимающимся бизнесом в Боу-коммон. Мясо было в очень отвратительном состоянии и совершенно непригодно для употребления в пищу. (Мистер Пейджет отправился в полицейский участок, чтобы осмотреть мясо, которое находилось в очень отвратительном состоянии.) Доктор Фримен, медицинский работник деревни Майл-энд Олд Таун, заявил, что санитарный инспектор обратил его внимание на состояние мяса. Он осмотрел его и высказал свое мнение, что его следует уничтожить, поскольку он был не только в болезненном состоянии, но и полагал, что он умер от какой-то болезни. М-р Пейджет: Можете ли вы назвать природу болезни, вызвавшей его смерть?— Свидетель: Я не могу. Скорее всего, это была распространенная эпидемия; и если бы его съели, это было бы очень вредно. Мистер Пейджет, выслушав доказательства, приказал немедленно уничтожить мясо, когда инспектор отвез фургон с его содержимым на живодерню, чтобы проследить за исполнением приказа.

Примечание Z.

Гнусная попытка распространить Чуму.—Вчера мистер Гиффорд, санитарный инспектор прихода Паддингтон, обратился (в полицейский суд Мэрилебона) за советом к мировому судье по следующим обстоятельствам: —Заявитель сказал, что в соответствии с полученной информацией он вчера посетил коровник, расположенный на ферме Мэриленд, Харроу-роуд. Он обнаружил, что дверь заперта. Заглянув в одну из щелей, он увидел корову, которая, по-видимому, находилась в наихудшей стадии распространенной в настоящее время болезни, и его мнение подтвердилось после того, как он взломал дверь и осмотрел животное. Впоследствии он установил, что больную корову увел на некоторое расстояние человек, враждовавший с владельцем фермы в Мэриленде, и тайно поместил среди здорового скота. Это был первый случай, когда болезнь проявила себя в приходе Паддингтон. Г-н Ярдли сослался на Постановление Городского совета от 24 июля 1865 года, в соответствии с которым, по его мнению, инспекторы по нарушениям имели право действовать в упрощенном порядке.

КОНЕЦ.

*ЛОНДОН:
СЭВИЛЛ И ЭДВАРДС, ТИПОГРАФИЯ, ЧАНДОС-СТРИТ,
КОВЕНТ-ГАРДЕН*

Примечание переписчика

Некоторые непоследовательные расстановки переносов и орфография в оригинальном документе сохранены.

Исправлены типографские ошибки в тексте:

Страница 62 Ge11e заменена на Gellé

Страница 67 Bruneleschi заменена на Brunelleschi

Страница 142 Rööl заменен на Röll

Страница 175 charboneux заменен на charbonneux

Страница 253 eat заменен на ate

Страница 354 lairs заменены на fairs

Страница 377 Boulay заменен на Bouley